АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ

С. Н. Семанов

ПЕТЕРБУРГСКИЕ РАБОЧИЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1966

Ответственный редактор
доктор исторических наук
К. Н. СЕРБИНА

1-6-4
25-67

ВВЕДЕНИЕ

9 января 1905 г. в 6 часов 30 минут утра несколько тысяч рабочих Ижорского завода двинулись в Петербург, чтобы к двум часам прибыть на Дворцовую площадь. Позднее многотысячные колонны рабочих выступили от Нарвской и Невской застав, с Петербургской и Выборгской стороны, из Гавани... Так началась знаменитая демонстрация петербургских рабочих, демонстрация, окончившаяся кровавым расстрелом. К вечеру на окраинах столицы появились первые баррикады с красными знаменами, которые надолго сделались характерной приметой городского пейзажа. Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. стало началом первой русской революции.

Застрельщиком этой революции выступил героический пролетариат Петербурга.

Вот почему представляется столь важным и необходимым изучение всех сторон жизни и борьбы петербургских рабочих на рубеже XIX—XX вв. Вот почему эта тема издавна привлекала к себе внимание исследователей.

16 мая 1903 г. было пышно отмечено двухсотлетие со дня основания Петербурга — столицы Российской империи. В то время Петербург был самым большим городом страны и входил в число десяти наиболее крупных городов мира. В 1900 г. население его составляло 1 439 613 чел. Здесь были сосредоточены министерства и департаменты, правления банков и акционерных обществ, Синод и Генеральный штаб. Среди жителей столицы насчитывалось 12 929 государственных чиновников и 1789 судейских чиновников, 4821 чин полиции, 3734 священника и монаха.

Но Петербург был не только официальной столицей царской монархии, он был также подлинной столицей рабочего класса страны. Как и все крупнейшие промышленные центры мира, Петербург имел свой «красный пояс» — обширные районы окраин и пригородов, где находились многочисленные фабрики и заводы, а вокруг них в тесных неблагоустроенных кварталах селились десятки тысяч рабочих. Умелыми руками петербургских металлистов создавались паровозы и броненосцы, станки и артиллерийские орудия, электрические моторы и паровые котлы. Но не

только продукцией своей тяжелой промышленности славилась русская столица. Изделия петербургских ткачей расходились по всей стране, вплоть до Закавказья и Средней Азии, вывозились в Персию и Китай. На Обводном канале широко раскинулись корпуса крупнейшего тогда в мире предприятия по производству резиновой обуви — фабрики «Треугольник», где изготовлялись галоши для всей России, — в 37 городах страны существовали отделения этой фирмы. Не менее знаменитым предприятием легкой промышленности была обувная фабрика «Скороход»; здесь выпускалось ежегодно около миллиона пар обуви. Высококвалифицированные рабочие столичных типографий первыми набирали новые произведения Толстого, Чехова, Блока.

Жизнь и борьба петербургского пролетариата — этого самого многочисленного и наиболее квалифицированного отряда русского рабочего класса, — его прекрасные революционные традиции заслуживают самого пристального изучения. На материалах истории петербурских рабочих можно отчетливо проследить важнейшие закономерности истории развития пролетариата и его классовой борьбы.

В русской и советской историографии создано значительное количество работ, посвященных изучению петербургского пролетариата. Основные исследования, которые так или иначе касаются избранной нами темы, равно как и те исторические источники, на которых мы основываемся, будут детально разобраны в тексте настоящей работы. Представляется, однако, необходимым дать предварительный общий обзор литературы, где в той или иной мере затрагивались вопросы численности, состава и положения петербургских рабочих в начале XX в.

Серьезное изучение положения петербургских рабочих в период, непосредственно предшествующий первой русской революции, началось еще по горячим следам событий. В первые годы XX столетия среди пролетариев столицы проводились некоторые обследования различными государственными ведомствами и общественными организациями. Материалы этих обследований и легли в основу первых работ по изучению данного вопроса. Одним из подобных исследований была монография Б. Леонтьева, которая посвящена положению петербургских рабочих, преимущественно текстильщиков, в 1900—1902 гг.[1] Материалом для В. Леонтьева послужили данные выборочного обследования свыше 11 тыс. рабочих. Первичные анкеты, на которых основывались статистические подсчеты автора, до сих пор обнаружить не удавалось, — по-видимому, они не сохранились. Вот почему работа В. Леонтьева имеет исключительную важность и стала в настоящее время ценным источником.

[1] W. Leontiew. Die Lage der Baumwollarbeiter in St.-Petersburg. München (В. Леонтьев. Положение текстильных рабочих в Петербурге. Мюнхен), 1906.

Аналогичные достоинства имеет известная работа С. Н. Прокоповича о бюджетах петербургских рабочих, вышедшая в 1909 г.[2] Это исследование посвящено большему числу вопросов, чем предыдущее, но основано на очень ограниченном статистическом материале. С. Н. Прокопович смог использовать лишь 570 доброкачественных анкет, полученных от рабочих, остальные оказались непригодными для статистической обработки. К числу работ, основанных на конкретных (сейчас сказали бы — социологических) исследованиях, надо отнести также книгу Н. М. Лисовского, написанную по материалам обследования рабочих военного ведомства в первые годы XX столетия.[3] Особое место в историографии петербургских рабочих того периода занимает исследование С. Бернштейн-Когана, прямо и непосредственно относящееся к нашей теме.[4] В этой работе были впервые подвергнуты обработке многие статистические и всякие иные источники по вопросам о численности и положении рабочих столицы. Подробнее о книге С. Бернштейн-Когана будет сказано ниже, следует лишь отметить, что, несмотря на некоторые недостатки, эта работа заслуживает самой высокой оценки.

Интенсивное изучение истории русского пролетариата началось после Октябрьской революции. Появились обстоятельные исследования К. А. Пажитнова[5] и М. С. Балабанова,[6] А. М. Панкратовой[7] и А. Г. Рашина,[8] многочисленные работы С. Г. Струмилина.[9] В них были решены многие важные методологические вопросы изучения истории пролетариата, значительно расширен круг источников. Все названные авторы в той или иной мере касались некоторых вопросов положения петербургских рабочих в начале века, однако никто из них не исследовал эту тему подробно и всесторонне, да и не ставил перед собой такой цели. В 20-х годах появилось также несколько исследовательских работ и публикаций, посвященных отдельным вопросам положения петербургских рабочих перед первой русской революцией или истории некоторых предприятий. Назовем в числе наиболее интересных работ такого рода статьи А. Л. Блека, М. Гордона, Ф. Семе-

[2] С. Н. Прокопович. Бюджеты петербургских рабочих. СПб., 1909.

[3] Н. М. Лисовский. Рабочие в военном ведомстве. СПб., 1906.

[4] С. Бернштейн-Коган. Численность, состав и положение петербургских рабочих. СПб., 1910.

[5] К. А. Пажитнов. Положение рабочего класса в России, тт. I—III. Л., 1924.

[6] М. Балабанов. Очерки по истории рабочего класса в России, ч. III. М., 1926.

[7] А. М. Панкратова. Очерки истории пролетариата СССР. М., 1931.

[8] А. Г. Рашин. Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940. — См. также 2-е, переработанное издание: Формирование рабочего класса России. М., 1948.

[9] Эти работы вошли в сборник: С. Г. Струмилин. Очерки экономической истории России. М., 1960.

нова-Булкина, помещенные в журнале «Архив истории труда в России». [10]

С конца 20-х годов стали издаваться работы по истории промышленных предприятий Ленинграда. Наиболее удачными из них следует считать очерки истории Путиловского,[11] Обуховского,[12] Пролетарского [13] и некоторых других заводов. Однако беллетристическая форма и упрощенный научный аппарат (а иногда и отсутствие его) в значительной мере снижают их исследовательскую ценность. В послевоенные годы работа по изучению истории предприятий города продолжалась, но была отмечена теми же недостатками. Серьезным монографическим исследованием в этом ряду книг является написанная Б. И. Шабалиным история резиновой мануфактуры «Треугольник», а также работа Л. Ганичева о Заводе военно-врачебных заготовлений (ныне «Красногвардеец»).[14]

В 20-е и 30-е годы было издано значительное количество мемуарных произведений, авторами которых выступали старые петербургские рабочие. Многие мемуаристы освещали различные стороны положения столичного пролетариата в начале века. Среди этой литературы следует выделить коллективный сборник «Путиловцы в 1905 г.»,[15] а также воспоминания К. М. Тахтарева, А. И. Свирского, С. И. Канатчикова.[16] В этой же связи надо упомянуть и очень интересные мемуары путиловского рабочего А. Теплова, изданные еще в 1908 г.[17]

В 1948 г. вышел в свет второй том «Истории народного хозяйства СССР» П. И. Лященко. В этой работе содержались некоторые данные общего характера о петербургской промышленности и численности пролетариата, не вносившие, однако, значительного вклада в разработку данного вопроса. Примерно в то же время в Ленинградском университете С. Г. Кацнельсон защитил

[10] А. Л. Блек. 1) Из практики предварительного обследования заводских архивов. Архив ист. труда в России, 1921, № 1; 2) Условия труда рабочих на петербургских заводах по данным 1901 г. Там же, 1921, № 2; М. Гордон. Рабочие на Обуховском сталелитейном заводе. Там же, 1923, № 9; Ф. Семенов-Булкин. Экономическое положение рабочих металлистов до 1905 г. Там же, 1923, № 9.

[11] 125 лет. Красный Путиловец. 1801—1926. Л., 1927; М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульянский. История Путиловского завода. М.—Л., 1939.

[12] М. Розанов. 1) Обуховцы. Л., 1938; 2) Героическая Обуховская оборона. Л., 1941.

[13] Е. П. Безруких. Столетний гигант. Исторический очерк Пролетарского завода (1826—1926). Л., 1929.

[14] Б. И. Шабалин. Фабрика на Обводном. Л., 1949; Л. Ганичев. На Аптекарском острове. Л., 1957.

[15] Путиловцы в 1905 г. Л., 1931.

[16] К. М. Тахтарев. Рабочее движение в Петербурге (1883—1901). По личным воспоминаниям. Л., 1924; А. И. Свирский. Записки рабочего. М.—Л., 1925; С. И. Канатчиков. Из истории моего бытия. М.—Л., 1930.

[17] А. Теплов. Записки путиловца. Воспоминания. 1891—1905. СПб., 1908.

диссертацию, посвященную формированию промышленного пролетариата Петербурга в 70—90-е годы.[18] В этом чрезвычайно серьезном и обстоятельном исследовании затрагивались также и некоторые вопросы, хронологически относящиеся к изучаемой нами теме: о формировании рабочего класса, грамотности и образовании. К сожалению, диссертация С. Г. Кацнельсона не была опубликована.

В пятидесятилетний юбилей первой русской революции был издан ряд работ, в той или иной мере затрагивающих вопросы положения петербургских рабочих. То были популярные брошюры Ю. Бибикова и В. Малышкина, А. П. Шурыгиной, Л. Кузнецовой,[19] которые содержали сравнительно мало научного материала по данной проблеме.

Со второй половины 50-х годов в связи с общим подъемом исторической науки усилилась и разработка истории петербургского пролетариата за интересующий нас период. В 1956 г. вышел в свет третий том «Очерков истории Ленинграда» (1895—1917), подготовленный Ленинградским отделением Института истории АН СССР. Две монографические главы этого тома, написанные Э. Э. Крузе и Л. Г. Куцентовым,[20] представляют для нас особый интерес. В этих главах приведены многочисленные сведения о положении петербургских рабочих в начале XX в., сделаны различные подсчеты численности и состава промышленного пролетариата столицы. Появление третьего тома «Очерков истории Ленинграда» значительно продвинуло изучение петербургского рабочего класса накануне первой русской революции, хотя ограниченный объем работы не позволил авторам раскрыть тему всесторонне.

В 1960 г. появилась статья Р. Л. Мойжис,[21] освещавшая вопросы темы очень бегло, к тому же в методике статистических подсчетов автора имелись погрешности (подробнее об этом см. в тексте настоящей работы). Через год Р. Л. Мойжис подготовила диссертацию на тему «Политическое воспитание петербургского пролетариата накануне первой русской революции (1903—1905)», в которой не содержалось принципиально нового материала о положении рабочих сравнительно с названной статьей.

[18] С. Г. Кацнельсон. К вопросу о формировании промышленного пролетариата в Петербурге. 1870—1890 гг. Диссертация. Л., 1947.

[19] Ю. Бибиков, В. Малышкин. Возникновение и деятельность профсоюзов Петербурга (1905—1907 гг.). М., 1955; А. П. Шурыгина. Петербургские рабочие в революции 1905—1907 гг. Л., 1955; Л. Кузнецова. Стачечная борьба петербургского пролетариата в 1905 г. Л., 1955.

[20] Глава первая: Промышленное развитие Петербурга в 1890-х—1914 гг. (автор Э. Э. Крузе). Глава третья: Население Петербурга (авторы Э. Э. Крузе, Л. Г. Куцентов).

[21] Р. Л. Мойжис. Положение петербургского пролетариата накануне первой русской революции (1903—1905). Научные докл. высшей школы. Ист. науки, 1960, № 2.

В 1961 г. в Ленинграде состоялась всесоюзная конференция по истории рабочего класса Петербурга—Ленинграда. По материалам конференции был издан сборник статей. Косвенно затрагиваются вопросы состава и положения петербургских пролетариев в начале XX в. в работах Л. Г. Куцентова и А. И. Давиденко,[22] где содержится много до сих пор не использованных в литературе материалов, почерпнутых из архивов. Однако по своим хронологическим рамкам названные работы либо ограничены периодом, предшествующим нашей теме (статья Л. Г. Куцентова), либо, напротив, посвящены послереволюционному периоду и касаются преимущественно процесса формирования петербургского пролетариата в связи со столыпинской реформой (статья А. И. Давиденко).

Мы назвали основные работы, опубликованные за период почти в шесть десятилетий, которые посвящены анализу численности, состава и положения петербургских пролетариев в период, непосредственно предшествующий первой русской революции 1905—1907 гг.[23] В общей сложности русской и советской историографией накоплен значительный материал по данной теме. Созрела необходимость создать работу, в которой, обобщая опыт предшествующих исследователей, были бы рассмотрены вопросы численности, состава и положения петербургских рабочих в начале XX в. по всей совокупности имеющихся источников. Это тем более важно, что интересующая нас тема рассматривалась исследователями чаще всего в качестве побочного сюжета или исторического «фона» для освещения иных проблем. Имеется фактически лишь одна работа монографического характера — книга С. Бернштейн-Когана, но при всех ее достоинствах она написана более полувека тому назад и, естественно, не может уже отвечать современному уровню знаний в этой области и современным методологическим требованиям к изучению истории пролетариата. Вопросы о положении петербургских рабочих перед первой русской революцией часто рассматривались в различных общих курсах, где невозможно было подробно сосредоточиться на данной теме. В разрозненных работах многих авторов, написанных за много десятилетий, зачастую повторяются одни и те же данные (например, фабричной инспекции) без должного критического анализа, в то время как другие важные источники (например, городские переписи) использовались мало или совсем не использовались.

К настоящему времени численность петербургских рабочих определяется, по существу, лишь по одному источнику — статистическим отчетам Министерства финансов, хотя они весьма неполны. Отсюда численность столичного пролетариата всех категорий оказывается меньше, чем она была в действительности. При изучении положения рабочих такие вопросы, как травматизм и заболеваемость, а также правовое положение рабочего класса освещались еще очень мало, а заработная плата исследовалась по ограниченному кругу источников. При рассмотрении жилищных условий рабочих пока еще не применялся метод статистических подсчетов, хотя для этого имеются первоклассные материалы. В результате оказалось, что такие важные вопросы положения петербургских рабочих в канун 1905 г. исследованы куда хуже, чем, например, стачечная борьба в тот же период времени.[24]

Для углубленного изучения событий первой русской революции в столице России, Петербурге, — городе, где эта революция началась, — представляется необходимым установить численность всех категорий пролетариата, который был движущей силой славных событий 1905 г. При детальном изучении положения рабочих накануне революции станут яснее те конкретные причины и поводы, которые побудили петербургский пролетариат выступить в авангарде борьбы против самодержавия.

---

[22] Л. Г. Куцентов. Петербургский пролетариат в 90-х гг. XIX века. (Численность, состав и экономическое положение). Из истории рабочего класса Петербурга—Петрограда. Вып. II. ЛГУ, 1963; А. И. Давиденко. К вопросу о численности и составе пролетариата Петербурга в начале XX века. Там же.

[23] Автором работы были опубликованы три статьи по данной теме: Санитарное состояние рабочих районов Петербурга в начале XX века. Гиг. и санит., 1964, № 2; Петербургские рабочие накануне первой русской революции (численность и состав). В сб.: Очерки по истории экономики и классовых отношений в России конца XIX—начала XX века, изд. «Наука», М.—Л., 1965; Фабричная медицина и русские рабочие. Сов. здравоохр., 1965, № 12. — Материалы этих статей в переработанном виде использованы в настоящей работе.

[24] Сошлемся также на высказывания авторов новейших работ по данной теме. Р. Л. Мойжис отмечала, что «при наличии большого количества исследований и популярной литературы, посвященной борьбе петербургского пролетариата и руководящей роли ПК РСДРП в период революции 1905—1907 гг., чрезвычайно мало работ, раскрывающих положение, состав петербургского пролетариата... Вопрос о численности и составе петербургских рабочих в канун революции 1905 г. нашел только косвенное отражение» в работах П. И. Лященко, А. Г. Рашина и др. (Р. Л. Мойжис. Политическое воспитание петербургского пролетариата накануне первой русской революции. Автореферат. Л., 1961, стр. 5). По словам А. И. Давиденко, «такой важный вопрос, как состав и численность петербургских рабочих в период империализма, изучен явно недостаточно» (см. сб.: История рабочего класса Ленинграда, вып. II, Л., 1963, стр. 92).

ГЛАВА I

ЧИСЛЕННОСТЬ ПЕТЕРБУРГСКИХ РАБОЧИХ

Последнее десятилетие XIX в. было периодом бурного развития промышленности всей России и, в частности, петербургской. В это время было основано около трети всех промышленных предприятий столицы, действовавших в начале 900-х годов.[1] Численность петербургских рабочих также быстро возросла.

Вопрос о численности и составе всех категорий петербургского пролетариата не получил подробного освещения. В дореволюционной литературе этой теме посвящена обстоятельная работа С. Бернштейн-Когана, но в число наемных рабочих автором включались «не только рабочие обрабатывающей промышленности, но также и рабочие в торговле, перевозке и т. д.»,[2] т. е. понятие рабочего класса оказывалось здесь весьма расплывчатым. Основным источником Бернштейн-Когана являлись данные Всероссийской переписи 1897 г. (хотя сам автор отмечал их серьезные недостатки). В то же время статистика городских переписей — и, в частности, переписи 1900 г. — привлекалась Берштейн-Коганом очень мало, несмотря на им же данную высокую оценку этого источника. Все это снижает ценность указанного исследования.

Некоторые данные о численности и составе петербургских рабочих имеются в известных исследованиях П. И. Лященко, А. Г. Рашина, К. А. Пожитнова, М. С. Балабанова. Однако все эти авторы не ставили своей задачей детальное изучение петербургского пролетариата и в их работах нет широкого освещения интересующего нас вопроса. Исключение составляет изданная в 1925 г. книга П. Н. Столпянского «Жизнь и быт петербургской фабрики за 210 лет ее существования. 1704—1914 гг.». Однако малый объем работы не позволил автору подробно исследовать вопрос о численности и составе рабочих Петербурга в начале

[1] По сведениям А. В. Погожева, из всех 642 обследованных им в 1902 г. столичных предприятий в последнее десятилетие XIX в. было основано 209, т. е. 32.5%, причем среди них имелось много крупных заводов (А. В. Погожев. Учет численности и состава рабочих в России. СПб., 1906, стр. 75).

[2] С. Бернштейн-Коган. Численность, состав и положение петербургских рабочих. СПб., 1910, стр. 1.

XX столетия, и к тому же его подсчеты приблизительны и неточны.

В последние годы рассматриваемая тема не подвергалась детальному исследованию. В 1955 г. к юбилею первой русской революции было издано несколько работ, в которых численность рабочих во всей Петербургской губернии определялась (без ссылок на источники) в 200 тыс. чел.[3] В 1956 г. вышел в свет третий том «Очерков истории Ленинграда». В главе о промышленном развитии Петербурга были приведены итоги подсчетов численности рабочих по одному из источников — «Списку фабрик и заводов Европейской России» за 1900 г.[4] Такие же подсчеты были выполнены в статье Р. Л. Мойжис, опубликованной в 1960 г.[5] Следует указать, что названные авторы рассматривают не все категории наемных рабочих, а только занятых непосредственно на фабриках и заводах. В этой связи представляется особенно важным определить численность других слоев петербургского пролетариата. В. И. Ленин в общей сложности насчитывал пять групп наемных рабочих: 1) сельскохозяйственные, 2) фабрично-заводские, горные и железнодорожные, 3) строительные, 4) занятые в лесном деле, на земляных работах и сооружении железных дорог, а также «всякого рода „черными“ работами в индустриальных центрах», 5) работающие на дому и «в обрабатывающей промышленности, не причисляемой к „фабрично-заводской промышленности“».[6]

Мы попытаемся подсчитать численность в Петербурге наемных рабочих всех категорий, в том числе занятых в мелкой (нецензовой) промышленности и строительных рабочих. Горнозаводских и сельскохозяйственных рабочих в столице не было. Мы исключаем из анализа лишь всех транспортных рабочих, ибо статистические источники не дают возможности точно определить число работников железнодорожного и водного транспорта, живших в Петербурге. Многочисленные в Петербурге извозчики вообще не могут быть причислены к наемным рабочим, поскольку здесь невозможно провести грань между мелким собственником и наемным рабочим.

Рассмотрим теперь имеющиеся в нашем распоряжении статистические источники по истории петербургского пролетариата

[3] См.: Ю. Бибиков, В. Малышкин. Возникновение и деятельность профсоюзов Петербурга (1905—1907 гг.). М., 1955, стр. 3; Петербургские большевики в период подъема первой русской революции 1905—1907 гг. Л., 1955, стр. 12; Л. Кузнецова. Стачечная борьба петербургского пролетариата в 1905 г. Л., 1955, стр. 7.

[4] Очерки истории Ленинграда, т. III. М.—Л., 1956, стр. 12.

[5] Р. Л. Мойжис. Положение петербургского пролетариата накануне первой русской революции. (1903—1905). Научные докл. высшей школы. Ист. науки, 1960, № 2, стр. 68.

[6] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 582.

начала XX в., с целью установить общую численность наемных рабочих всех категорий. В 1900 г. Министерство финансов начало издавать статистический сборник под названием «Свод отчетов фабричных инспекторов». В нем содержались итоговые данные за год о числе предприятий и рабочих, о заработной плате, штрафах, увечьях, жалобах и т. д. В каждом таком ежегоднике приводился статистический материал — как суммированный для всей России, так и по каждой губернии. Таблицы составлялись единообразно в течение многих лет и представляли, таким образом, официальный статистический справочник о русской промышленности и русском пролетариате.

Итоговые данные таблиц «Свода» выводились из донесений фабричных инспекторов, а эти последние — на основе отчетов предприятий. Вот что писал по поводу такого статистического метода В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России»: «Подробнейшие предписания закона о доставлении сведений фабрикантами являются лишь добрым пожеланием, и ф.-з. статистика остается до сих пор в своей старой чисто дореформенной организации, будучи простым придатком губернаторских отчетов. Нет никакого точного определения понятия „фабрика и завод", и потому органы губернской, и даже уездной, администрации применяют этот термин самым различным образом. Нет никакого центрального органа, который бы руководил правильным единообразным собиранием сведений и проверкой их. Распределение промышленных заведений между различными ведомствами (горным, д-том торговли и мануфактур, д-том неокладных сборов и т. д.) еще более усиливает путаницу».[7] Высказывание В. И. Ленина так же справедливо для начала 900-х годов, как и для 90-х. В подтверждение этого можно сослаться на мнение такого крупного специалиста, как А. В. Погожев, который уже в 1906 г. писал, что на основании официальных циркуляров невозможно определить, «какие именно заведения подлежат надзору инспекций», а сам порядок подчинения предприятия надзору «устанавливается не законом, а часто меняющимися административными распоряжениями».[8]

Согласно сведениям «Сводов отчетов фабричных инспекторов» [9] за 1900—1905 гг., численность рабочих в Петербургской губернии колебалась в следующих пределах:

Годы	Число предприятий	Число рабочих
1900	903	164528
1901	908	165404
1902	903	158324
1903	870	150626
1904	873	152383
1905	839	154152

Материалы «Сводов» не позволяют отделить рабочих, занятых непосредственно в самом Петербурге, от рабочих всей губернии. Для итоговых данных уже приходится делать первую поправку. Во-вторых, в ведении фабричной инспекции не входили казенные заводы, поэтому сведения о числе рабочих на этих предприятиях не попали в итоговые данные. А между тем для Петербурга как раз было характерно наличие крупных казенных заводов преимущественно военного и морского ведомств. Всего по нашим подсчетам в черте города находилось в 1900 г. 18 казенных предприятий, причем численность рабочих на 13 крупнейших из них (12 военных и Главные мастерские Варшавской ж. д.) составляла 32 082 чел.[10] В-третьих, как отмечено выше, у фабричных инспекторов не было четкого критерия, какие именно предприятия должны подчиняться их надзору, ибо Министерство финансов так и не выработало точного определения, что же является «фабрично-заводским заведением». В течение каждого отчетного года значительное число предприятий изымалось из-под надзора фабричной инспекции, а другие вновь ему подчинялись. Некоторую роль играло здесь и то, что сами фабриканты шли на различные уловки, стараясь уйти из-под контроля инспекции, как бы слаб этот контроль ни был.[11]

Таким образом, данные «Сводов» не дают достаточно полных сведений о численности даже одних только фабрично-заводских рабочих; тем более невозможно по этому источнику установить общее количество всех категорий российского, в частности петербургского пролетариата.

---

[7] Там же, стр. 457.

[8] А. В. Погожев, ук. соч., стр. 17.

[9] Своды отчетов фабричных инспекторов за 1900—1905 гг. СПб., 1901—1906. — Данные за каждый год взяты на 1 января и только за 1900 г. — на 1 июля. (Далее статистические данные этих сборников будут приводиться без ссылок). Факт безоговорочного использования «Сводов» имеется в упомянутой статье Р. Л. Мойжис. Автор пишет: «В 1903 г. пролетариат Петербурга насчитывал в своих рядах 150 620 человек» (стр. 67), — после чего следует ссылка на отчет за соответствующий год без всяких пояснений. В этой же статье Р. Л. Мойжис ошибочно относит данные «Списка фабрик и заводов Европейской России» к 1903 г., а не к 1900 г., как это было на самом деле.

[10] ЦГИА, ф. 1326, оп. 5, л. 1, лл. 4—8, 28, 55. — Эти подсчеты сделаны по сведениям, полученным канцелярией петербургского генерал-губернатора в январе 1905 г. в связи с ростом забастовочного движения. За 1900—1904 гг. дать полные сведения не представляется возможным, так как имеются лишь отрывочные данные по отдельным предприятиям. В подсчеты не включены сведения о рабочих императорского фарфорового завода, карточной и придворной экипажной фабрик, Монетного двора и Экспедиции заготовления государственных бумаг.

[11] А. В. Погожев (ук. соч., стр. 18) приводит пример, как одно булочно-кондитерское заведение с 400 рабочими было признано «ремесленным» и поэтому не считалось фабричным предприятием.

В 1903 г. Министерство финансов издало «Список фабрик и заводов Европейской России». Этот справочник был составлен по данным фабричной инспекции, а также на основе сведений, полученных непосредственно от фабрикантов в 1900 г. В «Списке» приводятся краткие сведения о предприятиях по всем губерниям Европейской России для 12 видов производства.[12] «Список» дает весьма ценный статистический материал, который позволяет определить число фабрик и заводов, расположенных непосредственно в Петербурге, и количество занятых на них рабочих. Подсчеты, сделанные по данным «Списка», показывают, что в 1900 г. в столице России было 520 предприятий с 127 361 рабочим.[13] В то же время «Список» еще более резко обнаруживает недостатки, присущие промышленной статистике Министерства финансов, и прежде всего — неполноту сведений. Казенные заводы, о значении которых для индустриального Петербурга уже говорилось, в этом издании также не значатся, ибо они подчинялись другому ведомству. Однако неполнота сведений Министерства финансов не исчерпывается только этим. Сопоставим данные «Списка» для Петербургской губернии с данными «Свода» за 1900 г.:

	Число предприятий	Число рабочих
«Свод»	903	164528
«Список»	664	147894

Как видно, в «Своде» учтено по сравнению с данными «Списка» на 239 предприятий больше (т. е. на 36%); следовательно, в последнем источнике не отмечены многие заведения, регистрируемые даже фабричной инспекцией. Можно предположить, что это были преимущественно мелкие предприятия, так как количество рабочих по сведениям обоих источников разнится сравнительно немного — на 16 634 чел., или на 11%. Таким образом, для общих подсчетов численности всех категорий рабочих Петербурга «Список фабрик и заводов Европейской России» не дает исчерпывающих материалов.[14]

[12] Текстильная промышленность была разделена на пять групп: обработка шерсти, шелка, льна, джута и смешанных материалов. Бумажное и полиграфическое производства объединялись в одну группу. Далее шли: обработка дерева, металлов, минеральных веществ (цемент, кирпич, бетон и т. п.), животных продуктов (кожи, обувь, мыло, свечи и т. п.), питательных и вкусовых веществ, химическое производство.

[13] Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903. — Далее статистические данные этого сборника будут приводиться без ссылок.

[14] В третьем томе «Очерков истории Ленинграда» были приведены итоги подсчетов численности фабрично-заводского пролетариата Петербурга по данным «Списка» с прибавлением рабочих восьми казенных заводов: всего получалось, таким образом, 146.3 тыс. чел. (стр. 12). Однако учтены не все казенные предприятия, не говоря уже о неполноте учета частных предприятий.

В 1902 г. Главное управление неокладных сборов опубликовало сборники под названием «Статистика производств, облагаемых акцизом, за 1900 г.» Там были даны подробные сведения о предприятиях винокуренной, спирто-водочной, пивоваренной, сахароваренной, нефтеперегонной, табачной и спичечной промышленности России. В Петербургской губернии, по данным этого сборника, насчитывалось 62 предприятия такого рода с 11 979 рабочими.[15] Годом позже Министерство финансов издало «Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 г.». Здесь учитывались (посредством вопросных бланков) только предприятия, «подчиненные надзору инспекции по закону».[16] Структура этого издания полностью совпадает со «Списком фабрик и заводов Европейской России», ибо составлялись они в одно и то же время и одним и тем же учреждением. Всего для Петербургской губернии было отмечено 636 предприятий, не обложенных акцизом, с числом рабочих 127 980 чел. Если суммировать данные обоих статистических источников, то в Петербургской губернии оказывается 698 предприятий (обложенных и не обложенных акцизом) с 139 962 рабочими. Таким образом, число рабочих по этим источникам оказывается еще меньше, чем по данным «Списка» (147 тыс.) и отчета фабричных инспекторов за соответствующий год (164 тыс.), не говоря уже о полном разнобое в определении количества предприятий. Следовательно, оба рассмотренных издания не могут служить достаточно полным источником даже для определения численности рабочих цензовой промышленности Петербургской губернии. Тем более невозможно по ним установить число рабочих в самой столице.

Весьма ценным источником для определения численности и состава рабочих России является статистическое исследование А. В. Погожева. Отправной точкой для своих подсчетов автор взял 1902 г. Он систематизировал и обработал все официальные данные промышленной статистики, используя также и неопубликованные материалы. В какой-то степени Погожеву удалось устранить неполноту данных Министерства финансов. В собранные им «сведения за 1902 г. включено было много таких мелких предприятий, которые обычно не регистрировались в русской промысловой статистике», а также «некоторые крупные предприятия, не подчиненные фабричной инспекции, как-то: железнодорожные мастерские, металлургические и казенные заводы».[17]

[15] Статистика производств, облагаемых акцизом, за 1900 г. СПб., 1902, стр. 196.

[16] Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 г. СПб., 1903, стр. 1.

[17] А. В. Погожев, ук. соч., стр. 19.

Для Петербургской губернии исследование Погожева дало такие результаты: 699 предприятий и 155 692 рабочих.[18] Сравним эти цифры с данными отчета фабричной инспекции на 1 января 1902 г.: 903 предприятия и 158 324 рабочих. Как видно, число предприятий, учтенных исследованием Погожева, на 204 меньше, чем по сведениям Министерства финансов, а количество рабочих вместе с тем почти одинаково. Это обстоятельство имеет свое объяснение. А. В. Погожев учитывал предприятия, не подчиненные фабричной инспекции, — для Петербурга это были прежде всего казенные металлообрабатывающие заводы. Вот почему в группе «обработка металлов» у Погожева числятся 172 предприятия с 60 829 рабочими, а в этой же группе по данным «Списка», где учтены только заведения, подведомственные инспекции, было 156 предприятий и 50 550 рабочих. Таким образом, большее, чем по «Списку», число рабочих в Петербургской губернии получалось у Погожева за счет прежде всего включения в его статистические данные некоторых крупных казенных предприятий[19] (их число определить, к сожалению, невозможно, так как списка заводов автор не приводит). Этим и объясняется тот факт, что для меньшего, чем в отчете фабричных инспекторов, количества предприятий численность рабочих у Погожева почти совпадает с их данными.

Попробуем теперь проанализировать, какие же предприятия не были включены Погожевым в его исследование по сравнению с официальной фабричной статистикой для Петербургской губернии. Автор сообщал, что им регистрировались такие предприятия, которые не учитывало Министерство финансов. В какой-то степени это несомненно так и было, но в целом Погожев все-таки упустил из своего поля зрения значительное число мелких и средних предприятий. Сравним количество фабричных заведений в различных группах у Погожева с аналогичными данными «Списка», все время имея в виду, что число предприятий и рабочих в этом справочнике значительно меньше, чем в отчетах инспекторов. Действительно, в некоторых случаях регистрация мелких заведений у Погожева шире, чем в «Списке». Например, в первом случае значатся пять фабрик по производству толя (296 рабочих), а во втором — только одна (209); у Погожева зарегистрировано семь кирпичных заводов (2263), а в «Списке» — четыре (897), и т. д. Однако во многих случаях мелкие заведения учтены Погожевым не полностью. Вот сравнение по пяти видам предприятий различных групп производства (в числителе указано количество предприятий, в знаменателе — число рабочих):

[18] Там же. Приложение, стр. 2 (табл. 1).

[19] Так, например, число судостроительных предприятий у Погожева — пять с 11 тыс. рабочих, а в «Списке» их четыре с 10 тыс.; для сталелитейных — соответственно четыре с 16 тыс. и три с 14 тыс. рабочих.

	Данные Погожева	Данные «Списка»
Паровые прачечные и красильни	$\frac{2}{174}$	$\frac{5}{375}$
Картонажные фабрики	$\frac{8}{698}$	$\frac{14}{1091}$
Типохромолитографии	$\frac{6}{529}$	$\frac{77}{6359}$
Ремонтные мастерские металлоизделий	—	$\frac{5}{329}$
Колбасные фабрики	$\frac{3}{126}$	$\frac{7}{166}$
Всего	$\frac{19}{1527}$	$\frac{108}{8320}$

Как видно, только по этим пяти видам производства Погожевым не было учтено по сравнению с данными «Списка» 89 предприятий с 6793 рабочими (в среднем по 75 чел. в одном фабричном заведении). Таким образом, данные Погожева для Петербурга отличаются все же значительной неполнотой, хотя автор ставил своей целью именно преодолеть неполноту официальной статистики. Большое число предприятий, учитываемых даже отчетами фабричных инспекторов, Погожев не зарегистрировал. Отсутствие в его работе списков предприятий по губерниям не позволяет восполнить эти пробелы по другим источникам. Вот почему подсчитанная по его сведениям численность фабрично-заводского пролетариата Петербурга — 467 предприятий со 129 009 рабочими[20] — несомненно меньше, чем она была в действительности.

Итак, все рассмотренные нами статистические источники учитывали в основном цензовую фабрично-заводскую промышленность, причем охватывали ее не полностью. Многие мелкие, а порой и крупные предприятия в силу различных причин оказывались за рамками указанных статистических изданий. В то же время различные принципы подсчетов, применявшиеся в различных источниках, не дают возможности дополнить один материал другим. Наконец, мы не найдем здесь данных о тех, кто трудился на множестве мелких предприятий, на строительстве и т. д. Численность всех категорий наемных рабочих Петербурга следует определять по таким источникам, которые учитывали все пролетарское население столицы.

[20] Вычислено по данным А. В. Погожева (ук. соч., стр. 148—151).

28 января 1897 г. была проведена первая в России всеобщая перепись населения. Результаты этой переписи позволяют проанализировать социальный состав населения не по отрывочным сведениям различных ведомств, а на основе широких и единообразных данных. По итоговым таблицам переписи можно сделать подсчеты численности наемных рабочих всех категорий в Петербурге. Однако вопросы, задаваемые в переписи, формулировались таким образом, что по ответам социальное положение многих лиц оказывалось неопределенным. Параграф 14 переписного листа был составлен в слишком общей форме (требовалось указать главное занятие и побочное), поэтому при заполнении этой графы в ответах часто не назывались точные сведения о «положении в занятии». Из ответа на этот вопрос иногда трудно было отличить рабочего от ремесленника или служащего. Неудивительно, что в материалах переписи оказалось большое количество лиц наемного труда, неясно обозначивших свою профессию.

Количество рабочих в России перепись определяла в 7 042 959 чел. По мнению С. Бернштейн-Когана, который анализировал данные переписи применительно к Петербургу, в итоговых цифрах имелось «преуменьшение числа рабочих».[21] В. И. Ленин, подсчитывая количество рабочих в России в самом начале 90-х годов XIX в., пришел к выводу, что в стране было в общей сложности *«около десяти миллионов наемных рабочих»* (в том числе и «сельскохозяйственные наемные рабочие»).[22] Со своей стороны А. В. Погожев также отмечал неполноту учета рабочих переписью 1897 г. и признавал, что «подсчет В. Ильина (В. И. Ленина, — *С. С.*) заслуживает тем больше внимания, что он более соответствует действительности. . .».[23] Исследуя численность рабочих по данным первой всероссийской переписи, нужно иметь в виду их некоторую неполноту. Под рубрикой «рабочие» в итоговых таблицах переписи значатся также служители почт, телеграфа и телефона, извозчики, работники торговли и «заведений, касающихся чистоты тела», служащие железных дорог. Мы исключаем эти категории при подсчете общего количества наемных рабочих Петербурга. Итоги этих подсчетов выглядят следующим образом:[24]

Добыча руд и копи	57
Выплавка металлов	339
Обработка волокнистых веществ	22551
Обработка животных продуктов	3946
Обработка дерева	11831
Обработка металлов	40999
Обработка минеральных веществ	2063
Химические производства	11117
Вино-пиво-медоварение	2777
Производство прочих напитков	649
Обработка питательных продуктов	10035
Табак и изделия из него	6942
Полиграфические производства	11727
Производство инструментов физических, оптических, хирургических, музыкальных, часов, игрушек и пр.	1586
Ювелирное дело, живопись, производство предметов культа, роскоши	3832
Изготовление одежды	24308
Строительные и ремонтные работы	15343
Производство экипажей и деревянных судов	957
Производства, не вошедшие в предыдущие группы или неопределенные	10461
Всего	181520

[21] С. Бернштейн-Коган, ук. соч., стр. 9.

[22] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 582.

[23] А. В. Погожев, ук. соч., стр. 14.

[24] Составлено по данным статистического сборника: Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения, т. 1. СПб., 1906, стр. 66—67 (табл. II).

Большое количество рабочих в переписи дано с неопределенной классификацией — 10 461 чел., т. е. 5.7%, — что свидетельствует о недостатках статистики 1897 г. В отдельной таблице переписи показана численность поденщиков и чернорабочих, прислуги на фабриках и усадьбах, прислуги в учреждениях, прислуги домовой и домашней (в черте города доля «рабочих в усадьбах» должна быть крайне незначительной и ее можно не принимать в расчет):[25]

Поденщики и чернорабочие	36759
Прислуга на фабриках и усадьбах	2701
Всего	39460

Общее количество чернорабочих, поденщиков и прислуги на фабриках составляло 21.7% по отношению ко всей численности рабочих по переписи. Цифра эта непомерно велика и, бесспорно, в большой мере объясняется неточностью обработки переписных анкет. Бернштейн-Коган считал величину этой категории лиц по данным 1897 г. сильно завышенной. По его меткому замечанию, «число поденщиков и чернорабочих растет с увеличением неточности учета населения по социальному составу и профессиональным группам, потому что в графу поденщиков и чернорабочих попадают лица, просто не обозначившие с достаточной точностью свои занятия».[26] Несомненно, что значительная часть лиц этой категории также должна быть отнесена к числу рабочих.

[25] Численность и состав рабочих в России. . ., т. 1, Приложение, стр. 6—7.

[26] С. Бернштейн-Коган, ук. соч., стр. 23.

Итак, в начале 1897 г. общая численность наемных рабочих Петербурга превышала 180 тыс. Такая разница по сравнению с данными других источников объясняется тем, что перепись охватывала все категории пролетариата, а не только цензовую фабрично-заводскую промышленность. Количество жителей Петербурга перепись определяла в 1267 тыс. Таким образом, число наемных рабочих (без членов семей) составляло не менее 15% столичного населения. К сожалению, перепись не дает возможности определить количество членов семей рабочих и, следовательно, общую численность пролетарского населения Петербурга.

Наиболее ценным статистическим источником при изучении истории петербургского пролетариата является городская перепись 1900 г. Остановимся более подробно на происхождении и степени достоверности указанного источника, тем более что в других разделах настоящей работы к нему предстоит неоднократно возвращаться.

Городские переписи второй половины XIX—начала XX в., проводившиеся во многих городах России, представляют собой чрезвычайно ценный источник как для определения численности и состава всех категорий наемных рабочих, так и для изучения жилищных и некоторых других условий жизни пролетарского населения. В указанный период времени городские переписи проводились в Петербурге, Москве, Одессе, Харькове, Риге, Екатеринославе и многих других больших и малых центрах.

Городские переписи Петербурга проводились пять раз с 1869 по 1910 г. через примерно равные промежутки времени — такой строгой последовательности не было ни в одном из городов России. Петербургские переписи не одинаковы по своей точности и полноте, все они в той или иной мере отмечены различными дефектами. И тем не менее городские переписи столицы являются лучшими в ряду аналогичных источников. Следует подчеркнуть, что местная статистика в других городах России в большей или меньшей степени копировала принятые в Петербурге методы.

Попытки провести перепись городского населения предпринимались в Петербурге с начала 60-х годов, однако все они оканчивались неудачей. Наконец, после основательной подготовки центральным статистическим комитетом была осуществлена городская перепись Петербурга 4 и 10 декабря 1869 г. Итоги этой переписи следует признать мало удовлетворительными.[27] Особенно неудачно был разрешен переписью вопрос о социальном составе населения. Пункт VII переписного листа так формулировал этот вопрос: «Какое имеет занятие?».[28] Трудно было получить четкий и вместе с тем развернутый ответ на вопрос, заданный в столь общем виде.

Перепись 15 декабря 1881 г. проводилась петербургской городской управой под руководством председателя статистического отделения профессора Ю. Э. Янсона. Эта перепись была гораздо более полной, чем предыдущая, обработка итоговых данных также производилась на несравнимо лучшем уровне. Вопрос о занятиях состоял теперь из двух пунктов (§ 12 переписного листа): «Главное занятие, доставляющее средства к жизни», и «Побочные занятия, приносящие доход».[29] Как видно, вопрос о социальном составе населения в переписи 1881 г. также не отличался необходимой четкостью. Правда, в инструкции счетчикам отмечалось, что рабочие при фабриках и заводах должны указывать «название должности» и «род производства»,[30] но все усилия счетчиков могли только смягчить, а не устранить недостатки, содержавшиеся в формулировках анкеты. Так именно и произошло на практике: графа о побочных занятиях в большинстве случаев осталась незаполненной, а «главные занятия также очень часто обозначались только в общих чертах: купец, приказчик, слесарь, рабочий — без обозначения рода торговли, заведения, где работает лицо, и т. д.».[31] Таким образом, исходные данные переписи содержали в себе многочисленные неточности и неопределенные сведения, которые снижали достоверность общих итогов социальной статистики населения.

В итогах переписи 1881 г. все так называемое «промысловое население» распределялось на четыре группы: хозяева, администрация, рабочие и так называемые «одиночки». В русской статистике того времени этим расплывчатым термином обозначались кустари, ремесленники, надомники и им подобные категории лиц. По определению Ю. Э. Янсона, «одиночки» представляли собой «среднее между хозяином и рабочим или, правильнее, совмещающее в своем лице того и другого».[32] Точного определения «одиночек» выработано не было, что вносило путаницу в определение социального состава населения. При обработке данных переписи 1881 г. в число одиночек попадали лица, которых «нельзя было без грубого произвола отнести ни к одной из

---

[27] См. об этом подробнее: В. Пландовский. Народная перепись. СПб., 1898, стр. 278, 287; С. Бернштейн-Коган, ук. соч., стр. 12—13; А. И. Гозулов. Местные переписи населения до революции. Уч. зап. Ростовского-на-Дону фин. экон. инст., т. 1, 1941, стр. 260. — По данным А. И. Гозулова, за 1902—1917 гг. в России было проведено около 150 переписей населения городов; сохранились сведения о 106 переписях в 69 городах.

[28] Петербург по переписи 10 декабря 1869 г., вып. 1. СПб., 1872, стр. 6.

[29] Петербург по переписи 15 декабря 1881 гг., т. 1, ч. I. СПб., 1884, стр. 3.

[30] Там же, стр. 12—13.

[31] В. Пландовский, ук. соч., стр. 286.

[32] См. предисловие Ю. Э. Янсона к изданию материалов переписи 1881 г.: т. 1, ч. II, стр. 6.

первых трех категорий лиц (хозяева, администрация, рабочие)».[33] Такой принцип определения «от противного» нельзя, конечно, признать удовлетворительным. Принятое в 1881 г. распределение «промыслового населения» по названным четырем категориям сохранилось во всех позднейших переписях Петербурга. При этом каждая категория распределялась в свою очередь по «видам занятий» в промышленности и торговле, а также по районам жительства (часть, участок). В переписи 1881 г. впервые было учтено население петербургских пригородов, выделенное в особую группу. Это подразделение осталось и в дальнейшем.

В 1889 г. началась подготовка новой переписи населения столицы. Тогда же городская дума приняла постановление «на будущее время переписи в городе Петербурге производить через каждые десять лет в последний год десятилетия».[34] Согласно этому решению, первая такая перепись была произведена 15 декабря 1890 г. (также под руководством Ю. Э. Янсона). На этот раз вопрос о занятиях населения формулировался весьма подробно:[35]

«§ 13. а) Каким промыслом или торговлей занимаетесь,
б) или какую занимаете должность?
в) Какие другие средства к жизни имеете,
г) или живете при родных или родственниках?

§ 14. Если имеете занятие, означенное в пункте 13-а, то хозяин вы, или служащий, или работник? Назовите вашу должность».

В «Наставлении» для счетчиков отмечалось, что ответы на § 13 и 14 «требуют особого внимания», ибо необходимо определить в отношении каждого лица «не только род промысла, но и положение, занимаемое им в промысле».[36] Таким образом, данные переписи 1890 г. по социальному составу следует признать более достоверными, чем в 1869 и 1881 гг. Однако и на этот раз в итоговых данных переписи о занятиях населения отрицательно сказалось все то же расплывчатое толкование категории одиночек, в число которых было ошибочно включено большое количество наемных рабочих.

Очередная петербургская перепись была проведена 15 декабря 1900 г. под руководством заведующего статистическим отделением городской управы Н. А. Федулова.[37] Основной вопрос о профессиональном положении формулировался здесь в еще

[33] Там же.
[34] Известия городской думы за 1889 г., № 39, стр. 540.
[35] Город Петербург по переписи 15 декабря 1890 г., чч. I, II. СПб., 1891, стр. 9.
[36] Там же, стр. XIV.
[37] Город Петербург по переписи 15 декабря 1900 г., вып. 1, 2. СПб., 1903; вып. 3, СПб., 1905.

более точной редакции, чем раньше: «Хозяин вы? управляющий? директор? доверенный? служащий? работник? подмастерье? ученик? (назовите вашу должность)».[38] В переписи 1897 г. итоговые данные о численности рабочих искажались тем обстоятельством, что в их число вследствие неудачного составления переписной анкеты зачастую попадали мелкобуржуазные слои населения — кустари, ремесленники и пр., словом, все так называемые «одиночки». В работе А. В. Погожева приведены убедительные данные о том, какую путаницу в социальной статистике вызывает отсутствие точных данных о числе ремесленников в России.[39]

Перепись 1900 г. в значительной мере устраняла этот недостаток. На сей раз в переписном листе содержался прямой вопрос: «Одиночка ли вы?». Таким образом, мелкие хозяева отделялись здесь от наемных рабочих с гораздо большей определенностью, чем ранее. Результат не замедлил сказаться: в 1900 г. число одиночек достигало лишь 17.0% по отношению к общему количеству рабочих столицы, т. е. составляло гораздо меньшую долю, чем в 1881—1890 гг. Любопытно, что почти 42% одиночек составляли сапожники и лица «дамско-портняжного производства» — или как раз те группы профессий, где наиболее было распространено ремесленничество.[40]

В остальном структура таблиц рассматриваемой переписи принципиально не отличалась от принятых в 1881—1890 гг., но была в ряде случаев более подробной: увеличилось количество подразделений по видам «промысловых занятий» (с 15 в 1890 г. до 18), давалось распределение наемных рабочих по возрастам, появился раздел о рабочих-иностранцах. Все это в совокупности дает право признать весьма высокую достоверность и высокое качество обработки материала в переписи 1900 г. В этой связи уместно привести, может быть, слишком категорическое, но в целом правильное мнение С. Бернштейн-Когана: «Городская перепись 1900 г. дала все, что вообще может дать перепись населения о социальном делении, а это обстоятельство позволяет нам признать полученные в 1900 г. цифры за критерий для сравнения».[41]

Сводные данные о численности рабочих Петербурга по переписи приведены в табл. 1.[42] Если сравнить распределение рабо-

[38] Цитирую по С. Бернштейн-Когану (ук. соч., стр. 8), так как в материалах переписи нет данных о вопросном листе.
[39] А. В. Погожев, ук. соч., стр. 20—21.
[40] Подсчитано нами по данным переписи 1900 г. (вып. 2, табл. IIа, IIб).
[41] С. Бернштейн-Коган, ук. соч., стр. 8. — Сам автор не занимался анализом данных переписи 1900 г. при подсчетах численности и состава петербургских рабочих в начале XX столетия.
[42] Некоторые данные городской переписи 1900 г. относительно количества рабочих были приведены Э. Э. Крузе и Д. Г. Кутентовым в т. III «Очерков истории Ленинграда», однако авторы не отделили наемных рабо-

чих по группам производства в этой таблице со статистикой Министерства финансов, то все преимущества окажутся на стороне первой. В городской переписи учитываются 15 видов производства, причем все текстильные профессии объединены в одну группу (в фабричной статистике только 12 видов, из них 5 текстильных). Дифференциация производств была проведена переписью 1900 г. гораздо более подробно. Правда, здесь имеется довольно искусственное деление металлистов на две группы, а табачная промышленность не выделена самостоятельно (хотя численность табачников по переписи достигала 7184 чел.) и включена в группу XII. С другой стороны, классификация видов производства в переписи 1900 г. не имеет некоторых мелких подразделений, принятых во всероссийской переписи. Лучшая обработка материалов петербургской переписи по сравнению с всероссийской убедительно подтверждается тем обстоятельством, что число рабочих, «промышленные занятия которых с точностью не указаны», в первом случае равно 5954 чел., а во втором — 10 461 чел. (и это при общем увеличении количества рабочих в столице за четыре года!).

Перепись 1900 г. проводилась таким образом, чтобы отделить наемных рабочих от мелких хозяев и ремесленников. Количество так называемых одиночек во всех рабочих профессиях составляло 42 099 чел., т. е. 14.6% по отношению к общей численности наемных рабочих. Около половины одиночек принадлежали к числу лиц, «промышленные занятия которых с точностью не указаны». Среди остальных первое место занимают одиночки по производству одежды и обуви — 17 482 чел. Основную часть этой группы составляют сапожники и работницы «дамско-портняжного производства». Следующими по численности категориями одиночек являются лица строительных профессий (1680 чел.) и занятые обработкой дерева (1045 чел.).

В остальных группах производств число одиночек было невелико и нигде не превышало 2% по отношению к рабочим соответствующих подразделений. Профессиональный состав одиночек весьма характерен: в группе металлистов основную часть их составляют точильщики (203 из 573) и часовщики (66 чел.). Перепись 1900 г. относила к числу одиночек лиц именно тех профессий, где было развито (или вообще возможно) ремесленное производство: сапожников, портных, обойщиков, печников и т. д. Таким образом, можно сделать весьма важный вывод, что различие между наемными рабочими и мелкими хозяевами проводилось переписью 1900 г. довольно строго. Это заключение не означает, однако, что в числе 287 тыс. отмеченных переписью рабочих не оказалось непролетарских элементов. Рабочие по про-

---

чих от лиц, занятых в торговле, сфере обслуживания и на транспорте (стр. 113—114).

Таблица 1

Численность петербургских рабочих по переписи 1900 г.

	Рабочих			Членов семей		
	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего
III. Обработка ископаемых продуктов	3565	131	3696	514	1334	1848
IV. Обработка металлов	59636	510	60146	15524	38348	53872
V. Производство машин, орудий, инструментов	19172	538	19710	3836	9450	13286
VI. Химические производства	3752	798	4550	1141	2456	3597
VII. Обработка жиров и масел	1672	203	1875	208	488	696
VIII. Обработка кож, волоса, резины	7452	2818	10270	1630	2721	4351
IX. Бумажное производство	5413	2389	7802	968	2229	3197
X. Прядильно-ткацкое производство . . .	13154	16526	29680	3231	5787	9018
XI. Обработка дерева . .	22791	310	23101	3179	8365	11544
XII. Производство питательных продуктов	15358	7672	23030	1579	3212	4791
XIII. Производство одежды и обуви	25071	20387	45458	2153	5263	7416
XV. Строительные работы	34367	55	34422	3969	11236	15205
XVI. Полиграфические производства	14258	1129	15387	2810	7748	10558
XVII. Энергетические предприятия	2776	29	2805	728	1792	2520
XVIII. Лица фабрично-заводского производства, занятия которых не указаны	4197	1757	5954	978	2048	3026
Всего . . .	232634	55252	287886	42448	102477	144925
В % . . .	80.8%	19.2%	100%	29.2%	70.8%	100%

Примечание. Таблица составлена на основании данных переписи 1900 г. Порядковые номера групп производства оставлены в соответствии с переписью. При этом опущены три группы: I — «Сельское хозяйство, рыболовство, охота» (4710 чел.), как не относящиеся к промышленным рабочим; II — «Горная промышленность», ввиду ее крайней малочисленности (16 чел.); XIV — «Содержание в чистоте тела и одежды» (8795 чел.), ибо это работники бань, парикмахерских и т. д. (Далее статистические данные переписи будут приводиться без ссылок).

изводству обуви и одежды были сосредоточены в мелких мастерских, где порой трудно провести грань между ремесленником и кустарем. Возможно, что среди 14 255 рабочих сапожного производства могло оказаться некоторое количество лиц, которых следовало бы отнести к числу одиночек. То же можно сказать и о некоторых профессиях строительной группы — полотеров (2326 чел.), работников по отоплению домов (620 чел.), тряпич-

ников (232 чел.), — но количество таких рабочих составляло всего 9% всех учтенных переписью строителей. В других профессиональных группах насчитывается совсем мало лиц с сомнительной принадлежностью к категории наемных рабочих.

В петербургской переписи, так же как и во всероссийской, поденщики и чернорабочие выделялись особо. В 1897 г. их было 36 759 чел., в 1900 г. — 24 636 чел. Несомненно, что значительное уменьшение числа лиц этой категории объясняется большей точностью позднейшей переписи. Каких-либо подробностей о составе поденщиков и чернорабочих перепись 1900 г. не дает. Остается лишь предполагать, что основную массу их составляли лица без определенных профессий, городской люмпен-пролетариат. Некоторая часть людей, назвавших себя по переписи чернорабочими, очевидно, действительно выполняла подсобные работы на фабриках и заводах, но определить их количество не представляется возможным. Вот почему мы не включаем эту категорию лиц в число петербургского пролетариата, хотя часть их бесспорно являлась фабричными рабочими.

Подробных данных о количестве в Петербурге сезонных рабочих из числа сельского населения не имеется, однако можно предположить, что численность сезонников была относительно невелика. Имеющие низкую квалификацию сезонные рабочие не могли находить широкое применение в высокоразвитой петербургской промышленности. По мнению А. Г. Рашина, отходничество было особенно широко развито в строительных и земляных работах.[43] Для городского хозяйства Петербурга дорожные работы были не характерны. Что же касается многочисленного отряда строительных рабочих, то следует напомнить, что перепись 1900 г. проводилась зимой, когда строительство свертывалось. Вот почему даже для этой отрасли промышленности число сезонных рабочих, учтенных переписью, не могло быть большим.

Итак, общая численность наемных рабочих Петербурга по переписи 1900 г. достигала 287 886 чел. Вместе с членами семей величина пролетарского населения равнялась 432 811 чел. Всего в Петербурге было тогда 1 439 613 жителей, — следовательно, 30.1% населения столицы составлял рабочий класс.

Сравним имеющиеся данные, полученные из различных источников, о численности петербургских рабочих на рубеже XX в. (в тыс. чел.):

Свод отчетов фабричных инспекторов для всей губернии (1900 г.)	164.5
«Список фабрик и заводов Европейской России» (1900 г.)	127.3
Данные о предприятиях, обложенных и не обложенных акцизом для всей губернии (1900 г.)	139.9
Подсчеты А. В. Погожева (1902 г.)	129.0
I Всероссийская перепись (1897 г.)	181.5
Городская перепись (1900 г.)	287.8

[43] А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. М., 1958, стр. 465.

Городская перепись 1900 г. является наиболее полным источником для определения численности всех категорий наемных рабочих Петербурга. В связи с этим не должно вызывать удивления более чем двукратное увеличение количества рабочих по переписи 1900 г. по сравнению, например, с данными «Списка». По итоговым данным городской переписи 1900 г. количество рабочих, занятых в производстве одежды и обуви, составляло 45 458 чел., а число строителей — 34 422. Эти 80 тыс. наемных рабочих не подчинялись надзору органов Министерства финансов и поэтому не нашли отражения в материалах «Списка».[44] Если прибавить к этому более чем 30 тыс. рабочих казенных заводов, то итоговые данные «Списка» для Петербурга уже пришлось бы удвоить. Однако это еще не все. Возьмем группу производств, в которой наиболее точно совпадает характер предприятий в обоих источниках: это деревообделочная промышленность. Здесь наблюдается значительная разница в показателях: «Список» насчитывает 4560 деревообделочников, а перепись — 23 101 чел. Заметим, однако, что в городской переписи отмечены, в частности, следующие категории рабочих-деревообделочников:

Пробочное производство	259 чел.
Бондарное	990 »
Зонтичное	2396 »
Плетеных изделий	639 »
Рогожное	203 »
Всего	4487 чел.

В то же время в материалах «Списка» мы не найдем ни одного предприятия подобного характера, — по-видимому, они не учитывались данным источником. Таким образом, число деревообделочников по данным фабричной статистики уже следует увеличить в два раза. Остается еще напомнить, что мелкие промышленные заведения всех видов производств — а именно таковые были характерны для деревообрабатывающей промышленности — отмечались в «Списке» далеко не полностью. Вот почему даже такое большое увеличение числа рабочих по петербургской переписи по сравнению с аналогичными показателями

[44] По «Списку» значилось только одно предприятие обувной промышленности — Товарищество механического производства обуви с числом рабочих 1596 чел. (стр. 451).

фабричной статистики не должно вызывать подозрений в неточности.

Для определения общей численности петербургского пролетариата по данным переписи 1900 г. следует делать некоторую поправку в сторону уменьшения в связи с нечетким определением некоторых категорий рабочих. Но, с другой стороны, какая-то часть чернорабочих, которые не учитываются в общих итогах переписи, несомненно должна быть отнесена к числу наемных рабочих. Для определения численности пролетариата всех категорий в начале XX в. следует признать исходными данные городской переписи 1900 г., ибо — при всех недостатках — материалы этого источника являются наиболее полными по сравнению со всеми другими.

Число рабочих в Петербурге по переписи 1900 г. не будет казаться столь большим, если сравнить эти данные с однородным источником. Таковым является городская перепись 15 декабря 1890 г., проведенная по тому же принципу и так же систематизированная, как и в 1900 г. Сравним показатели обоих источников (в тыс. чел.):[45]

	Все население	Число рабочих	Число диночек	Всего рабочих и одиночек
1890 г.	954.4	142.5	48.2	190.8
1900 г.	1248.1	228.5	37.7	266.2
Изменение (в %) . . .	+30.7	+60.2	—21.7	+39.5

Увеличение числа рабочих в Петербурге происходило почти в два раза быстрее, чем прирост всего населения города. При этом, однако, надо учесть, что в переписи 1890 г. одиночки учитывались неудовлетворительно и в их число попало некоторое количество наемных рабочих.[46] Если сравнить общее количество рабочих и одиночек по данным обеих переписей, то увеличение его в 1900 г. по сравнению с 1890 г. составит только 39.5%. Очевидно, прирост числа рабочих в Петербурге за эти 10 лет колебался в пределах 40—60%. Такое значительное увеличение вполне естественно для экономически благоприятного периода 90-х годов.

С начала XX в. столь быстрое возрастание численности петербургского рабочего класса резко остановилось: начался очередной экономический кризис. Первыми жертвами кризиса в Петербурге стали рабочие текстильной промышленности. Хотя в 1900 г. ни одно из крупных предприятий этой отрасли не было

[45] Подсчеты выполнены по кн.: Петербург по переписи 15 декабря 1890 г. Под ред. Ю. Э. Янсона. СПб., 1891; Город Петербург по переписи 15 декабря 1900 г., вып. 2. — Учитывается только население городских районов, без пригородов.

[46] См.: С. Бернштейн-Коган, ук. соч., стр. 16—17.

закрыто, повсеместно происходили увольнения рабочих и сокращение производства. «Рабочий листок», орган «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса», писал о тяжелом положении текстильщиков в декабре 1900 г.: «Как тени ходят по улицам наши безработные, товарищи с Волынки, где одну смену рассчитали, от Паля, где половина ночной смены не работает, от Кенига, с Малой Охтинской, от Шаво, от Торнтон и др.».[47] По неполным данным старшего фабричного инспектора от 16 ноября 1900 г., Екатерингофская бумагопрядильня «уволила одну смену в числе 450 чел.», Спасская и Петровская бумагопрядильни «сократили время работ на 6 часов в неделю», Охтинская бумагопрядильня работала только 4 дня в неделю, а бумагопрядильня Кенига «предполагает сократить производство на 6 часов в неделю». Кроме того, отмечает старший инспектор, «на очереди к сокращению стоят также Триумфальная мануфактура и ткацкая фабрика Корнтвайта и Рикардса».[48] Названные семь предприятий являлись самыми крупными фабриками петербургской хлопчатобумажной промышленности, на которых в 1900 г. было занято в общей сложности 5987 рабочих.[49]

В 1901—1902 гг. кризисное состояние в текстильной промышленности продолжалось. Старший фабричный инспектор петербургской губернии секретно сообщал в отдел промышленности Министерства финансов, что в течение 1901 г. закрылась мануфактура Корнтвайта и Рикардса (250 рабочих), а по всем хлопчатобумажным фабрикам сокращение рабочих составило около 1000 чел. С 1 января по 15 апреля 1901 г. мануфактура Л. Кенига уволила 800 рабочих, а другие текстильные предприятия — еще 200 чел.[50] Кризис и сопровождавшие его массовые расчеты рабочих текстильщиков продолжались вплоть до начала революции 1905 г., когда петербургские фабриканты опять начали расширять производство.[51]

Кризис в металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности Петербурга, начавшийся несколько позже, чем в текстильной, был еще более глубоким и затяжным. В связи с отчетом за 1902 г. старший фабричный инспектор сообщал градоначальнику, что сокращение рабочих в отчетном году «произошло главным образом в механическом цехе (ок. 4000 рабочих) и объясняется не закрытием заводов, а сокращением на них

[47] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 140, л. 20 об.

[48] Там же, д. 15, л. 17—17 об.

[49] Подсчитано по «Списку» (стр. 33—35).

[50] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 15, л. 18.

[51] В связи с забастовочным движением конкурент петербургских текстильных фабрикантов — Лодзинский промышленный район — фактически прекратил производство. Подробнее см.: Очерки истории Ленинграда, т. III, стр. 37.

производства, являющегося последствием ранее начавшегося уменьшения казенных заказов».[52]

Крупнейший в Петербурге Путиловский завод уже в течение 1901 г. сократил число рабочих с 13 500 до 12 000, а в начале 1902 г., в связи с уменьшением казенных заказов на паровозы, предполагалось уволить еще 1150 рабочих.[53] И только в связи с тем, что Путилову удалось получить крупные заказы, сокращение рабочих было временно приостановлено.[54] В тяжелом положении оказалось и другое крупное предприятие Петербурга — Балтийский судостроительный завод Морского ведомства. Из отчета начальника завода Ратника явствует, что с 1 июня и до конца 1900 г. из 6783 рабочих рассчиталось 4189 чел., т. е. почти 70% всего состава.[55] Расчету подвергались преимущественно неквалифицированные чернорабочие. Лишь к 1904 г., в связи с расширением военного судостроения, Балтийский завод превысил по количеству рабочих 1900 г.

По отрывочным и неполным данным фабричной инспекции, только за 1901—1902 гг. в Петербурге прекратило работу шесть металлообрабатывающих предприятий (в том числе механический завод Российского акционерного общества с 1500 рабочими).[56] За это же время сократили производство девять крупных предприятий, в том числе на Кабельном заводе акционерного общества Фельтен и Гильом количество рабочих уменьшилось с 700 до 250 чел.,[57] на судостроительном заводе Крейтона из 550 рабочих уволилось 250 чел.,[58] и т. д. Резкое падение производства произошло также на Александровском сталелитейном заводе (с 1773 рабочих). В коллективной жалобе в марте 1902 г. рабочие этого завода писали: «Всем нам, рабочим, проработавшим на этом заводе десятки лет, дают расчет... после того, как два года обнадеживали нас, что вот-вот будет работа и мы будем опять получать то, что нам следует зарабатывать».[59] К сожалению, точные подсчеты относительно сокращения числа рабочих на различных предприятиях металлообрабатывающей промышленности Петербурга в годы кризиса провести невозможно, за отсутствием полных данных.

В других отраслях петербургской промышленности экономический спад не сказывался в такой острой форме, как в двух предыдущих. Больше других пострадали те производства, которые были связаны с жилищным строительством, и прежде всего кирпичные заводы. По сообщению фабричного инспектора от 11 января 1902 г., «постройка домов за последнее время сильно уменьшилась как вследствие стесненных операций кредитного общества, так и вследствие безденежья», что вызвало сокращение производства и увольнение рабочих на столярных и паркетных фабриках, кирпичных и алебастровых заводах.[60] В 1901—1902 гг. рабочие увольнялись на табачных фабриках Богданова,[61] а также Колобова и Боброва, на полгода закрывалась консервная фабрика Азибер[62] и некоторые другие предприятия пищевкусовой промышленности. Незначительное сокращение рабочих происходило на предприятиях химической промышленности.[63]

Численность рабочих Петербургской губернии и Европейской России за пятилетие 1901—1905 гг. изменялась следующим образом (1901 г. принят за 100):[64]

Годы	Петербургская губерния	Европейская Россия
1901	100	100
1902	95.7	99.9
1903	91.1	95.9
1904	92.1	96.4
1905	93.2	98.3

Итак, кризис начала XX в. вызвал в петербургской промышленности относительно большее сокращение числа рабочих, чем это происходило в целом по России. Правда, в статистике «Отчетов» учитывались только рабочие фабрично-заводских предприятий, кроме казенных и некоторого количества мелких частных, однако эти неполные данные являются единственным источником за все без исключения годы изучаемого пятилетия. Можно с известным основанием допустить, что общая тенденция динамики численности петербургского пролетариата справедлива и для тех категорий рабочих, которые не учитывались фабричной статистикой. Даты проведения городской переписи 1900 г. (15 декабря) и отчетные данные фабричной инспекции за 1901 г. (1 января) почти совпадают. Исходя из этого, можно построить простейшую экстраполяцию, изменяя численность рабочих по переписи 1900 г. в соответствии с полученными на каждый год индексами по данным фабричной инспекции. Таким образом, можно определить, что к началу первой русской революции 1905 г. общее количество рабочих всех категорий в Петербурге составляло около 250—260 тыс.

---

52 ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 340, л. 25.
53 Там же, д. 211, лл. 32—33.
54 М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульянский. История Путиловского завода. Изд. 3. М., 1961, стр. 154.
55 Архив ист. труда в России, 1921, № 2, стр. 79.
56 ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 303, лл. 19—30.
57 Там же, л. 28.
58 Там же, д. 211, л. 34 об.
59 Там же, д. 225, л. 11.
60 Там же, д. 303, л. 12.
61 Там же, д. 106, л. 21.
62 Там же, д. 211, л. 33.
63 Там же.
64 В данной таблице индекс петербургских рабочих вычислен нами, а индекс всей промышленности России приведен по данным С. Г. Струмилина (Общий обзор Северной области, вып. 1. Пгр., 1918, стр. 49).

ГЛАВА II

СОСТАВ ПЕТЕРБУРГСКИХ РАБОЧИХ

Рассмотрим прежде всего профессиональный состав рабочих столицы России.

Самым многочисленным отрядом петербургского пролетариата были металлисты. Данные различных источников о количестве рабочих металлообрабатывающего производства сильно расходятся:

	Число металлистов	В % ко всему числу рабочих города
Перепись 1900 г.	79856	27.7
«Список»	49696	39.6
Данные Погожева	59125	45.7

Для переписи 1900 г. учтены рабочие группы «Обработка металлов» и «Производство машин, орудий, инструментов» (см. табл. 1). Ни одна из этих цифр не может быть признана абсолютно достоверной. В переписи 1900 г. применялась индивидуальная система классификации по профессиям: «Слесарь на табачной фабрике должен быть обозначен как слесарь, или столяр в Обуховской больнице — как столяр».[1] Руководитель переписи 1900 г. Н. А. Федулов отмечал, что в вопросных переписных листах спрашивалось только о личном занятии лица без дополнительного вопроса о том, в каком именно предприятии данное лицо занимается.[2] Таким образом, на практике неизбежно получалось так, что, например, рабочие мебельной мастерской Балтийского судостроительного завода могли быть отмечены переписью как деревообделочники. Вот почему абсолютная численность рабочих металлических производств по переписи 1900 г. является, по-видимому, несколько заниженной.

Об ограниченности фабричной статистики уже говорилось. Особенно неполно учитывались ею рабочие-металлисты, значительная

[1] См. инструкцию счетчикам: С. Бернштейн-Коган. Численность, состав и положение петербургских рабочих. СПб., 1910, стр. 12.

[2] См.: Город Петербург по переписи 15 декабря 1900 г., вып. 2. СПб., 1903, предисловие.

часть которых была сосредоточена на крупных казенных предприятиях. С другой стороны, в «Списке» не зафиксированы многочисленные мелкие предприятия и мастерские металлообрабатывающего и механического производства. В целом численность металлистов по данным «Списка» является сильно преуменьшенной. В сведения, приводимые Погожевым, включены рабочие отдельных казенных предприятий, но многие мелкие и средние заведения (отмечаемые порой даже в «Списке») им не были учтены. Итоговые данные Погожева также следует признать неполными. Удельный вес металлистов среди всех категорий наемных рабочих Петербурга следует определить по данным переписи 1900 г., т. е. около 30%. По двум другим источникам можно установить (и то весьма проблематично) только относительную долю металлистов среди фабрично-заводских рабочих.

Среди металлообрабатывающих заводов находились самые крупные предприятия петербургской промышленности. Численность рабочих в начале XX в. на некоторых из них была следующей:[3]

Общество Путиловских заводов	9634
Петербургский трубочный завод	6693
Балтийский судостроительный и механический завод Морского министерства	5246
Невский судостроительный и механический завод	4321
Александровский механический завод	3314
Петербургский вагоностроительный завод	2000
Общество франко-русских заводов	1977

Среди различных рабочих профессий металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности самыми многочисленными были следующие:[4]

Слесари по металлу	18565
Рабочие железоделательного и сталепрокатного производств	12353
Судостроительные специальности	8319
Рабочие кузнечного производства	6173
Рабочие чугунолитейного производства	4756

Металлисты были авангардом питерского пролетариата, самой квалифицированной и развитой его частью. В 1908 г. 5720 металлистов различных предприятий подверглись анкетированию. Оказалось, что 38.7% из них работали на одном и том же месте

[3] Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903, стр. 314, 315, 316, 317. — Сведения по Трубочному и Александровскому казенным заводам даны по справке канцелярии Петербургского генерал-губернатора на январь 1905 г. (ЦГИА, ф. 1326, оп. 5, д. 1, лл. 4—8).

[4] Вычислено нами по данным переписи 1900 г.

свыше пяти лет, а 12.9% — свыше десяти лет.[5] Общий трудовой стаж обследованных металлистов был, таким образом, еще выше. Эти данные в целом справедливы и для начала XX в. Металлисты отличались наиболее высокой классовой сознательностью, они выступали застрельщиками революционного и забастовочного движения. Весной 1901 г. в Петербурге возникла крупная забастовка, которая превратилась в вооруженное столкновение с войсками и полицией. В первых рядах этой борьбы выступали рабочие-металлисты казенного Обуховского завода. Авангардная роль металлистов отмечалась наиболее дальновидными представителями господствующего класса. В январе 1902 г. фабричный инспектор А. Якимов писал в докладе «Причины беспорядков рабочих в 1901 г.»: «...в беспорядках принимали участие почти исключительно рабочие механических заводов, или так называемая рабочая аристократия... Этот класс рабочих с приличным заработком, тронутый культурой, но лишенный возможности как-то ассоциироваться в союзы, представляет собою благоприятную почву для агитации извне...». Далее инспектор невольно признает высокую сознательность стачечных выступлений 1901 г., которые «не носили характера сведения счетов с администрацией завода», а напротив — «мотивы местного характера служили лишь поводом для начала беспорядков».[6] Петербургские металлисты были авангардом русского пролетариата, они выдвинули из своих рядов немало выдающихся деятелей революционного рабочего движения.

Источники дают сходные между собой цифры о численности в Петербурге рабочих-текстильщиков в начале XX в.:

	Число рабочих	В % ко всему числу рабочих города
Перепись 1900 г.	29680	10.3
«Список»	29917	23.3
Данные А. В. Погожева . .	26464	20.5

Это близкое совпадение различных данных о количестве текстильных рабочих объясняется тем, что в этой отрасли промышленности почти не имелось мелких, а также казенных предприятий, отсюда и сходство в показаниях источников. Удельный вес текстильщиков в общей массе наемных рабочих Петербурга, так же как и металлистов, следует определять по данным городской переписи. Для текстильной промышленности Петербурга было характерно преобладание крупных предприятий (как и в металлообрабатывающей). В 1900 г. на 13 крупнейших текстильных фабриках было сосредоточено 14 362 рабочих. Из них самыми большими по количеству рабочих являлись:[7]

Акционерное общество мануфактуры «Воронин, Лютш и Чешер» (6 фабрик)	3812
Невская ниточная мануфактура (2 фабрики)	2341
Александро-Невская мануфактура «К. Я. Паль»	2223
Невская бумагопрядильная мануфактура . .	1802

Характерной особенностью петербургской текстильной промышленности была относительно более высокая, чем в целом по России, интенсификация труда. Производительность столичных фабрик на одного рабочего превышала общероссийский уровень более чем в полтора раза.[8]

В Петербурге получила значительное развитие пищевкусовая промышленность. Данные источников о численности рабочих этой группы колеблются в следующих пределах:

	Число рабочих	В % ко всему числу рабочих города
Перепись 1900 г.	23030	8.0
«Список»	13296	10.6
Данные А. В. Погожева . .	13323	10.3

Абсолютную численность пищевиков наиболее полно отражает перепись 1900 г., так как многие мелкие предприятия этой группы промышленности (пекарни, кондитерские фабрики и пр.) не учитывались двумя другими источниками. Значительная масса работников пищевой промышленности была занята на табачных фабриках, среди которых крупнейшим предприятием в ту пору являлась фабрика «А. И. Богданов и К°» (2684 рабочих). Вообще табачные предприятия выделялись среди данной группы производства значительной концентрацией рабочих. На девяти табачных фабриках в начале XX в. было занято, по различным источникам, от 6.5 до 8 тыс. рабочих, — следовательно, на одно предприятие приходилось в среднем от 500 до 1000 чел. Напротив, остальные фабрики вкусовой промышленности (шоколадные, пивоваренные и др.) отличались незначительным количеством рабочих.

Наибольшие колебания наши источники имеют в определении численности рабочих полиграфической промышленности:

	Число рабочих	В % ко всему числу рабочих города
Перепись 1900 г. . . .	15387	5.3
«Список»	6359	5.1

[5] С. Н. Прокопович. Бюджеты петербургских рабочих. СПб., 1909, стр. 7.

[6] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 303, л. 28.

[7] Список..., стр. 33—35.

[8] В среднем по России в 1900 г. на одного рабочего приходилось 3691 пудономеров пряжи, а в Петербургской губернии — 5201 пудономеров (Статистика бумагопрядильного и ткацкого производства за 1900—1910 гг. СПб., 1911, стр. VII).

Данные Погожева на этот раз можно не принимать в расчет, так как им учтено только 6 типохромолитографий против 77 по «Списку». Данные переписи в этом случае несколько преувеличены, ибо включают в себя рабочих фотографического и живописного производства — всего 1442 чел. Среди полиграфической промышленности преобладали мелкие и средние предприятия, самыми крупными из них в 1900 г. были типографии А. Ф. Маркса (617 рабочих) и газеты «Новое время» (440 рабочих).

Большие затруднения возникают при определении численности рабочих химической промышленности, так как в различных источниках в эту группу включены разнообразные предприятия. По данным «Списка», число рабочих-химиков в Петербурге составляло 8154 чел., в том числе 600 приходилось на крупнейшую резиновую мануфактуру «Треугольник». В то же время в это число не входят рабочие такого большого предприятия химической промышленности, как Охтенский казенный пороховой завод, где в начале 1905 г. трудилось 1983 чел.[9] Таким образом, численность петербургских химиков составляла по крайней мере более 10 тыс. чел. Данные переписи не позволяют сколько-нибудь точно определить количество рабочих химической промышленности, так как в итоговых таблицах имеется по крайней мере три группы, в которые могли быть зачислены химики: обработка кож, волоса и резины; обработка жиров, масел и смолистых веществ, а также собственно химическое производство. Общая численность рабочих всех трех групп — 16 695 чел.; однако эта цифра может быть принята весьма условно.

Для Петербургской губернии характерна весьма развитая силикатная промышленность, основную часть которой составляли кирпичные заводы. Однако непосредственно в самой столице эти производства были развиты довольно слабо: здесь имелось несколько небольших фарфоро-фаянсовых, алебастровых, цементных и зеркальных фабрик. В пригородах Петербурга, преимущественно в Шлиссельбургском участке, вдоль Невы располагалось около 10 кирпичных заводов. На них были заняты сезонные рабочие, в основном крестьяне-отходники Петербургской губернии. Общую численность рабочих силикатной промышленности источники определяют в 3.5—4.5 тыс. чел. Рабочих энергетических предприятий по данным переписи насчитывалось 2805 чел. Основная масса их трудилась на электростанциях (1268 чел.) и газовых заводах (548). Относительно численности рабочих-деревообделочников по различным источникам говорилось выше. Для определения количества строительных рабочих, а также рабочих по производству одежды и обуви, не имеется другого источника, кроме переписи 1900 г. Рабочие этих производств были распылены по мелким заведениям, число и размеры которых не представляется возможным установить.

[9] ЦГИА, ф. 1326, оп. 1, д. 5, л. 6.

Для петербургской промышленности была характерна высокая концентрация рабочих на фабриках и заводах, гораздо большая, чем в целом в России. По данным отчетов фабричных инспекторов можно подсчитать среднюю численность рабочих на одном предприятии:

Годы	Петербург	Европейская Россия
1900	182.2	93.6
1901	182.1	93.5
1902	175.3	96.1
1903	173.1	101.5
1904	174.5	109.5
1905	183.7	113.7

Подробные сведения о концентрации рабочих имеются только относительно предприятий, подчиненных надзору Министерства финансов. Данные фабричной статистики позволяют сравнить удельный вес петербургских рабочих, занятых на предприятиях с различным числом работающих, с аналогичными показателями по Европейской России. На основе данных отчетов инспекции нами подсчитана концентрация рабочих на мелких, средних и крупных предприятиях в среднем за пятилетие 1901—1905 гг. (за 1900 г. сведений не имеется). В числителе указан процент предприятий данной группы к общему числу предприятий, в знаменателе — аналогичный процент для числа рабочих:

	До 50 рабочих	50—100	100—500	500—1000	Свыше 1000
Петербургская губерния	46.3 / 6.7	18.6 / 8.1	27.8 / 31.8	4.3 / 15.5	3.0 / 37.9
Европейская Россия	69.2 / 14.1	13.9 / 9.8	13.0 / 28.5	2.5 / 16.4	1.4 / 31.2

Как видно, удельный вес мелкой промышленности в столице был гораздо меньше, чем в Европейской России. На предприятиях с числом рабочих до 100 чел. в Петербурге было сосредоточено 14.8% всех рабочих, а в европейской части страны — 23.8%. Удельный вес числа рабочих средних предприятий в обоих случаях примерно одинаков, однако удельный вес самих предприятий этой группы в столице в два раза больше, чем в Европейской России. Это означает, что для Петербурга предприятия данной группы были гораздо более характерны, чем в целом по России. Приблизительно такая же картина наблюдается в группе предприятий с числом рабочих от 500 до 1000 чел. Наконец, крупнейшие заводы того времени с числом

рабочих более 1000 чел. имели в Петербурге гораздо больший удельный вес и концентрировали больше рабочих, чем такие же предприятия Европейской России, — и это при неполном учете больших казенных заводов в столице.

В каких же отраслях петербургской промышленности была наиболее высокая концентрация рабочих? Подсчеты, сделанные по «Списку», позволяют ответить на этот вопрос:

	Среднее число рабочих на предприятии	% рабочих на предприятиях с 500 чел. и более
Текстильная	482	75.2
Металлообрабатывающая[10]	431	61.0
Химическая	281	81.7
Обработка животных продуктов	155	53.7
Пищевкусовая	233	59.9
Бумажная и полиграфическая	102	17.3
Силикатная	101	22.8
Деревообделочная	99	—

Итак, хотя наиболее крупные предприятия в Петербурге принадлежали к металлообрабатывающей промышленности, самая высокая концентрация рабочих была в текстильной. В металлообрабатывающей промышленности имелось много мелких фабрик и мастерских. Подсчеты, сделанные по «Списку», показывают, что в текстильной промышленности было 13 предприятий с числом рабочих менее 50 чел. (из них только в двух — менее 20), в то время как в металлообрабатывающей насчитывалось 62 таких заведения (в 22 из них число рабочих было менее 20). В то же время имелось 21 крупное текстильное предприятие, а из металлообрабатывающих крупных было лишь 16.

В химической промышленности значительная концентрация рабочих объясняется тем, что на резиновой мануфактуре «Треугольник» было занято 6000 чел. Высокая концентрация была характерна, как уже говорилось, и для пищевкусовой промышленности, причем за счет табачных фабрик: к ним принадлежали все семь крупных предприятий этой отрасли. В остальных видах производства крупные предприятия насчитывались единицами в общей массе мелких и средних заведений.

Выше была рассмотрена концентрация рабочих в цензовой фабрично-заводской промышленности. Никаких сколько-нибудь широких данных о величине предприятий мелкой промышленности, строительных заведений, мастерских по изготовлению одежды и обуви не имеется. Можно лишь провести косвенное сравнение этих отраслей с основными видами фабричной про-

[10] В группе металлообрабатывающей промышленности учтены также семь казенных заводов.

мышленности по материалам переписи 1900 г. В таблицах переписи имеется рубрика о количестве хозяев, распределенных по тем же группам производства, как и рабочие. Нет точных сведений о том, какие именно лица зачислялись в данную категорию, но можно подсчитать количественное соотношение хозяев и рабочих для каждой группы производств. При всей условности такого рода сравнений, можно установить, какое количество рабочих различных отраслей промышленности приходится на одно лицо, отмеченное в качестве хозяина:

Отрасли промышленности	Число хозяев	Число рабочих на одного хозяина
Текстильная	425	69.8
Металлообрабатывающая	2094	38.5
Пищевкусовая	676	34.0
Химическая	565	29.5
Силикатная	158	23.4
Бумажная и полиграфическая	1024	22.6
Строительная	2214	15.5
Деревообделочная	1814	12.6
Производство одежды и обуви	8352	5.4

Нетрудно заметить, что распределение отраслей промышленности по среднему числу рабочих на одного хозяина довольно точно совпадает с показателями по концентрации рабочих по «Списку». В обоих случаях первое и второе места занимают текстильная и металлообрабатывающая промышленность, а третье и четвертое (правда, в обратном порядке) — химическая и пищевкусовая. Примерно в той же последовательности занимают места силикатная, полиграфическая и деревообделочная промышленность. Как и следовало ожидать, наименьшее число рабочих на одного хозяина оказалось в производствах по изготовлению одежды и обуви. Таким образом, подсчеты, сделанные на основе переписи 1900 г., подтверждают правильность данных о концентрации рабочих в различных отраслях петербургской промышленности, полученных по «Списку», а также свидетельствуют о преобладании мелких заведений в строительном производстве и особенно в производстве одежды и обуви.

Быстро растущая петербургская промышленность требовала значительного притока рабочей силы. Население столицы в гораздо большей степени увеличилось за счет пришлых, чем благодаря естественному приросту. За неполных четыре года, прошедших между всероссийской переписью и городской переписью 1900 г., оно возросло на 203.3 тыс. чел., т. е. на 19%. Громадное большинство населения города родилось вне Петербурга. По переписи 1900 г. среди всех жителей старше 15 лет удельный вес петербуржцев по рождению составлял только 19.3%. Для рабочих доля пришлого населения была еще выше. В 1902 г., по дан-

ным Погожева, в петербургской промышленности «пришлых рабочих» насчитывалось 90% (для всей России — только 52.4%). Однако из замечаний самого Погожева о недостатках этих подсчетов можно предположить, что в число «пришлых» не попали (или попали не полностью) выходцы из Петербургской губернии.[11] Фактически число рабочих, родившихся в самой столице, было еще меньше, чем одна десятая доля. По материалам опросов членов союза металлистов выяснилось, что из 5164 опрошенных только 308 (4.9%) родились в Петербурге.[12] А ведь в данном случае обследовалась наиболее кадровая часть рабочего класса столицы!

Каковы же были источники формирования петербургского пролетариата? Обобщающих сведений на этот счет ни один источник не содержит. Можно сделать лишь некоторые подсчеты по косвенным данным. Подавляющая часть рабочих по своей сословной принадлежности относилась к крестьянам. Убедительным доказательством этому являются данные о сословной принадлежности представителей двух основных групп промышленности Петербурга — металлистов и текстильщиков. В 1901 г. в отчете начальника Балтийского судостроительного завода были приведены результаты переписи рабочих по сословиям. Оказалось, что из 3599 чел. крестьяне составили 80.6%, мещане и ремесленники — 16.7%, дворяне и разночинцы — 2.7%.[13] Еще более показательны в этом отношении данные обследования В. Леонтьева в 1900—1902 гг. среди 11 285 рабочих-текстильщиков 13 петербургских фабрик. Крестьяне составили здесь подавляющую часть — 92.3%.[14] Таким образом, можно с известной оговоркой отнести городских рабочих в сословном отношении к крестьянам.

Общее количество лиц крестьянского сословия в Петербурге городская перепись 1900 г. определяла в 908.7 тыс., из них число родившихся за пределами столицы составляло 718.4 тыс., т. е. 78.1%. Если допустить, что среди рабочих соотношение пришлого и коренного населения было таким же, можно определить основные районы, откуда петербургская промышленность черпала свои кадры. По переписи 1900 г. число крестьян, прибывших в столицу из различных губерний, было:[15]

[11] А. В. Погожев. Учет численности и состава рабочих в России. СПб., 1906, стр. 92, 95.

[12] Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу. СПб., 1909, стр. 92.

[13] ЛГИА, ф. 1349, оп. 1, д. 1698, л. 17.

[14] Подсчитано нами по данным, приведенным в работе: W. Leontiew. Die Lage der Baumwollarbeiter in St.-Petersburg. München (В. Леонтьев. Положение текстильных рабочих в Петербурге. Мюнхен), 1906, стр. 62—63 (таблица).

[15] Подсчитано нами по материалам переписи 1900 г.

Губернии	Число пришлых крестьян	В % ко всему числу рабочих
Тверская	138602	19.3
Ярославская	92188	12.8
Новгородская	58812	8.2
Петербургская	55888	7.7
Псковская	52678	7.3
Рязанская	34300	4.8
Смоленская	30667	4.2
Витебская	30625	4.2
Костромская	30215	4.2
Всего . . .	523975	72.7

Среди населения Петербурга были представлены почти все географические районы России, но выходцы из названных девяти губерний составляли почти три четверти так называемых пришлых. Уроженцы других районов и областей были представлены в столице относительно гораздо меньшими группами.

Итак, ряды петербургского пролетариата пополняли в основном крестьяне Северо-Западной России со слабо развитым земледелием. Особенно велик удельный вес выходцев из Тверской и Ярославской губерний, которые составляли почти треть всех пришлых крестьян. Отметим, что крестьяне Петербургской губернии не играли значительной роли в пополнении числа городских жителей. Это объясняется относительной малочисленностью населения губернии и наличием в ее уездах довольно большого числа промышленных предприятий.

Отметим, что данные выводы городской переписи полностью подтверждаются другим — правда, более ограниченным — источником: обследованием членов профсоюза металлистов в 1908 г. Здесь из 5164 подвергшихся опросу рабочих основная часть — 34.8% — происходила из Тверской, Ярославской, Костромской и некоторых других соседних губерний.[16]

Процесс превращения русского крестьянина, пришедшего в город на заработки, в кадрового пролетария происходил порой длительное время. Рабочий из вчерашних крестьян иногда много лет не порывал связи с землей, а подчас и возвращался летом на полевые работы. Однако высокоразвитая столичная промышленность требовала постоянного и стабильного состава рабочих. Вот почему петербургские пролетарии более решительно порывали с деревенским хозяйством, чем в других местностях России.[17] Общих статистических сведений о том, сколько рабочих

[16] Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу. СПб., 1909, стр. 92.

[17] По данным профессиональной переписи 1918 г., только 16.5% рабочих Петроградской губернии до революции так или иначе были связаны с землей. По мнению А. Г. Рашина, эта цифра несколько занижена, но она все-таки много меньше среднего показателя для всех рабочих — 31.3% (А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. М., 1958, стр. 575).

владело землей, не имеется. В начале 1908 г. С. Н. Прокопович обследовал 570 рабочих различных профессий, — в частности, по вопросу о связи с землей. Конечно, это обследование охватило весьма малую часть петербургского пролетариата, но подсчеты Прокоповича все же довольно характерны. Оказалось, что 122 рабочих, т. е. 21.4%, ведут хозяйство в деревне (в том числе 84 холостых и 38 женатых). Почти 30% обследованных сохраняли свое хозяйство, но работ в нем уже не проводили (например, не отделившийся от отца сын). Наконец, 337 рабочих либо совсем порвали связь с землей, либо имели в деревне родственников, но сами земледелием не занимались. Итак, 60.9 обследованных рабочих практически не были связаны с деревней, превратившись в кадровых пролетариев.[18] Трудно сказать, в какой мере эти подсчеты справедливы для всего петербургского пролетариата, однако несомненно, что в ведущих отраслях промышленности уже в начале XX в. связь с землей сохраняли относительно немногочисленные группы рабочих, очевидно лишь недавно поступивших на фабрику.

Этот вывод, сделанный на материале выборочного обследования представителей различных рабочих профессий Петербурга, полностью подтверждается данными упоминавшегося уже обследования В. Леонтьева. Отметим, что из 5397 текстильщиц ни одна не обладала земельной собственностью и только 137 из них (т. е. 2.5%) уходили на сельскохозяйственные работы. Иная картина наблюдалась у рабочих-мужчин. Из 4888 ткачей, подвергшихся обследованию, 65% сохраняли право на землю, но, по-видимому, в подавляющем большинстве случаев это право было либо формальностью, либо стремлением рабочего обеспечить себя на «черный день». Это убедительно подтверждается тем, что только 245 ткачей (5%) уходили на сельскохозяйственные работы.[19] Подсчеты по данным В. Леонтьева показывают, что в общей сложности среди петербургских текстильщиков в 1900—1902 гг. сохраняли право на землю 26.6% рабочих, а непосредственно участвовали в сельскохозяйственном производстве только 3.4%.

В конце 20-х годов А. Г. Рашин проводил опрос петербургских металлистов относительно их связи с землей в прошлом. Оказалось, что среди тех из опрошенных, кто начал работать до 1905 г., сохраняли в ту пору право на земельную собственность только 17.6%.[20] Наконец, в неопубликованной диссертации С. Г. Кацнельсона имеются интересные данные о связи с землей

Еще для конца XIX в. А. В. Погожев отмечал для Петербурга самый высокий процент рабочих, занятых на фабрике круглый год (ук. соч., стр. 101).

[18] С. Н. Прокопович, ук. соч., стр. 7.

[19] W. Leontiew, ук. соч., стр. 62—63 (таблица).

[20] А. Г. Рашин, ук. соч., стр. 576.

выходцев из различных губерний, работавших в петербургской промышленности в 1896 г. Среди 5385 бывших крестьян Ярославской губернии 4085 чел. (75%) уже в течение ряда лет не отлучались из столицы на полевые работы. Примерно в таких же масштабах характеризуется связь с землей выходцев из Смоленской, Ярославской, Костромской и некоторых уездов Петербургской губернии.[21] При этом надо иметь в виду, что в начале XX в. масштабы отхода пролетариев на сельскохозяйственные работы могли лишь сократиться.

Таким образом, несмотря на отрывочность и разновременность источников, представляется возможным сделать вывод, что в начале XX в. большинство петербургских рабочих прекратили какую бы то ни было связь с сельским хозяйством, однако в то же время еще имелась значительная группа пролетариев (в определении ее наши источники сильно расходятся), которые все-таки не порывали с имевшимся у них земельным наделом.

Исследуя состав рабочих Петербурга по полу, надо отметить, что здесь, как и повсюду, наблюдается медленный, но неуклонный процесс вовлечения женщин в промышленное производство. Капиталисты охотно использовали работниц на фабриках, ибо за тот же труд женщины зачастую получали меньшую плату, чем мужчины, и были в то же время менее развитой и менее политически активной частью рабочего класса. По отчетам фабричной инспекции, за изучаемый период участие работниц в производстве заметно возросло:

Годы	Число работниц	В % ко всему числу рабочих Петербурга	То же для всей России
1901	36169	21.9	26.8
1902	39060	24.6	27.8
1903	36535	24.3	27.3
1904	38072	25.0	27.4
1905	37292	24.3	27.5

Абсолютная численность работниц оставалась в изучаемое время в среднем на одном уровне, тогда как общее количество петербургских пролетариев под влиянием кризиса сократилось. Очевидно, увольнения происходили за счет рабочих-мужчин, тем более что экономический спад коснулся более всего металлической промышленности — в ту пору специфически мужской профессии. Среди рабочих столицы удельный вес женщин был, однако, ниже, чем в России в целом. Это объясняется следующими причинами.

Основной сферой применения женского труда была текстильная промышленность. По данным Погожева, в 1902 г. среди всех

[21] С. Г. Кацнельсон. К вопросу о формировании промышленного пролетариата в Петербурге. 1870—1890 гг. Диссертация. Л., 1947, стр. 241.

рабочих России текстильщиков насчитывалось 37.4%, а металлистов — только 24.1%.[22] Для Петербурга же, напротив, первое место по численности занимали металлисты, а текстильщики составляли несколько больше 10% всех рабочих. По данным переписи 1900 г., количество женщин-работниц в Петербурге составляло 55 252 чел., или 19.2% всех рабочих. Увеличение абсолютной численности работниц по переписи в сравнении с данными «Свода» за 1901 г. следует признать закономерным, так как в последнем случае не учитывались женщины, занятые в многочисленных предприятиях по производству одежды и обуви. С другой стороны, удельный вес работниц оказался несколько ниже, что объясняется более полным учетом металлистов и включением в общие итоги большой группы строительных рабочих, среди которых было 99% мужчин. Перепись 1900 г. служит единственным источником для определения удельного веса женщин-работниц в различных отраслях петербургской промышленности начала XX в.:

Отрасль промышленности	Число работниц	В % к числу всех рабочих
Текстильная	16526	55.6
Производство одежды и обуви	20387	44.8
Пищевкусовая	7672	33.3
Химическая	3809	22.7
Бумажная и полиграфическая	3518	15.2
Металлообрабатывающая . .	1048	1.3

Итак, наибольший удельный вес женщин был в текстильной промышленности — 55.6%. Очень интересно, что эти данные, полученные из анализа переписных таблиц, поразительно точно совпадают с результатами обследования В. Леонтьева. В последнем случае удельный вес женщин среди текстильных рабочих составил 56.6%![23] Однако самая большая в Петербурге по численности группа женщин-работниц в изучаемое время трудилась на предприятиях по производству одежды и обуви. Из них больше всего было занято в дамско-портняжных мастерских (12 902 чел.), а также в изготовлении белья (2607 чел.) и обуви (2451 чел.). В первых двух профессиях женщины составляли свыше 97% всех рабочих.

В пищевой промышленности основная масса женщин трудилась на табачных фабриках — 6169 чел., т. е. 85.7% всех рабочих. В химической промышленности большинство женщин было сосредоточено на резиновой мануфактуре «Треугольник». Общее количество женщин-резинщиц составляло 2660 чел., т. е. 16.4%

[22] А. В. Погожев, ук. соч., стр. 78.
[23] W. Leontiew, ук. соч. (подсчитано нами по данным таблицы).

всех рабочих этой отрасли. Очень мало женщин было среди металлистов — всего лишь 1.3%. Однако и в данной отрасли промышленности отчетливо наблюдался процесс усиления использования женского труда. По петербургской переписи 1890 г. среди металлистов отмечено только 34 женщины, а в 1900 г. их число уже превышало тысячу. В отраслях промышленности, не указанных в таблице, число женщин-работниц нигде не превышало трехсот, женский труд там практически почти не использовался.

Городская перепись 1900 г. служит единственным широким источником для определения общих данных о возрастном составе петербургского пролетариата для начала XX столетия. По возрастным группам рабочие распределялись следующим образом:

Возраст	Число рабочих	В % ко всему числу рабочих
До 16 лет	27417	9.6
16—20 лет	64228	22.3
21—40 лет	155242	53.9
41—60 лет	38026	13.2
Свыше 61 года . . .	2521	0.8
Неизвестных лет . .	452	0.2
Всего . . .	287886	100.0

Наряду с широкой эксплуатацией женского труда, капиталистическая промышленность втягивала в производство детей и подростков. Закон от 1 июня 1882 г., ограничивавший применение детского труда, практически не соблюдался. Подростки, выгоняемые нуждой на фабрику, сплошь и рядом завышали свой возраст. Согласно официальным данным отчетов фабричной инспекции за 1901—1905 гг., среди русского пролетариата удельный вес рабочих в возрасте до 16 лет составлял в разные годы от 2 до 15%. Тот же источник определял число подростков на предприятиях Петербургской губернии в пределах от 1300 до 1500 чел., что составляло в среднем 0.8—1% общего количества всех рабочих губернии. Отметим, что при всей приблизительности сообщаемых по этому вопросу в «Сводах» сведений, удельный вес малолетних рабочих в Петербурге был ниже, чем по всей России. На предприятиях столицы существовал относительно высокий технический уровень, поэтому от рабочей силы требовалась более высокая квалификация.

Лучшим источником по статистике детского труда в промышленности Петербурга является городская перепись 1900 г. Подсчеты, выполненные по материалам переписи, дают следующую картину эксплуатации детского труда:

Отрасли промышленности	Число молодых рабочих	В % к общему числу рабочих
Производство одежды и обуви	10450	23.0
Деревообделочная	2922	12.6
Бумажная и полиграфическая	2331	12.6
Строительная	3017	8.7
Пищевкусовая	1352	5.6
Текстильная	1628	5.5
Металлообрабатывающая	4273	5.3
Химическая	722	4.3
Прочие виды производств	418	3.4

Как видно, удельный вес малолетних рабочих в Петербурге оказался в несколько раз больше, чем это показывалось в отчетах инспекции.[24] Во многом это объясняется тем, что большое число рабочих мелких предприятий не учитывались фабричной статистикой. А как раз шире всего детский труд применялся в мелком производстве, на работах, не требовавших квалификации или физической силы. Большую часть рабочих-подростков составляли мальчики: 20 737 чел., или 75.7%. Девочек в петербургской промышленности было занято 6680 чел. (24.3%). Первое место среди всех отраслей промышленности и по количеству и по удельному весу малолетних занимали предприятия по изготовлению одежды и обуви. Здесь было занято 4944 девочки — основная часть всех подростков женского пола в фабричном производстве столицы. Напротив, в деревообделочных предприятиях трудились только мальчики (девочек здесь было всего 14 чел.). В бумажном и полиграфическом производствах также преобладали юноши (88%). Они использовались в основном на подсобных работах в типографиях — 990 чел.

В известной степени применялся детский труд и в ведущих отраслях петербургской промышленности — металлообрабатывающей и текстильной. Среди металлистов юноши в основном выполняли функции учеников. Любопытно отметить, что значительная часть юношей-металлистов трудилась в ювелирном производстве — 919 чел. Примерно тот же удельный вес занимал детский труд и в текстильной промышленности, хотя общее количество подростков было здесь гораздо меньше; 55.6% их составляли девочки.[25] В целом можно сделать вывод, что чем выше средняя

[24] По Всероссийской переписи 1897 г. удельный вес рабочих до 15 лет составлял в России 12.0% (А. Г. Рашин, ук. соч., стр. 280). Эти данные, во-первых, еще раз доказывают неполноту учета подростков фабричной инспекцией, а во-вторых, подтверждают, что в Петербурге малолетние составляли меньший процент рабочих, чем в целом по России.

[25] Опять-таки отметим, что данные В. Леонтьева близко совпадают с полученными нами по переписи. Среди обследованных В. Леонтьевым текстильщиков подростки в возрасте от 12 до 16 лет включительно (напомним, что в переписи — до 16 лет исключительно) составили 8.2%, в том числе 65.8% всех подростков составляли девочки. (Подсчитано нами по данным таблицы в работе В. Леонтьева).

квалификация рабочих в отрасли, тем менее применялся в ней детский труд. Это характерно и для отдельных предприятий. Так, например, по данным петербургской фабричной инспекции на 1 января 1907 г. на Путиловском заводе из 10 952 рабочих подростки составляли только 1.3%, а на Тентелевском химическом заводе их не было вовсе.[26] С другой стороны, на небольшом стекольном заводе «Торковичи» (под Петербургом) в начале 1905 г. из 550 рабочих было 238 мальчиков и девочек, т. е. 43.3%.[27]

Обращает на себя внимание большая доля молодых рабочих в возрасте от 16 до 20 лет, которые составляли почти четверть всего столичного пролетариата. По данным той же переписи 1900 г., молодые рабочие так распределялись по основным видам производства:

Отрасли промышленности	Число молодых рабочих	В % к общему числу рабочих
Производство одежды и обуви	13094	28.7
Бумажная и полиграфическая	5772	24.8
Деревообделочная	5471	23.6
Текстильная	6665	22.5
Строительная	7537	21.9
Пищевкусовая	4734	20.5
Металлообрабатывающая	15882	19.9
Химическая	2832	17.0

Удельный вес молодых рабочих колебался сравнительно немного в различных отраслях. Однако заметно, что наибольший процент рабочих 16—20 лет был в тех же отраслях, которые отличались широким использованием детского труда: производство одежды и обуви, деревообделочная и полиграфическая промышленность. Молодые пролетарии здесь также использовались в качестве малоквалифицированных подсобников. Самый низкий удельный вес молодых рабочих был в металлической и химической промышленности — та же закономерность, что и для подростков. При отсутствии в России организованной подготовки рабочих кадров пролетарию требовалось много времени для овладения специальностью. Вот почему молодые рабочие сравнительно меньше использовались в тех профессиях, где требовалась более высокая квалификация.

Основное ядро петербургского пролетариата составляли рабочие в возрасте от 21 до 40 лет. К сожалению, наши источники никак не дифференцируют этот большой возрастной период. Все отрасли петербургской промышленности насчитывали в своих рядах больше половины рабочих этого контингента. Было только одно исключение — производство одежды и обуви, где число рабочих в возрасте от 21 до 40 лет составляло только 40.1%. Как

[26] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 508, лл. 47, 41.

[27] ЛГИА, ф. 253, оп. 3, д. 3875, л. 34.

видно, данная отрасль не требовала высокой квалификации и поэтому была самой «молодой» по составу рабочих. Наибольший удельный вес рабочих зрелого возраста наблюдался в металлообрабатывающей (57.2%), пищевкусовой (57.3%) и химической промышленности (62.3%).

Для капиталистической промышленности России начала XX в. характерен незначительный удельный вес рабочих старше 40 лет, которые даже на высокотехнических петербургских предприятиях составляли только 14% общей массы пролетариата. Интенсивная эксплуатация, тяжелые условия труда, плохая медицинская помощь, отсутствие социального обеспечения, антисанитарные жилищные условия — все это приводило к быстрому износу организма рабочего, к преждевременной потере трудоспособности. На основании обследования большого количества жителей Петербурга различных социальных групп врач И. Ф. Шевченко сделал в 1904 г. следующий горький вывод: «Наибольшая смертность от заразных болезней у представителей физического труда падает на рабочий возраст 21—40 лет, а у лиц умственного труда на более пожилой возраст — 41—60 лет».[28]

По данным переписи 1900 г., пожилые рабочие распределялись далеко не одинаково по различным отраслям промышленности:

Отрасли промышленности	Число пожилых рабочих	В % к общему числу рабочих
Металлообрабатывающая	12344	17.6
Пищевкусовая	3831	16.6
Химическая	2747	16.4
Текстильная	4749	16.0
Строительная	5153	14.9
Деревообделочная	3371	14.5
Бумажная и полиграфическая	2634	11.4
Производство одежды и обуви	3738	8.2

Кадровые пролетарии, каковыми являлись рабочие старших возрастов, были, как правило, наиболее квалифицированной частью рабочего класса. Не случайно именно металлисты стоят на первом месте по количеству рабочих старших возрастов. И напротив, в производстве одежды и обуви удельный вес пожилых пролетариев был гораздо меньше, чем в среднем для всей петербургской промышленности. Рабочие в возрасте старше 60 лет насчитывались на предприятиях столицы в ничтожном количестве — они не составляли и 1% общей массы питерского пролетариата. Однако самое большое количество старых производственников наблюдалось опять-таки в металлообрабатывающей промышленности — 790 чел., т. е. ровно 1% всех занятых в этой отрасли.

[28] И. Ф. Шевченко. Смертность населения Петербурга по возрастным группам в зависимости от рода занятий. Журнал русск. общ. охраны нар. здравия, 1904, № 11—12, стр. 580.

Наиболее полным источником для изучения семейного положения петербургского пролетариата в начале XX в. являются материалы Всероссийской переписи 1897 г. Подсчеты, выполненные нами по этим данным, дают следующие результаты:[29]

	Мужчин	Женщин	Всего
Состоящих в браке	62263	11088	73351
В %	42.1	35.2	40.4

По данным той же переписи, для всей России процент рабочих, состоящих в браке, был значительно выше как для мужчин, так и для женщин: соответственно 49.5 и 41.3%. Высокая стоимость жизни в столице не позволяла рабочим обзаводиться семьей. Особенно невелик был удельный вес замужних среди работниц. Низкая заработная плата, продолжительный и непосильный труд на фабрике, полное бесправие — все это затрудняло для женщины-пролетарки возможность создать семью.

Семейные рабочие, однако, далеко не всегда проживали в столице вместе со своими семьями. Напротив, большинство рабочих оставляли семью там, откуда они пришли в Петербург. Переселить семью в город или обзавестись ею здесь могли только те рабочие, которые превратились в кадровых пролетариев, т. е. приобрели квалификацию, дающую относительно высокий заработок, и порвали связь с землей. Вот почему вопрос о количестве рабочих, состоящих в браке и проживающих в Петербурге со своими семьями, имеет весьма важное значение для социальной характеристики пролетариата столицы. Материалы переписи 1897 г. позволяют нам подсчитать процент женатых рабочих основных отраслей промышленности Петербурга, а также процент тех из них, кто мог жить вместе со своей семьей:

Отрасли промышленности	Число рабочих, состоящих в браке	В % к общему числу рабочих	% рабочих, состоящих в браке и живущих в семье
Полиграфическая	3275	30.6	38.2
Металлообрабатывающая	20305	50.0	30.9
Химическая	5962	53.7	28.5
Деревообделочная	3994	33.9	16.6
Текстильная	11139	49.5	13.0
Производство одежды и обуви	3624	14.8	7.8
Пищевкусовая	4732	47.3	4.0

[29] Вычислено нами по: Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения, т. 1. СПб., 1906, стр. 66—67 (табл. I).

Сравним данные о семейном положении рабочих двух отраслей промышленности: полиграфической и пищевкусовой. Процент рабочих, состоящих в браке, у первых гораздо ниже, чем у последних, однако лишь ничтожная часть пищевиков проживала в Петербурге вместе со своими семьями. У полиграфистов наблюдается противоположная картина: удельный вес женатых и замужних рабочих ниже средней нормы. Отчасти это объясняется тем, что треть работников полиграфической промышленности составляли юноши и подростки в возрасте до 21 года. Но основная причина лежит в другом: полиграфисты были в основном кадровыми рабочими, порвавшими с сельским хозяйством. Этим горожанам, живущим на зарплату, было труднее содержать семью, чем тем рабочим, которые оставляли родных в деревне. Однако, с другой стороны, квалифицированный рабочий-печатник уже имел возможность содержать семью в Петербурге. Менее квалифицированные и ниже оплачиваемые рабочие пищевкусовой промышленности не имели этой возможности и были вынуждены оставлять семьи на родине. Это обстоятельство зачастую вынуждало рабочего поддерживать связь с деревней.

Среди металлистов и химиков также наблюдается высокий процент рабочих, состоящих в браке, которые проживали вместе с семьями. Причины здесь те же: это были ведущие отрасли петербургской промышленности с постоянными кадрами квалифицированных рабочих. Более высокий, чем у полиграфистов, процент женатых объясняется в данном случае тем, что среди металлистов и химиков насчитывалось сравнительно немного молодых рабочих. Таким же было соотношение холостых и женатых у текстильщиков, однако это объясняется тем обстоятельством, что в этой отрасли было особенно много рабочих, сохранявших связь с деревней. Это заметно по очень низкому проценту состоявших в браке рабочих, которые могли жить в Петербурге вместе со своими семьями, — 7.8.

Данные обследования В. Леонтьева дают чрезвычайно важный конкретный материал о семейном положении рабочих-текстильщиков, который очень интересно сравнить с общими выводами, полученными статистическим путем. Подсчеты, проведенные по сведениям Леонтьева, показывают следующие результаты:[30]

	Мужчин	Женщин	Всего
Состоящих в браке	2506	2442	4948
В %	52.5	44	47.8

[30] Здесь и далее подсчеты выполнены нами по данным статистической таблицы в работе В. Леонтьева.

Отметим, что процент женатых и замужних текстильных рабочих совпадает с данными, полученными по переписи 1897 г.: соответственно 47.8 и 49.5%. И в том, и в другом случае доля женатых рабочих в текстильной промышленности выше, чем в среднем для всего пролетарского Петербурга. По данным В. Леонтьева, отчетливо видна общая тенденция, свойственная всей России, но особенно проявлявшаяся в столице, а именно — значительно более высокий процент брачности у мужчин сравнительно с женщинами.

Далее следует привести данные В. Леонтьева о положении детей в пролетарской семье, — эти данные являются единственными в своем роде для изучаемой темы. Уже говорилось, что рабочим часто приходилось отправлять семью и детей в деревню. Для текстильщиков это обстоятельство выражалось в следующих числах:

	Дети в семье	Дети в деревне
Женатые мужчины	1821	682
В %	72.7	27.3
Замужние женщины	1931	329
В %	85.3	14.7

Трудно делать широкие выводы на основании такого ограниченного материала, однако следует отметить, что женщины-работницы, приехав в город, образовали более стабильные семьи, нежели мужчины. Об этом говорит тот факт, что последние вынуждены были отсылать детей на родину в деревню в два раза чаще, чем женщины. В целом же процент детей, проживающих вместе с родителями, оказался довольно высоким: в среднем 78.7. Однако другими аналогичными источниками, с помощью которых можно было бы прокорректировать эти данные В. Леонтьева, мы не располагаем.

Относительно состава пролетарской семьи в Петербурге имеются только ограниченные данные. По данным анкеты профессионального союза металлистов, среднее количество детей у членов профсоюза составляло 1.6.[31] Но это исчисление построено на ограниченном материале и касается наиболее квалифицированного и материально обеспеченного слоя столичных рабочих, поэтому не может быть распространено на весь пролетарский Петербург. Косвенный, но зато чрезвычайно широкий материал о составе семьи рабочего дает опять-таки городская перепись 1900 г. Можно подсчитать количество иждивенцев («несамостоятельных») для различных отраслей промышленности

[31] Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу, стр. 85.

(разумеется, только тех иждивенцев, которые проживали вместе с главами своих семей в самом Петербурге):

Отрасли промышленности	Количество иждивенцев на 100 рабочих
Металлообрабатывающая	84.1
Полиграфическая	68.5
Химическая	51.3
Деревообделочная	50.0
Текстильная	30.4
Пищевкусовая	20.8
Производство одежды и обуви	16.3
В среднем для всех рабочих Петербурга	50.3

Как видно, количество иждивенцев относительно выше в тех профессиях, где большее число рабочих, состоящих в браке, живет вместе с семьей. В целом же количество иждивенцев, находящихся на содержании у рабочих, было невелико и выражалось соотношением 100 : 50. Свыше 70% иждивенцев составляли женщины. Для сравнения интересно привести соотношение между самостоятельными и иждивенцами у представителей привилегированных групп населения в Петербурге по данным той же переписи:

Чиновники	100 : 140
Церковнослужители	100 : 139
Полиция	100 : 118

Сопоставление этих цифр с соответствующими данными о рабочих достаточно красноречиво. В заключение следует привести пример, подтверждающий прямую связь между квалификацией и семейным положением рабочего. При обследовании 998 членов профсоюза металлистов в начале 1908 г. были получены следующие данные о семейном положении рабочих в связи с различным дневным заработком (в %):[32]

	До 1 р. 50 к.	1 р. 50 к. — 2 р. 50 к.	Свыше 2 р. 50 к.
Холостых	45.8	31.3	20.5
1—2 ребенка	41.2	48.7	51.5
3 и более детей	13.0	20.0	28.0

Итак, только квалифицированные и высококвалифицированные рабочие петербургской промышленности могли иметь семью и содержать ее в городе. Но таких было меньшинство. В основной части столичные рабочие и работницы не имели такой возможности и жили вне семьи.

Весьма ограничен круг наших источников также и по вопросу о грамотности петербургских рабочих. В отчетных материалах

[32] Там же, стр. 87.

фабричной инспекции за 1901 г. приводятся выборочные данные относительно образования рабочих 47 столичных фабрик. По сведениям инспекции, среди 6201 обследованных мужчин и женщин оказалось 4922 грамотных, что составляет 79.2%. Фабричный инспектор, составлявший этот документ, заключал: «Более подробных сведений собрать не удалось».[33] Последняя фраза является в высшей степени характерной, так как «подробных сведений» о грамотности петербургских рабочих в материалах тогдашних административных органов не имеется.

Основным источником относительно образования петербургских рабочих являются данные Всероссийской переписи 1897 г.[34]

Основные показатели по этому вопросу выглядят следующим образом (в %):

	Мужчин	Женщин
Всего грамотных в России	29.3	13.1
Грамотных среди всех рабочих России	59.9	34.9
Грамотных среди петербургских рабочих	77.6	40.8

Как видно, грамотность русского рабочего класса была значительно выше, чем в среднем во всей крестьянской России, а грамотность столичного пролетариата заметно превосходила этот средний уровень. Грамотность женщин-работниц даже в Петербурге составляла вполовину меньшую величину по сравнению с мужчинами. При этом все время надо, однако, иметь в виду, что в данном случае термин «рабочие» применяется в том смысле, как он понимался составителями переписи, т. е. включая в число рабочих обслуживающий персонал магазинов, парикмахерских, транспорта и т. п. Для определения грамотности промышленных рабочих необходимо сделать по материалам переписи специальные подсчеты.

В табл. 2 приведены абсолютные данные о грамотности рабочих восьми основных отраслей петербургской промышленности. В таблице опущены сведения о малолетних, а также о лицах старше 60 лет (обе эти группы в 1897 г. насчитывали менее десятой части всех рабочих столицы). Рабочие рассматриваемых в таблице отраслей производства составляли свыше 80% петербургских пролетариев. Таким образом, подсчеты и выводы, сделанные по данным табл. 2, являются характерными для всего рабочего Петербурга. Для изучения грамотности рабочих по полу следует в дальнейшем исключить из анализа данные о женщинах в металлообрабатывающей, пищевой и деревообделочной промышленности, так

[33] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 231, л. 162.

[34] Здесь и далее все сведения по переписи 1897 г. см.: Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения, т. II, стр. 16—25.

как удельный вес работниц в этих отраслях был ничтожен (в строительном деле женщины не участвовали совсем).

Подсчеты о грамотности рабочих (в %) представлены в табл. 3. Отметим прежде всего, что во всех без исключения видах производства рабочие обоего пола в возрасте 17—19 лет в среднем превосходили по уровню грамотности рабочих в возрасте 20—39 лет, а эти последние — рабочих в возрасте 40 лет

Таблица 2

Грамотность рабочих основных отраслей промышленности Петербурга

Отрасли производства	17—19 лет		20—39 лет		40—59 лет	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Обработка волокнистых веществ	1176/1610	597/1471	4372/6769	1394/7025	988/1841	144/1815
Обработка дерева	1470/1789	2/7	4102/5553	20/64	917/1526	4/31
Обработка металлов	3892/4609	41/68	18697/25433	242/597	4143/6573	22/129
Химические производства	529/677	234/354	3696/5458	932/2192	738/1301	78/506
Обработка питательных продуктов	1113/1289	43/62	4211/5335	143/324	1033/1423	17/68
Полиграфические производства	1637/1750	184/217	5409/5764	479/664	905/1028	48/100
Изготовление одежды	2161/2882	1100/1391	4793/6967	1534/2039	653/1154	177/308
Строительные работы	1983/2461	—	5760/7926	—	1176/2119	—

Примечание. Таблица составлена по сборнику «Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения». В числителе показано количество грамотных рабочих, в знаменателе — общее число их.

и старше. Грамотность женщин-работниц в трех отраслях производства (полиграфическом, химическом и текстильном) соответствует характерному для того времени общему правилу и является во всех возрастных группах ниже, чем у мужчин. Своеобразное явление наблюдается у рабочих предприятий по изготовлению одежды. Здесь видна обратная картина: грамотность женщин во всех возрастах превосходит аналогичные показатели рабочих-мужчин и вообще является чрезвычайно высокой в средних показателях — 75.2%. Это больше, чем средняя грамотность рабочих-металлистов. К сожалению, у нас нет никаких данных, которые могли бы как-то объяснить такое исключительное обстоятельство.

Таблица 3

Грамотность рабочих Петербурга (в %)

Отрасли производства	17—19 лет		20—39 лет		40—59 лет		В среднем	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Полиграфические производства	93.8	87.6	93.2	72.6	90.0	48.0	93.3	70.2
Обработка питательных продуктов	86.0	—	80.0	—	74.0	—	79.8	—
Обработка металлов	84.0	—	74.6	—	63.0	—	73.0	—
Обработка дерева	81.7	—	74.5	—	61.1	—	72.2	—
Строительные работы	79.7	—	72.1	—	56.0	—	72.3	—
Изготовление одежды	74.5	78.5	68.4	76.5	56.8	59.0	69.1	75.2
Химические производства	75.6	66.8	68.0	44.4	56.7	15.6	67.0	41.4
Обработка волокнистых веществ	73.6	45.5	65.4	19.9	54.9	8.0	64.8	20.7

Примечание. Все подсчеты настоящей таблицы выполнены нами по данным Всероссийской переписи 1897 г. (см. табл. 2).

Рассмотрим уровень грамотности рабочих различных профессий. Как и следовало ожидать, наиболее высокие показатели здесь у полиграфистов. Средняя грамотность у мужчин достигает здесь исключительно высокого уровня — 93.3%, — причем остается примерно одинаковой во всех трех возрастных группах, т. е. у рабочих данной отрасли не наблюдается заметной разницы в средних показателях по возрастам, характерной в целом для рабочего класса того времени. Весьма высок процент грамотности рабочих среди пищевиков, особенно молодых. Металлисты идут на третьем месте. Однако внутри этой группы существовала значительная дифференциация, ибо перепись объединяла квалифицированных рабочих крупной промышленности с рабочими мелких мастерских, порой полукустарного типа. По данным союза металлистов, в 1908 г. грамотность среди его членов достигала 91.8%.[35] Даже если сделать поправку на прошедшее десятилетие, нельзя не отметить, что эта величина значительно превосходит все показатели 1897 г., в том числе для возраста 17—19 лет.

Самый низкий уровень грамотности отмечен у ткачей, как для мужчин, так и для женщин. В этой отрасли в конце XIX в. особенно много было недавних пришельцев из сплошь неграмотных деревень Костромской, Владимирской и прочих губерний центральных областей. Особенно поражает уровень грамотности у ткачих старшего возраста: из 1815 работниц 1671 (92%) были

[35] Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу, стр. 90.

неграмотными. Отметим, однако, что — по обследованию В. Леонтьева — грамотность петербургских ткачей оказывается более высокой: у мужчин — 68.5%, а у женщин — 29%.[36]

Тот же В. Леонтьев приводит единственные в своем роде данные об уровне грамотности и образования рабочих (из 4888 мужчин и 6397 женщин текстильщиков):

	Умеющие читать	Умеющие читать и писать	В том числе окончили школу
Мужчины . . .	250	3101	688
В %	5	63.5	14.1
Женщины	261	1599	996
В %	4	25	15.5

Итак, в целом уровень грамотности петербургских рабочих отличался сильными колебаниями в различных отраслях и в ряде их был еще очень низок. Судя по сведениям В. Леонтьева, только 15% рабочих могли получить образование в начальной школе. Остальные рабочие овладевали грамотой самоучкой.

Относительно национальной принадлежности петербургских рабочих имеются очень скупые и к тому же косвенные данные. По материалам городской переписи 1900 г. представляется возможным установить родной язык жителей четырех районов Петербурга с наиболее густым пролетарским населением.[37] Данные эти выглядят следующим образом:

Части и участки	Русский	Польский	Финский	Эстонский	Латвийский	Литовский
Нарвская	106149	5559	964	1419	971	889
Выборгская	81090	3028	4562	1279	649	623
Петергофский	60071	4059	616	1044	568	723
Шлиссельбургский . .	71340	1662	925	578	387	327
Всего	318650	14308	7067	4320	2575	2562

На основании этих подсчетов можно с известной осторожностью предположить, что из национальных меньшинств, проживавших в рабочих районах Петербурга, наиболее многочисленными были поляки, а также финны и прибалтийские народы. Остальные национальности были представлены очень малыми группами (например, украинцев всего 228 чел.), ни одна из них не достигала в рассматриваемых районах даже тысячи человек. Основную массу жителей этих рабочих окраин составляли лица, считавшие своим родным языком русский: они составляли 87.5% жителей. Трудно судить, насколько родной язык соответствует национальной принадлежности, ибо другие источники по данному вопросу за изучаемое время отсутствуют.

[36] W. Leontiew, ук. соч., стр. 62—63 (таблица).

[37] То есть Нарвской и Выборгской частей, а также Петергофского и Шлиссельбургского пригородных участков.

В заключение следует остановиться на одном частном вопросе, касающемся национального состава петербургского пролетариата. Речь идет о рабочих-иностранцах, точнее говоря — иностранных подданных. По данным городской переписи, общее число их в 1900 г. составляло 2200 чел.[38] Судя по донесениям фабричных инспекторов, рабочие-иностранцы представляли собой преимущественно специалистов высокой квалификации, а также низший административный персонал.[39] 765 рабочих-иностранцев, т. е. самая значительная часть их (34.4%), была занята на металлообрабатывающих предприятиях, однако и они не составляли даже сотой доли общего количества петербургских металлистов. В остальных отраслях производства удельный вес иностранных рабочих был таким же или еще меньше.

Никаких данных о национальном составе рабочих-иностранцев городская перепись не содержит, а другие источники обнаружить не удалось. Для характеристики этой специфической группы столичного пролетариата можно лишь добавить, что у рабочих — иностранных подданных на 100 чел. самостоятельных приходилось 105 иждивенцев (по данным той же переписи). Таким образом, количество иждивенцев у этой группы было в среднем гораздо больше, чем у всего петербургского пролетариата (100 : 50.3). Это служит подтверждением относительно более высокого жизненного уровня рабочих-иностранцев, которые составляли верхушку рабочей аристократии столицы.

[38] Подсчитано нами по данным городской переписи 1900 г. (вып. II, табл. V, стр. 182—187).

[39] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 303, лл. 30—37.

ГЛАВА III

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И БЮДЖЕТ

Наиболее сложным разделом при изучении положения петербургских рабочих следует признать вопрос о заработной плате.

Это единодушно признавали еще дореволюционные авторы, писавшие об истории петербургского пролетариата. Фабричный инспектор С. Гвоздев в своих обстоятельных записках, хронологически охватывающих конец XIX—начало XX в., утверждал, что «в рабочем вопросе наиболее трудно поддающееся исследованию является, бесспорно, заработная плата».[1] Это высказывание тем более характерно, что оно исходит от лица, обязанностью которого на протяжении многих лет было, в частности, составление официальных отчетов о заработной плате рабочих подведомственных ему предприятий, — отчетов, которые до сих пор являются одним из основных источников по данной теме. Такого же мнения по вопросу об изучении заработной платы придерживался видный специалист по истории петербургского пролетариата С. Бернштейн-Коган, который в работе, изданной в 1910 г., писал, что материал о зарплате «очень скуден».[2]

После Октябрьской революции появилось несколько весьма ценных трудов и публикаций, которые дали существенный материал для изучения зарплаты петербургского пролетариата. Сделанного, однако, оказалось далеко не достаточно для широкого раскрытия темы. Известный историк русского рабочего класса М. С. Балабанов писал в 1926 г., что «надежных данных» по вопросу о заработной плате очень мало. «Приходится поэтому, — продолжал он далее, — восстанавливать картину по отдельным кусочкам, вглядываясь в отдельные уголки рабочей жизни и стараясь оживить немногие обобщающие цифры».[3] К сожалению,

---

[1] С. Гвоздев. Записки фабричного инспектора (1894—1908 гг.). М., 1911, стр. 81.

[2] С. Бернштейн-Коган. Численность, состав и положение петербургских рабочих. СПб., 1910, стр. 108—109.

[3] М. Балабанов. Очерки по истории рабочего класса в России, ч. III. М., 1926, стр. 116.

в последующее время было сделано сравнительно немного для изучения заработной платы петербургских рабочих.

При исследовании данной проблемы имеется и серьезное объективное препятствие, а именно — узкий круг источников. Основными источниками здесь являются официальные статистические отчеты, которые — кроме общих недостатков, присущих дореволюционной фабричной статистике, — страдают еще тем специфическим пороком, что подают материал в слишком общей форме, в виде средних данных. Между тем очевидно, что при изучении заработной платы дифференциация различных слоев пролетариата особенно необходима.

В архивных фондах промышленных предприятий содержатся весьма отрывочные и неполные данные о заработной плате. Обобщающих материалов в целом по фабрике или заводу за год или тем более за ряд лет не имеется. В годовых отчетах предприятий также указана только общая сумма заработной платы, т. е. и в этом случае возможно получить опять-таки те же средние цифры. В ряде фондов сохранились, правда, требовательные ведомости и расчетные книжки рабочих. По этим материалам возможно сделать некоторые статистические вычисления.

Несколько шире представлен материал о заработной плате в фонде фабричной инспекции Петербургской губернии. Здесь имеются данные некоторых обследований, проводившихся чинами инспекции на предприятиях. Но это опять-таки отрывочные сведения, которые могут служить лишь в качестве иллюстрации, не более. В основном же данные о заработной плате приводятся в суммарной форме. Еще меньше материалов по данной теме содержится в фондах административных учреждений Петербурга: фабричная инспекция, канцелярия губернатора, градоначальника. Здесь встречаются лишь отрывочные сведения по этому вопросу (как правило, при рассмотрении различных жалоб, претензий и т. п.).

Рассмотрим прежде всего общие данные о заработной плате петербургских рабочих за весь изучаемый период. Единственным источником в этом случае являются отчеты фабричной инспекции. Однако в отчетах приводились суммарные данные о величине зарплаты не всех рабочих, а только рабочих тех предприятий, в которых взимались штрафы. Число рабочих, занятых на предприятиях такого рода, составляло, правда, значительное большинство всей пролетарской армии Петербурга, колеблясь в разное время от 70.5% (1900 г.) до 87.9% (1905 г.). Никаких пояснений относительно того, чем отличались друг от друга предприятия, где взимались штрафы и где их не было, отчеты инспекции не содержат. Учитывая, что штрафование имело место на значительном большинстве фабрик и заводов, можно распространить полученные данные о заработной плате на весь пролетариат Петербургской губернии. Подсчеты о годовой сумме

заработка петербургского рабочего в 1900—1905 гг. дают следующие цифры (в руб.):[4]

Годы	Петербургская губерния	Европейская Россия
1900	299	194.08
1901	302.45	202.88
1902	336.21	202.40
1903	335.17	217.03
1904	366.17	213.92
1905	294.83	205.52

Средние данные относительно суммы годового заработка рабочего Петербурга и рабочего Европейской России (при всей условности такого рода вычислений) показывают, что величина зарплаты в столице была заметно выше. Как правило, в рассматриваемое время средний заработок петербургского пролетария был в полтора раза больше, чем общероссийский. Однако из этого не следует, что жизненный уровень столичного рабочего был настолько же выше по сравнению с другими промышленными центрами. Как будет подробно показано в дальнейшем, цены на продукты питания, на жилье и т. д. были в Петербурге относительно весьма высокими. Необходимо помнить еще одно обстоятельство при сравнении средней цифры зарплаты петербургского и общерусского рабочего: в столице было сосредоточено большое количество казенных заводов военного и военно-морского ведомств, на которых трудились до 30 000 рабочих. Высокие заработки этой категории рабочего класса не учитывались в отчетах инспекции. Напротив, зарплата на мелких предприятиях в уездах Петербургской губернии была ниже, чем в столице. Вот почему средняя сумма заработка петербургского пролетариата должна быть несколько выше, чем получается по данным отчетов инспекции. Это обстоятельство объясняется тем, что в столице была сосредоточена наиболее квалифицированная часть русских рабочих, в особенности металлистов. Весьма важное значение для уровня заработной платы петербургских рабочих имела их боевая, самоотверженная борьба с капиталом. Это видно из данных о зарплате (см. выше), несмотря на краткость рассматриваемого периода. Действительно, средняя сумма заработной платы на одного рабочего в 1900—1901 гг. держалась на одном уровне, затем в 1902 г. она заметно повысилась и оставалась на том же уровне в 1903 г., а потом несколько увеличилась в 1904 г. Рассматривая средний годовой заработок рабочего Европейской России, мы не наблюдаем аналогичной картины. Решающее значение в этом процессе имела стачечная борьба петербургских пролетариев в 1901 г. Недаром после Обуховской обороны возни-

[4] Составлено по данным отчетов фабричных инспекторов за соответствующие годы. В 1900 г. учтена только вторая половина года.

кают различные комиссии по «изучению» и даже «улучшению» условий жизни и быта рабочих.

Говоря о среднем годовом заработке рабочего в Петербурге, любопытно сравнить эти цифры с жалованием чиновников фабричной инспекции за то же время. Рядовой фабричный инспектор получал (не считая наградных) в 1900 г. от 543 до 715 руб. годового жалования, а старший фабричный инспектор губерний — 2744 руб.[5] Как видно, зарплата петербургского пролетария была в несколько раз меньше, чем у чиновников, которые должны были заботиться о благополучии подведомственных им рабочих.

Анализ таких общих показателей, как средний заработок рабочих губернии, разумеется, может позволить сделать лишь самые общие выводы. Как первый шаг к более детальному изучению заработной платы петербургских рабочих, рассмотрим сумму годовой платы в различных отраслях промышленности. Основным статистическим источником для этого сюжета служат данные, собранные фабричным ревизором при отделе промышленности Министерства финансов В. Е. Варзаром в 1900 г. о производствах, не обложенных акцизом.[6] Детальные и систематические материалы этого издания охватывали почти все предприятия России, подчиненные фабричной инспекции (кроме винокуренных, спичечных и пр.); напомним, что в Петербургской губернии В. Е. Варзаром было учтено 128 тыс. рабочих. Средний заработок петербургского рабочего в 1900 г. равнялся 313.7 руб., что довольно близко совпадает с данными отчета фабричной инспекции за тот же год (точнее — за его вторую половину). Годовая сумма заработной платы рабочих различных отраслей промышленности вычислена нами по материалам статистики В. Е. Варзара (в руб.):

	Петербургская губерния	Европейская Россия	Отношение заработка в Петербурге к общероссийскому (в %)
Металлисты	407.5	340.7	119
Деревообделочники	331.2	215.2	154
Полиграфисты	312.0	216.9	144
Обработка животных продуктов	284.5	197.0	143
Химики	276.8	252.2	109
Обработка минеральных веществ	272.8	203.8	133
Пищевики	258.4	182.1	141
Текстильщики	231.1	170.1	131

Наиболее высокую заработную плату получали рабочие предприятий по обработке металлов — это характерно и для Петер-

[5] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 209, лл. 1—3.

[6] Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам не обложенным акцизом, за 1900 г. СПб., 1903.

бурга, и для всей Европейской России, причем разница в сумме годового заработка была заметная. Однако в Петербурге разность в оплате рабочих других видов производства была относительно меньше, чем это характерно для всей России. Известную роль здесь играло то обстоятельство, что в статистике Министерства финансов не отмечались крупнейшие казенные заводы с высоким заработком. Из данных, приведенных в сборнике В. Е. Варзара, явствует, что в Петербурге заработную плату, превышавшую средний годовой уровень металлистов, получали 18.5 тыс. рабочих трех паровозостроительных предприятий — 443.4 руб., а также 2.6 тыс. рабочих двух сталелитейных заводов — 445.3 руб.[7] Это были рабочие наиболее крупных и ведущих предприятий данной отрасли. По-видимому, средняя зарплата петербургских металлистов с учетом высоких заработков рабочих военных и судостроительных казенных заводов должна была быть несколько больше, чем это показано в подсчетах по данным В. Е. Варзара.[8]

Второе место по сумме годовой зарплаты занимали в Петербургской губернии деревообделочники. В этой отрасли превосходство заработка столичных рабочих над общероссийским уровнем было самым большим — на 54%. Такие высокие средние заработки деревообделочников Петербурга объясняются особыми условиями столичного города. В число 5819 рабочих предприятий по механической обработке дерева входили рабочие по производству роялей и других струнных инструментов (1041 чел.), чей заработок резко превышал средний уровень этой группы и составлял 567.8 руб. Напротив, у рабочих лесопилен, составлявших основную массу деревообделочников — 2957 чел., т. е. 51%, средний заработок достигал 215.1 руб. в год, т. е. был в полтора раза меньше, чем у рабочих этой группы производства в целом.[9] Таким образом, деревообделочники различных специальностей отличались значительными колебаниями в оплате. Высокий средний заработок этой группы в Петербурге объясняется наличием в ее составе сравнительно небольшого числа весьма квалифицированных мастеровых, занятых в узкой области производства. Неудивительно, что в целом по Европейской России средняя зарплата деревообделочников была относительно гораздо ниже, совсем не выделяясь среди других профессий.

[7] Здесь и далее средний годовой заработок рабочих различных отраслей производства и профессий вычислен нами по данным В. Е. Варзара. См.: Статистические сведения..., группа VIII, стр. 6, 10.

[8] Так, например, в том же 1900 г. на казенном Невском судостроительном и механическом заводе средние годовые заработки рабочих основных цехов колебались от 407 до 470 руб. (см.: Невский судостроительный и механический завод. СПб., 1910, Приложение). В 1904 г. средняя сумма зарплаты на том же заводе составила 494.0 руб., а на Путиловском — 526.9 руб. (ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 447, лл. 1—2). Надо указать, правда, что с началом русско-японской войны на этих заводах, загруженных военными заказами, номинальная зарплата рабочих возросла против предшествующего времени.

[9] См.: Статистические сведения..., группа VIII, стр. 44—56.

Объединенные фабричной статистикой в одну группу рабочие-полиграфисты и бумажники занимали в Петербурге и по России одинаковое — третье — место по величине средней годовой зарплаты. Высокую оплату получали рабочие полиграфических предприятий столицы — 381.1 руб. Напротив, бумажники всех без исключения видов производства имели среднюю годовую плату много меньше. Например, большая группа рабочих писчебумажных фабрик — 3959 чел. — получали по 230.5 руб.[10] Аналогичная картина наблюдалась и в целом по России. Рабочие-полиграфисты были одним из самых квалифицированных и развитых отрядов русского пролетариата (а тем более петербургские полиграфисты), и заработная плата их более всего приближалась к заработкам металлистов.[11]

Средний годовой заработок петербургских рабочих по обработке животных продуктов также значительно превосходил общероссийский уровень зарплаты в этой отрасли. Кроме общих причин, здесь играло роль то специфическое обстоятельство, что в столице находилась крупнейшая в стране фабрика по производству обуви («Скороход») и несколько мелких обувных предприятий, работавших на буржуазного заказчика. Заработки этих групп рабочих были наиболее высокими и превышали 300 руб. в год. Зарплата мыловаров, костеобжигателей и других профессий этой отрасли была существенно меньше.

Своеобразием отличалось положение с оплатой петербургских химиков. В целом по России это была наиболее высокооплачиваемая группа рабочих после металлистов. Однако среднегодовая зарплата столичных химиков превосходила общероссийскую всего на 9% — меньше, чем в любой другой отрасли производства. Около 5 тысяч рабочих было занято на резиновой мануфактуре «Треугольник» (60% всех петербургских химиков), получая в среднем годовую оплату в 292.1 руб.[12] Остальные рабочие трудились на мелких химических, красильных и иных предприятиях со значительно меньшим, чем у резинщиков, заработком.[13] В число петербургских химиков В. Е. Варзаром не включены рабочие двух крупнейших предприятий этой отрасли, подчинявшихся военному ведомству, — Охтенского порохового завода и

[10] Там же, группа VI, стр. 4.

[11] По данным фабричной инспекции, на 1904 г. заработная плата рабочих в типографии Суворина (380 чел.) составила в среднем за год рекордно большую сумму — 686.8 руб. Зато на крупной писчебумажной фабрике бр. Варгуниных (612 чел.) рабочие получали только 236.5 руб. (ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 447, лл. 1—2).

[12] Очень интересно отметить, что средняя сумма заработка рабочих «Треугольника» в 1904 г. была точно такой же — 292.0 руб. (ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 447, лл. 1—2).

[13] Статистические сведения..., группа XII, стр. 2, 4, 6.

Охтенского завода взрывчатых веществ (всего около 4 тыс. чел.) — чья заработная плата была гораздо выше.

Среди петербургских рабочих керамического производства («обработка минеральных веществ») также наблюдались значительные колебания в заработной плате на различных предприятиях. Средний годовой заработок рабочих стекольных фабрик (2512 чел.) был весьма высок: 384 руб. Напротив, основная масса рабочих этой отрасли производства, занятых на многочисленных в Петербурге и его пригородах кирпичных заводах (8523 чел.), получала в год в среднем 235.1 руб. На петербургских стекольных заводах трудились весьма квалифицированные рабочие, в то время как большинство кирпичников составляли рабочие-сезонники, крестьяне, приезжавшие в столицу на заработки. В этой связи понятно, что зарплата петербургских стекольщиков почти в два раза превосходила общероссийский уровень, а рабочие кирпичных заводов оплачивались в столице и на периферии с гораздо меньшей разницей: соответственно 235 руб. и 192 руб.[14]

Средний заработок рабочих-пищевиков в различного вида производствах сравнительно немного отклонялся от общего для данной отрасли уровня. Этот уровень несколько превышался в маслобойном и консервном производстве, где требовалась более высокая квалификация, чем в хлебопекарнях; рабочие этих последних составляли большинство в отрасли (2117 чел., т. е. 60%) и получали 263.4 руб. — почти точный средний заработок петербургского пищевика.[15]

Наконец, из подсчетов по данным В. С. Варзара явствует, что самый низкий уровень заработной платы был у текстильщиков, — это характерно и для Петербурга, и для Европейской России в целом. В столице основная масса текстильщиков, как уже говорилось выше, была занята на крупных хлопчатобумажных фабриках. Условия труда и заработная плата рабочих были на них приблизительно одинаковыми. Вот почему среди основных отраслей текстильной промышленности Петербурга не было сильных отклонений от общего среднего заработка. Наиболее низкую плату получали рабочие джутовых фабрик — 142.6 руб.[16] Но таких рабочих было сравнительно немного — 3400 чел., — и существенного влияния на величину среднего заработка текстильщиков Петербурга они не оказывали.

В начале XX в. на русских предприятиях еще имели распространение такие отсталые формы заработной платы, как выдача продуктов из фабричных лавок и даже содержание рабочих на «хозяйских харчах». Отчеты инспекции дают точные сведения о том, каково было соотношение между денежной и натуральной оплатой в различных районах России. Процентное соотношение различных форм заработной платы в Петербургской губернии и в Европейской России в целом представлены в табл. 4.[17]

Анализ данных табл. 4 убедительно показывает, что на высокоразвитых предприятиях столицы натуральная оплата применялась заметно в меньших масштабах, чем в целом по стране.

Таблица 4

Форма заработной платы в Петербургской губернии и Европейской России

Годы	Наличные деньги		Продукты из фабричных лавок		Продукты из других лавок		Содержание на хозяйских харчах	
	Петербургская губерния	Европейская Россия	Петербургская губерния	Европейская Россия	Петербургская губерния	Европейская Россия	Петербургская губерния	Европейская Россия
1900	100	91.5	—	6.0	—	1.6	—	0.0
1901	92.5	89.7	1.1	5.7	5.9	3.2	0.5	1.4
1902	93.3	89.5	1.3	6.0	5.0	3.0	0.4	1.5
1903	93.3	90.5	1.4	5.5	4.7	2.7	0.6	1.3
1904	93.2	89.5	1.5	5.7	5.0	2.8	0.3	2.0
1905	94.7	89.7	0.4	5.4	4.6	2.9	0.3	2.0

В 1901—1905 гг. оплата труда петербургского рабочего наличными деньгами постоянно была на 3—5% больше общероссийской (1900 г. в данном случае не показателен, так как сведения по Петербургской губернии неполные). Выдача продуктов из фабричных лавок в счет заработной платы была дополнительным способом эксплуатации рабочего капиталистом. Петербургские фабриканты относительно редко прибегали к такому откровенному методу, и в столице был более распространен замаскированный способ: выдача продуктов по купонам предпринимателя из лавки, ему непосредственно не принадлежащей. Напротив, в целом по России господствовала в тот период прямая выдача рабочим продуктов из магазина хозяина. Наконец, такая полукрепостническая форма оплаты, как содержание рабочего на «хозяйских харчах», в начале XX в. еще имела известное распространение в России, однако в Петербургской губернии она уже почти не встречалась. Можно предположить, что «харчева-

[14] Там же, группа IX, стр. 140, 148.
[15] Там же, группа XI, стр. 62.
[16] Там же, группа IV, стр. 92.

[17] Таблица составлена нами по данным отчетов фабричных инспекторов за соответствующие годы. Аналогичные подсчеты С. Бернштейн-Когана отмечены некоторыми неточностями (ук. соч., стр. 121).

ние» рабочих применялось в самом Петербурге лишь среди сезонных рабочих. По донесениям участковых фабричных инспекторов за 1900 г.,[18] такую форму оплаты получали рабочие-сезонники кирпичных заводов, расположенных в столичных пригородах. Все имеющиеся в нашем распоряжении источники ничего не говорят о «харчевании» на предприятиях, расположенных непосредственно в Петербурге. Таким образом, отношения между трудом и капиталом носили в столице России гораздо более «чистый» капиталистический характер, чем на периферии.

Каково же было соотношение между денежной и натуральной оплатой в различных отраслях производства? Соответствующие подсчеты на 1900 г. были сделаны С. Бернштейн-Коганом по данным о производствах, не обложенных акцизом. Доля натуральной оплаты была следующей (в % от общей суммы заработка): [19]

Группа производства	Петербургская губерния	Европейская Россия
Обработка хлопка	—	1.7
» шерсти	—	2.5
» шелка	9.0	7.2
» льна, пеньки, джута	—	1.6
» смешанных веществ	3.4	2.4
Полиграфические производства	0.8	1.6
Обработка дерева	0.6	1.8
» металлов	0.1	0.4
» минеральных веществ	7.7	4.9
» животных продуктов	2.0	5.6
» питательных веществ	3.7	11.6
Химические производства	0.6	1.6

Как видно, рабочие ведущих отраслей петербургской промышленности — металлисты, полиграфисты, химики, деревообделочники, рабочие хлопкоткацких фабрик — уже не знали натуральной оплаты (десятые доли процента можно не принимать во внимание). Рассмотрим теперь те группы производства, в которых натуральная оплата играла все же некоторую роль. Правда, материалы В. Е. Варзара не позволяют установить, какая именно форма натуральной оплаты выдавалась в том или ином случае, но этим можно пренебречь ввиду незначительности самих сумм. Высокая цифра в группе обработки шелка не имеет большого значения, так как в Петербургской губернии имелось всего четыре заведения такого рода с 230 рабочими. На двух из них (всего 52 рабочих) заработную плату отчасти выдавали натурой.[20] То же следует сказать и о другом виде текстильной промышленности — обработке смешанных волокнистых веществ. Анализ списка предприятий, где зарплата выдавалась натурой, показывает, что это были мелкие ленточные и другие подобные

[18] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 231, лл. 159—161.
[19] С. Бернштейн-Коган, ук. соч., стр. 120.
[20] См.: Статистические сведения..., группа III, стр. 75—76.

заведения с общим числом рабочих менее 100 чел. Таким образом, огромная армия петербургских текстильщиков фактически не насчитывала и полторы сотни рабочих, оплачиваемых натурой.

В группе по обработке минеральных веществ основная сумма натуральной оплаты приходится на кирпичные заводы. Между тем, по данным Министерства финансов на 1900 г., в Петербурге находилось четыре таких завода, а в губернии — 55.[21] То же самое наблюдалось и у пищевиков. Из предприятий мукомольной промышленности, где была распространена оплата продуктами, три находились в городе, а пять — в губернии, причем все это были мелкие заведения.[22] Итак, подавляющее большинство немногочисленных рабочих столицы, получавших натуральную оплату, были сосредоточены на мелких предприятиях, которые находились почти все не в самом Петербурге, а в пределах губернии.

Как видно, обе группы производства, где уровень натуральной оплаты в Петербурге был выше общероссийского, являются теми исключениями, которые подтверждают правило. Есть все основания сделать вывод, что в начале XX в. петербургские рабочие практически уже не встречались с выдачей заработка продуктами.

При детальном изучении заработной платы столичного пролетариата наиболее полное представление можно получить о рабочих металлообрабатывающей промышленности. Важнейшим источником являются материалы официальной комиссии, созданной по инициативе Морского министерства после упорной стачечной борьбы петербургских рабочих весной 1901 г. Материалы комиссии дают обширные, единовременные и однородные сведения по целому ряду казенных и частных заводов с числом рабочих около 50 тыс. чел., что составляло большинство всех петербургских металлистов и самую квалифицированную часть их. Данные эти опубликованы были в начале 20-х годов А. Л. Блеком и Ф. Семеновым-Булкиным в «Архиве истории труда в России».[23]

В начале XX в. на большинстве предприятий Петербурга уже господствовала сдельная или, как тогда говорили, задельная оплата труда. Эта форма заработной платы приходила на место поденной, которая еще господствовала в большинстве фабричных заведений России, в особенности мелких и средних. Однако

[21] См.: А. В. Погожев. Учет численности и состава рабочих в России. СПб., 1906, стр. 150.
[22] Там же, стр. 151.
[23] См.: А. Л. Блек. Условия труда рабочих на петербургских заводах по данным 1901 г. Архив ист. труда в России, 1921, № 2, стр. 65—67; Ф. Семенов-Булкин. Экономическое положение рабочих металлистов до 1905 г. Там же, 1923, № 9, стр. 92—93.

в Петербурге на крупнейших металлообрабатывающих заводах задельная оплата уже преобладала. Подсчеты Ф. Семенова-Булкина по 16 металлообрабатывающим заводам показывают, что в 1891 г. процент сдельщиков составлял среди рабочих 43.1%, а в 1901 г. — 68.5%.[24] В дальнейшем эта тенденция усилилась.[25] По тем же 16 предприятиям удельный вес рабочих-сдельщиков уменьшился только на Балтийском судостроительном заводе (с 56 до 38%). Это, по-видимому, объяснялось большим притоком рабочих на заводе в связи с расширением производства в начале русско-японской войны.[26] Все же остальные 16 предприятий (и семнадцатое — Петербургский арсенал) либо сохраняли стабильное число сдельщиков, либо увеличивали его, порой очень сильно. Так, например, на франко-русском заводе удельный вес сдельщиков возрос с 19 до 95%, а на Обуховском сталелитейном — с 47 до 61% всех рабочих. Мы лишены возможности подсчитать средний процент рабочих на задельной оплате по всем 17 заводам, но несомненно, что в 1904 г. доля сдельщиков среди металлистов увеличивалась.

Введение задельной оплаты означало усиление интенсификации труда рабочего, способствовало развитию потогонной системы. Одновременно с этим заводская администрация могла соответствующим образом «маневрировать» расценками, производя скрытое понижение заработной платы. Вместе с тем развитие сдельщины говорило об относительно высокой степени организации труда на столичных предприятиях. Анализ требовательных ведомостей на выдачу заработной платы по различным цехам Обуховского сталелитейного завода за 1910 г. показывает, что поденная плата применялась среди рабочих менее квалифицированных профессий: землекопов (216 чел.), каменщиков (116 чел.), маляров (27 чел.) и т. д. Напротив, среди ведущих профессий этого завода была распространена сдельная оплата труда.[27]

Материалы, опубликованные в «Архиве истории труда», позволяют на основе широких данных определить среднюю величину заработной платы различных категорий петербургских металлистов. Самую низкую оплату получали так называемые ученики, т. е. начинающие рабочие, не имевшие какой-либо специальности (далеко не всегда это были молодые люди). Колебания заработков учеников были не слишком велики. Самая низкая поденная плата отмечена в 1901 г. на Путиловском и Трубочном заводах — 25 коп. Самую высокую получали на Ижорском и Обуховском — соответственно 45 и 50 коп. Средняя заработная плата учеников на 16 предприятиях составляла, по подсчетам Ф. Семенова-Булкина, 35 коп.[28] Материальное положение этой категории петербургских рабочих было особенно тяжелым. А между тем ученики составляли не такую уж малую часть рабочего класса. Подсчеты А. Л. Блека показывают (для 11 заводов с 30 тыс. рабочих), что их удельный вес колебался на разных предприятиях от 4 до 10.7%.[29]

Значительную часть рабочего класса составляли так называемые чернорабочие. Они выполняли второстепенные работы, не требующие высокой квалификации, и оплачивались, как правило, поденно.[30] Заработная плата чернорабочих на металлообрабатывающих заводах Петербурга также была довольно однородной. Наибольшая сумма дневного заработка отмечена в материалах Ф. Семенова-Булкина на заводе Лангензипен — 1 руб. 05 коп. Однако эта цифра является сомнительной или случайной, так как она одиноко возвышается над заработками на всех других заводах. Сумма поденной платы чернорабочим, за несколькими исключениями, колебалась в 1901 г. от 70 до 80 коп. и составляла в среднем по 16 петербургским заводам 72 коп.[31]

Заработная плата квалифицированных рабочих — так называемых мастеровых — отличалась на петербургских заводах большой пестротой. Мы располагаем полным перечнем дневного заработка рабочих Балтийского завода в 1902 г. Величина получаемой оплаты основных (по численности) категорий мастеровых была следующей: [32]

Профессия	Число рабочих	Заработок (в коп.)
Слесари	666	138
Токари	187	137
Чеканщики	168	113
Сверловщики	276	108

[24] Ф. Семенов-Булкин, ук. соч., стр. 93.

[25] По вычислениям Ф. Семенова-Булкина, в 1904 г. средний процент сдельщиков по 17 предприятиям составлял 67.2%, т. е. несколько меньше, чем в 1901 г. (ук. соч., стр. 93). Это, однако, явная ошибка, так как конкретные данные по заводам на 1904 г. говорят о дальнейшем увеличении сдельщины в Петербурге.

[26] С самого начала войны (январь 1905 г.) с Балтийского завода было отправлено свыше тысячи квалифицированных судостроителей на Тихий океан для ремонта кораблей. На их место принимались менее опытные рабочие. См.: ЛГИА, ф. 1267, оп. 1, д. 994, лл. 6—14.

[27] Там же, оп. 9, дд. 740, 741, 742.

[28] Ф. Семенов-Булкин, ук. соч., стр. 92 (таблица).

[29] А. Л. Блек. Условия труда рабочих на петербургских заводах по данным 1901 г., стр. 66.

[30] Определить общую численность чернорабочих для всех рассматриваемых предприятий не представляется возможным; как правило, в этот период в Петербурге удельный вес их достигал 20—50% всех рабочих. Так, например, на Балтийском заводе чернорабочие составляли в 1902 г. 31.5% — 1391 чел. из 4586 (ЛГИА, ф. 1304, оп. 1, д. 1432, л. 33), а на заводе Вестингауз в 1904 г. — 32% (ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 382, л. 22).

[31] Ф. Семенов-Булкин, ук. соч., стр. 92 (таблица).

[32] ЛГИА, ф. 1304, оп. 1, д. 1432, л. 33—33 об.

В то же время довольно значительная группа рабочих-указателей (89 чел.) получала в день 2 руб. 30 коп., а большой отряд обрубщиков (161 чел.) — только 99 коп. Все эти рабочие также считались мастеровыми. Колебания в зарплате были здесь, как видно, очень сильны.

Для определения основных средних показателей заработной платы мастеровых металлообрабатывающей промышленности воспользуемся данными обследования 1901 г., которое проводилось на 11 петербургских предприятиях (материалы его были опубликованы А. Л. Блеком):[33]

Заводы	Средняя заработная плата мастеровых (в коп.)	Число получающих более 2 руб. (в %)	Общее число рабочих
Франко-русский	125	13.75	2000
Невский	107	1.60	4707
Крейтон и К°	160	8.00	700—800
Путиловский	185	1.12	11944
Александровский	161	—	1428
Лесснер	160	13.50	597
Железопрокатный	184	47.90	860
Проволочногвоздильный	145	11.40	1242
Вагоностроительный	106	1.70	2218
Металлический	129	4.11	1546
Балтийский	128	3.40	4557

Отметим прежде всего, что средняя заработная плата для Путиловского и Железопрокатного заводов, как отмечал Ф. Семенов-Булкин, несколько завышена. Это косвенно подтверждается тем фактом, что при столь высоких показателях средней платы мастеровых-путиловцев удельный вес зарабатывающих свыше 2 руб. составляет лишь немногим более 1%. Очень мало вероятными являются и данные о заработках рабочих Железопрокатного завода: почти половина всех мастеровых якобы получали в день более 2 руб. Исходя из этого, среднюю заработную плату квалифицированных металлистов, определяемую Ф. Семеновым-Булкиным в 1 руб. 23 коп., следует признать также несколько преувеличенной. Во всяком случае бесспорным является то, что мастеровые металлообрабатывающих заводов зарабатывали в среднем более 1 руб., а доля высокооплачиваемых рабочих (свыше 2 руб. поденной платы) была относительно невелика и обычно составляла несколько процентов от общего числа всех работающих на предприятии. И только на Франко-русском, Проволочном и заводе Лесснер число зарабатывающих более 2 руб. в день несколько превышало 10% (о данных по Железопрокатному заводу уже говорилось). Мы произвели подсчеты удельного веса высокооплачиваемых мастеровых среди всех 29.5 тыс. рабочих девяти заводов (кроме Александровского и Железопрокатного). Оказалось, что в среднем мастеровые с зарплатой свыше 2 руб. составляли 3.3%. Такая относительно небольшая цифра объясняется сравнительно малым удельным весом высокооплачиваемых рабочих на самых крупных заводах: Путиловском и Невском.

[33] См.: А. Л. Блек. Условия труда рабочих на петербургских заводах по данным 1901 г., стр. 66. — Средняя дневная плата по заводу Крейтон и К° подсчитана нами на основании данных о почасовом заработке. Число рабочих с оплатой свыше 2 руб. в день на Александровском заводе не указано.

Приведенные данные не дают возможности проследить на большом однородном материале различие заработков на металлообрабатывающих предприятиях в зависимости от пола и возраста. Для этой цели воспользуемся данными комиссии по улучшению быта рабочих военного ведомства. Подробнее о деятельности этой комиссии будет рассказано далее. Здесь мы приведем лишь данные о величине заработной платы в 1902 г. на военных предприятиях Петербурга. Всего на предприятиях такого рода было занято 13 тыс. рабочих, большинство которых трудились на металлообрабатывающих заводах. К военному ведомству относились также рабочие двух Охтенских пороховых заводов (2800 чел.).[34] Однако данные о заработной плате в источниках даются для всех рабочих в совокупности. Эти данные с известной оговоркой можно толковать как заработки металлистов: во-первых, они составляли свыше 70%, а во-вторых, оплата рабочих на военных химических заводах мало отличалась от оплаты на металлообрабатывающих предприятиях. Данные о заработках рабочих военной промышленности в Петербурге приведены в табл. 5.[35]

При анализе заработной платы рабочих казенных военных заводов необходимо учесть, что эта плата была относительно весьма высокой. Как видно из табл. 5, удельный вес высокооплачиваемых рабочих (с заработком в 50 руб., т. е. более 2 руб. в день) достигал здесь 12.3%. Это намного превосходит соответствующие средние показатели для всех петербургских металлистов. Женщины на военных заводах составляли только 6.5% всех работающих, однако число их было все же достаточно велико, чтобы сделать некоторые обобщения. Количество работниц с дневной платой в 1 руб. и более (т. е. 25 руб. и выше в месяц) не достигало и 9%. И наоборот, удельный вес женщин с нищенской зарплатой в 5—15 руб. даже на военных предприятиях равнялся почти пятой части всех работниц. Еще ниже были заработки подростков: дневная плата в 1 руб. среди них встречалась только

[34] Труды комиссии по изучению быта рабочих военного ведомства. Общий обзор современного положения вольнонаемных рабочих. СПб., 1905, стр. 14—15.

[35] Подсчитано нами по данным «Трудов комиссии» (см.: Приложение № 3. О заработной плате в различных городах империи, стр. 2—3).

Таблица 5

Зарплата рабочих военной промышленности

Зарплата (в руб. в месяц)	Мужчины		Женщины		Подростки	
	число	%	число	%	число	%
5—15	550	4.6	164	19.0	266	70.0
15—20	2059	17.2	557	64.7	60	15.0
20—25	2290	19.1	65	7.5	52	13.5
25—30	1809	15.1	57	6.5	4	1.0
30—40	1940	16.2	18	2.1	2	0.5
40—50	1850	15.5	1	0.1	—	—
Свыше 50	1458	12.3	1	0.1	—	—
Всего	11956	100	863	100	384	100

в исключительных случаях. Уделом большинства подростков была заработная плата 20—60 коп. в день (5—15 руб. в месяц).

Рабочие петербургской военной промышленности и рабочие той же отрасли в других районах России (их насчитывалось 27 172 чел.) распределялись по сумме месячной заработной платы следующим образом (в %):[36]

	Месячный заработок (в руб.)			
	5—20	20—40	40—50	свыше 50
В Петербурге	27.7	47.2	14.1	11.0
В целом по России . .	38.8	43.0	10.4	7.8

Любопытно, что удельный вес рабочих со средними размерами зарплаты в данной отрасли (20—40 руб. в месяц) приблизительно одинаков в столице и в стране. Разность бросается в глаза в крайних показателях: в Петербурге было гораздо меньше рабочих, получающих низшую оплату, и значительно больше с высшей оплатой. При этом надо все время иметь в виду, что речь идет о казенных заводах военного ведомства с наиболее высоким в России заработком.

В заключение следует сказать о порядке выдачи заработной платы на металлообрабатывающих заводах. По данным обследования 1900—1901 гг., почти повсюду зарплата выдавалась два раза в месяц, — как правило, по субботам. На заводе Крейтон и К° платили еженедельно.[37]

Широкую картину заработков текстильных рабочих дают статистические материалы, собранные в работе В. Леонтьева. В основе этого труда лежат данные анкетного обследования, которое проводилось среди текстильных и некоторых других рабочих Петербурга чиновниками фабричной инспекции в 1901—1902 гг. В результате этого анкетирования рабочих появилась обширная картотека, которой воспользовались В. Леонтьев и С. Бернштейн-Коган.[38] В. Леонтьев использовал анкеты 11 285 рабочих и 13 петербургских фабрик по обработке хлопка, охватив, таким образом, почти 45% занятых в этой отрасли промышленности. Результаты подсчетов, сделанные на основании такого широкого круга данных, представляются нам весьма убедительными и полными.

Подсчеты, выполненные по статистическим данным о производствах, не обложенных акцизом, показывают, что среднегодовой заработок петербургского рабочего хлопчатобумажной промышленности составлял в 1900 г. 235.8 руб.[39] Сведений о количестве рабочих дней в том же году на хлопкопрядильных предприятиях петербургской губернии не имеется, однако по данным на 1902 г. годовая продолжительность работы там составляла 296 дней.[40] Конечно, эта цифра может быть взята для подсчетов средней зарплаты в 1900 г. с известной осторожностью, ибо за два года, — а это были к тому же годы депрессии, — могли произойти некоторые изменения, однако они не могли быть существенными. Таким образом, средний дневной заработок рабочего по обработке хлопка был равен, по данным фабричной инспекции, 79.7 коп.

По сведениям В. Леонтьева, средний заработок в день для 4888 обследованных им мужчин-текстильщиков составлял 95.2 коп., а для 6397 женщин — 73.2 коп.[41] Среднего заработка для рабочих обоих полов В. Леонтьев не подсчитал, за него это выполнил С. Бернштейн-Коган (по тем же материалам), получилось 82.6 коп.[42] Отметим, что оба средних показателя, полученных совершенно разными путями, весьма близки между собой, что подтверждает достоверность данных В. Леонтьева. Эти данные представляют интересный материал для сопоставления на широком материале оплаты мужского и женского труда. Уже из средних цифр видно, что заработок мужчины на хлопкопрядильной фабрике был на 30% выше, чем у женщин. В различных отраслях хлопкопрядильной промышленности средний днев-

[36] Подсчитано нами по данным «Трудов комиссии» (см. там же, стр. 3).

[37] А. Л. Блек. Условия труда рабочих на петербургских заводах по данным 1901 г., стр. 67.

[38] С. Бернштейн-Коган, ук. соч., стр. 117.

[39] См.: Статистические сведения..., группа I, стр. 2—7.

[40] Сверхурочные работы в промышленных заведениях Петербургского фабричного округа за 1902 г. СПб., 1904, стр. 18.

[41] W. Leontiew. Die Lage der Baumwollarbeiter in St.-Petersburg. München (В. Леонтьев. Положение текстильных рабочих в Петербурге. Мюнхен), 1906, стр. 75.

[42] С. Бернштейн-Коган, ук. соч., стр. 116.

ной заработок мужчин и женщин выражался следующим образом (в коп.):[43]

Фабрики	Мужчины	Женщины
Прядильные	94.7	63.4
Прядильно-ткацкие . . .	96.9	86.8
Ткацкие	99.0	76.9
Ситценабивные	92.1	55.7

Значительная разница в оплате труда мужчин и женщин на одной и той же работе была характерна для всей текстильной промышленности. Возьмем вторую по количеству рабочих отрасль текстильного производства Петербурга — обработку льна, пеньки и джута (свыше 4 тыс. рабочих). В материалах по отчетам фабричной инспекции за 1901 г. приводится таблица заработной платы на пенькопрядильных фабриках: мужчины получали в среднем в день от 20 коп. до 1 руб. 10 коп., а женщины — 55—65 коп. Здесь, как видим, разница в оплате составляет 60%. Примеры по заработной плате на отдельных текстильных фабриках подтверждают правильность полученных средних данных. Так, например, на Василеостровской пенькопрядильной в 1901 г., по справке фабричного инспектора, средний заработок составлял: мужчины — 91.3 коп., женщины — 57.5 коп. Аналогичная картина наблюдалась в том же 1901 г. на Невской бумагопрядильной и некоторых других фабриках.[44] Итак, можно считать доказанным, что в текстильной промышленности Петербурга, где было занято очень большое число женщин, заработок работниц оставался в среднем на 30—60% ниже, чем у мужчин.

По величине дневной заработной платы рабочие и работницы обследованных В. Леонтьевым предприятий распределялись следующим образом:[45]

Зарплата (в коп.)	Число работниц (в %)	Зарплата (в коп.)	Число рабочих (в %)
25—55	25	40—75	34
55—75	32	80—100	37
75—95	32	100—150	19
Свыше 95	11	Свыше 150	10

Таким образом, число лиц с заработком до 75 коп. составляло у работниц много больше половины, а у рабочих — лишь одну треть. Но еще более характерно распределение между полами наивысших в текстильной промышленности заработков — свыше 1 руб. Такую заработную плату получали 29.1% обследованных мужчин и только 4% женщин.[46]

[43] W. Leontiew, ук. соч., стр. 75.
[44] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 303, л. 8—8 об.; д. 203, л. 9; д. 227, л. 133.
[45] W. Leontiew, ук. соч., стр. 75.
[46] Там же.

Чрезвычайно большой интерес представляют данные В. Леонтьева о влиянии образования рабочего на уровень его зарплаты по материалам текстильной промышленности. Данные о дневном заработке рабочих и работниц в связи с грамотностью выглядят следующие образом (в коп.):[47]

Фабрики	Мужчины		Женщины	
	неграмотные	грамотные	неграмотные	грамотные
Прядильные	94.7	94.7	61.3	67.7
Прядильно-ткацкие	94.9	97.6	82.6	82.2
Ткацкие	92.2	102.0	76.8	77.0
Ситценабивные	79.4	100.0	57.1	47.0

Отметим прежде всего, что единственный случай превосходства заработка неграмотных работниц над грамотными на ситценабивных фабриках объясняется случайными обстоятельствами (в примечаниях В. Леонтьева к таблице указано, что здесь число обследованных было очень невелико). В целом же несомненны более высокие заработки у грамотных рабочих. Особенно рельефно это заметно у мужчин. На ткацких и тем более на ситценабивных фабриках заработная плата грамотных рабочих значительно превышает средний уровень. Очевидно, именно эти рабочие составляли наиболее квалифицированную часть столичных текстильщиков. Напротив, подобная тенденция едва заметна у женщин. Причина здесь заключается в том, что на долю работниц доставалась преимущественно невысокая по квалификации работа, которая не требовала хоть какого-либо образования.

Анкетное обследование петербургских рабочих, данными которого пользовался В. Леонтьев, касалось не только текстильных предприятий, но и некоторых других производств. Эти материалы по фабрике Российско-Американской резиновой мануфактуры были обработаны и опубликованы С. Бернштейн-Коганом. На основании этих материалов можно определить заработки 5749 резинщиков, крупнейшего отряда рабочих химической промышленности Петербурга, в зависимости от пола, возраста и грамотности (в коп. в день):[48]

Возраст	Мужчины		Женщины	
	неграмотные	грамотные	неграмотные	грамотные
До 21 года	78.4	71.2	75.0	72.2
21—30 лет	122.7	95.4	87.1	79.7
31—40 »	152.5	114.3	90.4	89.6
41—50 »	154.2	128.5	88.2	83.2
Свыше 51 года . . .	136.6	123.5	90.7	80.0

[47] Там же, стр. 70.
[48] Подсчитано нами по материалам С. Бернштейн-Когана, причем данные по двум фабрикам Российско-Американской мануфактуры объединены с соответствующими пересчетами. Сведения о заработке девяти рабочих неизвестного возраста нами опущены в общих данных. (См.: С. Бернштейн-Коган, ук. соч., стр. 181).

Приведенные данные дают типичную картину распределения заработков среди петербургских рабочих. Заработная плата женщин всегда ниже, чем мужчин. Отметим, однако, что у молодых рабочих и работниц разница в оплате не является столь резкой, как для зрелого и старшего поколения. Так же, как и повсюду, грамотные рабочие выполняли более квалифицированную работу и больше зарабатывали. Кстати, среди мужчин грамотных было 78.1%, а среди женщин — 39.0%. Разница в оплате между грамотными и неграмотными у женщин гораздо меньше, чем у мужчин; такая же картина наблюдалась и у текстильных рабочих. Очевидно, это являлось закономерностью для того времени. Средний заработок петербургских резинщиков, как можно подсчитать по данным В. Е. Варзара за 1900 г., равнялся 1 руб. 3 коп. в день. Таким образом, работницы резиновой мануфактуры всех возрастов, грамотные и неграмотные, составляя больше половины всех работающих, получали меньше этого среднего уровня.

Ценные обобщающие материалы для изучения заработной платы рабочих пищевой промышленности дают сводные таблицы «Книги жалования» известной кондитерской фабрики Жоржа Бормана и К°. По сведениям фабричной инспекции, на фабрике трудилось 362 чел., большую половину которых составляли мужчины (точных данных о половом составе рабочих у нас нет). По «Книге жалования» подсчитан среднемесячный заработок 55 рабочих в 1901 г. — он оказался равен 20 руб. 08 коп.[49] Эта цифра несколько меньше месячной зарплаты, определяемой по данным В. Е. Варзара для всех рабочих хлебопекарного и кондитерского производства, — 21 руб. 17 коп.,[50] — но все же различие между этими двумя показателями оказывается несущественным.

Нами были по той же «Книге жалования» исследованы заработки 33 мужчин. Получали в месяц 25 руб. и более только семеро, от 20 до 25 руб. — 17 чел. и менее 20 руб. — 9 чел. (самая низкая зарплата — 13 руб.). Средний месячный заработок рабочего-мужчины составлял 21 руб. 82 коп., т. е. меньше, чем у металлистов, текстильщиков и химиков. Анализ оплаты 22 женщин фабрики показывает, что средний заработок их был еще ниже — 17 руб. 27 коп. Только пять работниц получали 20 руб. и более, причем максимальная ставка составляла 23 руб. Три работницы зарабатывали 10.5 руб. в месяц, а две — даже 9.5 руб. В целом оплата женского труда на фабрике Жоржа Бормана оставалась в обычных для петербургской промышленности пределах. Выдача заработной платы производилась для сдельщиков (в их число входили почти все женщины) еженедельно, для получающих повременную оплату — раз в две недели.

[49] ЛГИА, ф. 1443, оп. 1, д. 3.

[50] Статистические сведения..., группа XI, стр. 62.

Как уже говорилось, в Петербурге трудился многочисленный отряд рабочих табачной промышленности, причем почти все они были заняты на крупных предприятиях с приблизительно одинаковыми условиями труда. В архивном фонде табачной фабрики А. Н. Шапошникова сохранились расчетные книжки рабочих. Нами проанализированы заработки 21 из них за 1900—1902 гг. (всего на предприятии было занято в ту пору около 930 чел.).[51] Из 12 мужчин четверо зарабатывали менее 20 руб. в месяц (минимальная ставка — 13 руб.). Шесть рабочих получали в пределах от 20 до 25 руб., и лишь двое зарабатывали 27—28 руб. ежемесячно, т. е. более рубля в день. Заработки женщин были очень низкими. Из девяти человек двое получали в месяц по 10 руб. Максимальная зарплата работницы — 17.5 руб. в месяц. Почти все исследованные рабочие находились на задельной оплате. Конечно, число рабочих, зарплата которых подверглась изучению, слишком невелико для широких обобщений, но полученные данные все же довольно убедительно говорят об относительно невысокой оплате восьми тысяч петербургских табачников. Это подтверждается данными фабричной инспекции о заработках рабочих табачной фабрики Шапшал в 1900 г.: женщины получали 30—80 коп. в день (т. е. от 7.5 до 20 руб. в месяц), а заработок мужчин, работавших сдельно, колебался от 1 руб. до 1 руб. 50 коп. (в среднем 25—30 руб. в месяц).[52]

Сохранилось чрезвычайно мало сведений о заработной плате рабочих тех предприятий, которые не подчинялись фабричной инспекции. Вот почему столь большую ценность представляют материалы, собранные городской управой в 1903 г., о заработках строительных рабочих, которые составляли многотысячный отряд петербургского пролетариата. Заработки строительных рабочих оказались весьма значительными и превосходили уровень оплаты некоторых фабрично-заводских профессий в начале XX в.[53] Высокие заработки основных строительных профессий отчасти объяснимы тяжелыми условиями труда при отсутствии всякой механизации (неудивительно, что на строительстве совсем не работали женщины). Источник определяет заработную плату десяти профессиональных групп строителей (в коп. в день):[54]

[51] ЛГИА, ф. 1235, оп. 6, дд. 93, 365, 938, 1094, 2583, 2954, 6898, 7247 и др.

[52] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 144, лл. 3—4.

[53] Следует отметить, что зарплата петербургских строителей была довольна высока и в предшествующее десятилетие. Так, например, столяры получали в 1893—1897 гг. 135.5 коп. в день, маляры — 130.4 коп., и т. д. (См.: С. Г. Струмилин. Очерки экономической истории России. М., 1960, стр. 113).

[54] Статистический ежегодник Петербурга за 1903 г. СПб., 1906, стр. 140—142.

Профессия	Зарплата		
	Средне-годовая	Высшая	Низшая
Обойщики	193	225	162
Кузнецы	187	200	175
Столяры	180	195	165
Слесари	174	187	162
Штукатуры	166	197	135
Маляры	163	200	127
Кровельщики	162	187	137
Печники	146	175	117
Плотники	138	150	127
Каменщики	133	150	117

Отметим незначительную разницу между высшим и низшим уровнем зарплаты в каждой профессии — среди фабрично-заводских пролетариев наблюдалась иная картина. Дело в том, что строители часто нанимались работать артелью и жалование выписывалось им всем поровну. В какой мере эта уравниловка соблюдалась на практике, при дележе денег в артели, — трудно сказать. Кроме названных профессий, на стройках было занято большое количество подсобных рабочих. Тот же источник определяет среднюю дневную плату «чернорабочих и поденщиков» в 90 коп., т. е. значительно ниже заработков квалифицированных строителей. Количество чернорабочих составляло в то время 14.8 тыс. чел., — следовательно, средний уровень заработной платы на строительстве должен быть значительно ниже ставок высокооплачиваемых рабочих.

В «Статистическом ежегоднике Петербурга» приводятся также данные о заработной плате строителей в Москве. Оказывается, что столичный кузнец получал на 41 коп. в день больше, чем московский, штукатур — на 36 коп., маляр — на 31 коп., кровельщик — на 36 коп., и т. д.; чернорабочий-строитель в Москве также зарабатывал в среднем только 86 коп. в день. Составители «Ежегодника» комментируют, что такая разница в оплате «объясняется, главным образом, дороговизною петербургской жизни».[55]

Выше была рассмотрена номинальная заработная плата петербургских рабочих в начале XX в. Встает вопрос, в какой мере эта зарплата обеспечивала прожиточный минимум столичного пролетария, каков вообще был этот прожиточный минимум и в какой мере материальное положение рабочего Петербурга отличалось от положения его собратьев по классу в других районах страны?

Чрезвычайно ценный и почти единственный материал в этом смысле содержат данные комиссии по улучшению быта рабочих военного ведомства. Комиссия эта была «высочайше» утверждена по докладам военного министра и приступила к работе в конце

[55] Там же, стр. 143.

1902 г. В начале 1905 г. деятельность комиссии завершилась.[56] Результаты ее работы были частично опубликованы в известной книге Н. М. Лисовского.[57] Однако гораздо более полный материал дают «Труды комиссии», которые представляют собой сборник рабочих материалов, отложившихся в процессе ее деятельности: это различные обследования, справки, проекты и т. д. Многие данные комиссии о бюджетном обследовании петербургских рабочих в книге Н. М. Лисовского не отражены, между тем они имеют исключительное значение для изучаемого периода, так как работы па аналогичную тему С. Н. Прокоповича и М. Давидовича построены на материалах более позднего времени, когда революция 1905 г. многое изменила в жизни русского пролетария.

Составляя бюджет рабочего, комиссия военного ведомства предполагала, что «минимальные расходы взрослого рабочего складываются из нижеследующих: 1) продовольствие с расходом на варку пищи; 2) обзаведение одеждой; 3) квартира с отоплением; 4) мелочные расходы, в том числе: освещение, баня, стирка белья, починка белья и платья, почтовые и церковные расходы, общественные и государственные сборы и т. п.; 5) случайные расходы, как-то: лекарство, расходы, вызванные принадлежностью рабочего к своему обществу, состоянию и истекающие из родственных связей».[58] Заметим, что в статьи расхода этого «образцового» бюджета не включены культурные потребности рабочих. Между тем для весьма широкого слоя развитых петербургских пролетариев эти расходы составляли в начале XX в. уже заметную часть: покупка газет, книг, траты на личное образование и образование детей, развлечения. Кроме того, бюджет предполагал отсутствие перерывов в работе, связанных, например, с безработицей, длительной болезнью и т. д.

Комиссия составила бюджет как для одинокого, так и для семейного рабочего. Рассмотрим первый из них. Норма питания для взрослого рабочего-мужчины (старше 15 лет) приравнивалась к солдатскому пайку. Исходя из этого, норма питания взрослой женщины — 0.8 нормы взрослого мужчины, для нетрудоспособных мужчин (старше 65 лет) — 0.7, нетрудоспособных женщин (старше 60 лет) — 0.6, для детей — 0.35.[59] Дневная норма питания для взрослого мужчины предполагала потребление следующих продуктов (стоимость их указывалась по ценам Петербурга в 1903 г., в коп.):

[56] См.: Труды комиссии..., Справка о высочайше утвержденной комиссии по улучшению быта рабочих военного ведомства, стр. 1.

[57] Н. М. Лисовский. Рабочие в военном ведомстве. СПб., 1906.

[58] См.: Труды комиссии..., Приложение № 2. Определение размера платы в месяц..., стр. 4.

[59] Там же, Приложение № 6. О заработной плате, стр. 1.

Хлеб	$2^1/_2$ фунта	— 6.25
Крупа	48 золотников	— 2.50
Мясо	1 фунт	— 12
Масло и сало	5 золотников	— 0.94
Сахар	6 »	— 1.0
Чай	$1^1/_2$ золотника	— 1.88
Прочие продукты	—	— 1.06
Топливо	—	— 1.02
Всего		26.65

Таким образом, среднемесячная сумма расходов на питание по приведенной норме составляла для взрослого рабочего 8 руб. Комиссия, однако, считала необходимым увеличить эту сумму на 25%. Следовательно, статья расходов на питание по бюджету военного ведомства равнялась 10 руб. в месяц.

Для сравнения приведем данные о потреблении основных продуктов питания в среднем на душу населения в Петербурге. Подсчеты, выполненные по материалам Е. О. Годыцкого-Цвирко,[60] показывают, что в 1901 г. один петербуржец потреблял в среднем за день хлеба 1.4 ф., мяса и рыбы 0.7 ф., сахару 20 золотников, тратил на топливо 2.9 коп. Эти средние цифры составлялись с учетом детей и стариков, поэтому потребление взрослого мужчины должно быть гораздо большим. В этой связи особенно характерно, что взрослый рабочий потреблял сахару и дров меньше, чем даже приходилось в среднем на одного столичного жителя. Питаясь согласно «образцовому» бюджету, петербургский рабочий должен был тратить в день 26—27 коп., в то время как в Москве это же количество продуктов стоило 24 коп., в Туле — 22, в Киеве — 19, и т. д. Дороговизна столичной жизни во многом сводила на нет относительно более высокие заработки петербургских рабочих.

Затраты рабочих на квартиру, одежду, случайные и мелочные расходы были определены комиссией путем опроса рабочих. В результате был составлен для Петербурга следующий месячный бюджет прожиточного минимума одинокого рабочего (в руб.):[61]

	Пища	Квартира	Одежда	Мелочные расходы	Случайные расходы
Мужчина . .	10	4	3	2.50	1.50
Женщина . .	8	4	2	2	1

Итак, одинокий рабочий должен был тратить на свое содержание 21 руб., а работница — 17 руб. в месяц. Рассмотрим статьи

[60] См.: Е. О. Годыцкий-Цвирко. Потребление главнейших продуктов петербургским населением. Журнал Русск. об. охраны нар. здравия, 1904, № 2—3, стр. 126, 129.

[61] См.: Труды комиссии..., Приложение № 6. О заработной плате, стр. 2.

этого бюджета. Расходы на питание в общем следует признать удовлетворительными, так как они предусматривают (для взрослого мужчины) ежедневное потребление 1 кг хлеба и 400 г мяса. Расходы на жилище (как будет подробно показано в главе «Жилищные условия») предполагают, в соответствии с тогдашней квартирной платой в столице, пользование только частью комнаты. Совершенно неудовлетворительны траты на одежду. По словам Н. М. Лисовского, «расчет стоимости одежды сделан применительно к обмундированию низшего чина»,[62] т. е. предполагает минимум наличного платья. Особенно заниженной кажется эта статья бюджета для женщин.

«Мелочные расходы» предполагают самые различные траты (недаром перечень их в документе комиссии кончается многозначительным «и т. д.») и, в частности, включают «общественные и государственные сборы». В начале XX в. всевозможные сборы с рабочих были чрезвычайно распространенным явлением. Фабричный инспектор С. Гвоздев писал об этом: «Все, кто имел разрешение на производство сборов, — а может быть, и тот, кто не имел никаких разрешений, — смело обращались на фабрику в полной уверенности, что здесь они соберут богатую жатву. На построение храма, на поднятие колокола, на бедный монастырь, не говоря уже о сборах, производимых непосредственно через полицию, — на все это собирали с фабричных, и такие сборы бывали несколько раз в месяц».[63] Кроме этих, по существу, принудительных сборов, осуществлявшихся через заводского табельщика, сознательный петербургский рабочий оказывал материальную поддержку революционным пролетарским организациям, бастующим товарищам и т. д. Последняя статья бюджета — «случайные расходы» — включала в себя, в частности, все затраты, вызванные болезнью. Уже одно это обстоятельство позволяет сделать вывод, что сумма, отведенная комиссией для данной статьи расхода, оказывается явно недостаточной. Действительно, величина «случайных расходов» для мужчин равна среднему дневному заработку петербургского металлиста, а для женщин — немногим более среднего дневного заработка текстильщицы.

Таким образом, «минимальный рабочий бюджет», определенный военным ведомством, оказывается минимальным в самом точном значении этого слова (за исключением питания).

Бюджет, составленный комиссией военного ведомства для одинокого рабочего, служил основой для определения бюджета рабочей семьи. Средний состав семьи комиссия определяла по данным Л. Бессера и К. Баллода о возрастном составе православного населения России на 1 января 1891 г. Исходя из средних данных

[62] Н. М. Лисовский, ук. соч., стр. 96.

[63] С. Гвоздев, ук. соч., стр. 101.

этого исследования, комиссия определила следующий состав рабочей семьи:[64]

Возраст	Мужчины	Женщины	Дети	Всего
До 1 года . . .	—	—	0.157	0.157
1—15 лет . . .	—	—	1.359	1.359
15—17 » . . .	0.077	0.078	—	0.155
17—55 » . . .	—	0.952	—	0.952
17—60 » . . .	1.000	—	—	1.000
55—60 » . . .	—	0.060	—	0.060
60—65 » . . .	0.043	—	—	0.043
Свыше 60 лет . .	—	0.107	—	0.107
Свыше 65 » . .	0.064	—	—	0.064
				3.897

Итак, состав абстрактной рабочей семьи определялся в четыре человека, включая одного взрослого мужчину. Комиссия рассчитывала этот семейный бюджет, исходя из следующего принципа: «в семье подростки, трудоспособные женщины в трудоспособном периоде, трудоспособные старики и старухи своим заработком покрывают все свои личные расходы. На главу семьи, кроме его личных расходов, падает: оплата общей семейной квартиры и содержание нетрудоспособных членов семьи, но при этом у членов семьи трудоспособных будут свои личные мелочные и случайные расходы».[65] Таким образом, «образцовый» бюджет рабочей семьи предполагал, что все трудоспособные будут так или иначе вносить свою долю в общий семейный расход. В этом случае, согласно подсчетам комиссии для Петербурга, заработок главы семьи — мужчины — должен быть 33 руб. 56 коп. в месяц, а в случае, когда главой семьи оказывалась женщина, — 29 руб. 87 коп. Комиссия считала возможным округлить эти заработки соответственно в 32 руб. для мужчины и 30 руб. для женщины. Комиссия определила, далее, бюджет семьи при «неполном» заработке ее членов, когда они ничего не вносят главе семьи на общие расходы. В этом случае заработок мужчины — главы семьи — должен был составлять 37 руб. 34 коп., а женщины — 30 руб. 65 коп. (в округлении соответственно 38 руб. и 30.5 руб.).

Встает вопрос, каков же должен быть месячный заработок главы семьи из четырех человек при условии, что он (или она) является единственным кормильцем? Данные комиссии определяют в этом случае зарплату мужчины в 51 руб. и женщины в 34 руб.,[66] опять-таки в условиях Петербурга.

[64] Труды комиссии. . ., Журнал комиссии № 12, стр. 5; см. также: Н. М. Лисовский, ук. соч., стр. 98.

[65] См.: Труды комиссии. . ., Приложение № 2, определение размера платы в месяц. . ., стр. 7.

[66] См.: Труды комиссии. . ., Журнал комиссии № 12, стр. 6. — Бюджеты рабочих военного ведомства приведены в сборнике документов «Петербургские большевики в период подъема первой русской революции. 1905—1907» (Л., 1955, стр. 105). Там ошибочно указано, что бюджет в 38 руб. для мужчины и 30 руб. для женщины предполагал отсутствие работоспособных членов семьи. Однако этот бюджет подсчитан комиссией как раз для семьи, где ее трудоспособные члены работают.

В документах комиссии сохранился акт обследования бюджетов семи рабочих Петербургского трубочного завода Артиллерийского ведомства. Это было одно из крупнейших предприятий столицы, с числом рабочих 5033 чел., среди которых не было женщин.[67] Конечно, число обследованных настолько невелико, что невозможно сделать широкие обобщения о подлинном бюджете петербургских металлистов, однако мы приводим их как интересную и единственную в своем роде конкретную иллюстрацию к данной теме (см. табл. 6).

Рассматривая общую расходную сумму всех семи бюджетов, можно отметить, что они приблизительно совпадают с суммой расходов, которая определялась подсчетами комиссии. Бюджет одинокого рабочего-мужчины превышает 22 руб., т. е. немногим более расчетной нормы комиссии (21 руб.). Расходы всех пяти семейных рабочих с детьми превышают 34 руб. и увеличиваются в зависимости от количества детей. Никто из рабочих, имевших по двое и более детей (бюджеты № 4—7), не тратил в месяц 51 руб. — сумму, которую военное ведомство определяло минимальной для содержания семьи при одном работающем. Это говорит об их весьма тяжелом материальном положении. Основная часть затрат во всех семи бюджетах приходилась на продукты питания: от 47 до 55%. Чем больше было в семье иждивенцев, тем более возрастала доля расходов на питание. Это происходило за счет сокращения всех других необходимых трат, и прежде всего — на квартиру. Анализ квартирной платы показывает, что все обследованные рабочие вынуждены были снимать не более одной комнаты (см. главу «Жилищные условия»). Совершенно мизерными были расходы на одежду. Даже после революции 1905 г., когда петербургские рабочие добились некоторых улучшений своего положения, около 40% металлистов — членов профсоюза — были вынуждены «довольствоваться одеждой с чужого плеча, покупая все поношенным».[68] Об этом же говорят и данные обследования петербургских текстильщиков М. Давидовичем в 1908 г.[69] В начале XX в. качество одежды рабочих было во всяком случае не лучше.

Большой интерес представляет анализ так называемых «случайных расходов». Исходя из принципов составителей «образцо-

[67] См.: Труды комиссии. . ., Общий обзор. . ., стр. 14.

[68] Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу, стр. 115.

[69] М. Давидович. Текстильный рабочий в его бюджетах. СПб., 1912, стр. 26—32.

вого» бюджета, в эту рубрику должны входить также повинности и отсылка денег на родину (т. е. расходы, «истекающие из родственных связей»). Все траты такого рода составляли в рабочих бюджетах от 19.1 (№ 1) до 9.5% (№ 5), а в остальных случаях много превышали 10%. Между тем по бюджетным расчетам комиссии военного ведомства «случайные расходы» должны были

Таблица 6

Месячный расход семи рабочих Трубочного завода в 1902 г.

№№ п/п	Состав семьи				Расходы (в руб.)							
	мужчины 17—60 лет	женщины 17—60 лет	дети до 15 лет	всего	продовольствие	квартира с отоплением	одежда	мелочные расходы	случайные расходы	повинности	отсылка на родину	всего
1	1			1	10.43	2.95	3	1.53	1.05	0.17	3	22.13
2	1	1		2	15.19	5.10	5	2.08	1.60	0.20	3	32.47
3	1	1	1	3	16.—	5.10	5.50	2.31	3.62	0.20	2	34.73
4	1	1	2	4	18.72	5.10	6	2.51	4.40	0.20	1	37.93
5	1	1	3	5	20.35	5.10	6	2.83	3.23	0.20	—	37.71
6	1	1	4	6	21.63	3.65	6.50	3.11	4.05	0.20	—	39.14
7	1	1	5	7	22.92	3.65	7	3.38	4.87	0.20	—	42.02

Примечание. Труды комиссии..., Журнал комиссии № 12, Приложение № 1, стр. 10—11.

равняться 7.1% для мужчин и 6% для женщин. Вспомним, что в число «случайных расходов» входили также траты, связанные с болезнью. Как видно, петербургские рабочие болели гораздо чаще, чем это предусматривалось составителями «образцового» бюджета.

Уже говорилось об ограниченности и скудности бюджета, составленного для рабочих чиновниками военного ведомства. С известной оговоркой этот бюджет может быть принят как минимальный прожиточный минимум при определении материального положения рабочих. Встает вопрос, в какой мере заработок петербургского пролетария соответствовал выработанному для него бюджету? Сравнение нескольких реальных бюджетов рабочих Трубочного завода с этим «образцовым» бюджетом служит примером того, что реальность далеко не всегда совпадала с образцом. Однако на основе данных о семи рабочих семьях нельзя, конечно, делать широкие выводы. Вот почему интересно сравнить бюджетные нормы комиссии с существовавшей на практике заработной платой петербургских рабочих.

Итак, комиссией военного ведомства было составлено четыре бюджета для петербургских рабочих (в руб.):

	Мужчины		Женщины	
	месячный бюджет	заработок в год	месячный бюджет	заработок в год
Одинокий рабочий . . .	21	252	17	204
Семейный при полном заработке членов семьи . .	32	384	30	360
Семейный при неполном заработке членов семьи	38	456	30.5	366
Семейный при отсутствии заработка членов семьи	51	612	34	408

Сравним годовой заработок, соответствующий различным типам бюджетов, с реальным среднегодовым заработком рабочих различных отраслей петербургской промышленности (см. стр. 61). Мало что может дать такое сравнение с годовым бюджетом одинокого рабочего. Это были, как правило, молодые, а следовательно — и менее квалифицированные пролетарии, их заработная плата была ниже средней в отрасли. Определить, какая часть из них зарабатывала сумму, равную бюджетной, на основании средних цифр не представляется возможным.[70]

По данным В. Е. Варзара, только средний заработок металлистов превышал сумму минимального семейного бюджета. Но это, конечно, слишком общее сопоставление, ибо средняя заработная плата в каждой отрасли отличалась большой дифференциацией. Сравним бюджет семейных рабочих с годовым заработком в различных производствах каждой отрасли промышленности по данным В. Е. Варзара. Оказывается, что среднюю зарплату, равную минимальному семейному бюджету — 384 руб. и более в год, — получали полиграфисты, сталелитейщики, паровозостроители и машиностроители, а также некоторые мелкие группы рабочих квалифицированных профессий — всего 37 834 чел., т. е. 28.7% общего числа рабочих по производствам, не обложенным акцизом для Петербургской губернии.[71] При всей условности такого рода подсчетов можно все-таки сделать вывод, что большинство петербургских рабочих не зарабатывало суммы, достаточной для удовлетворительного прожиточного минимума семьи.

Этот вывод находит убедительное подтверждение при анализе заработков 11 тыс. текстильщиков, данные о которых приведены в исследовании В. Леонтьева. Только 23.6% рабочих и 4% работниц могли обеспечить минимальный бюджет семьи (для обоих полов эта цифра равняется 12.4%). Все приведенные факты убеждают, что «минимальный рабочий бюджет», составленный комиссией военного ведомства, был уделом лишь высокооплачиваемых слоев рабочего класса. Значительное большинство петербургских

[70] На предприятиях по производству хлопка, например, заработок рабочих 17—20 лет составлял в среднем 12—12.5 руб., т. е. много ниже «одиночного» бюджета. См.: W. Leontiew, ук. соч., стр. 71.

[71] Подсчитано нами по данным «Статистических сведений».

пролетариев было вынуждено отказывать себе в удовлетворительной квартире, одежде и даже пище, чтобы свести концы с концами своих подлинных, а не «образцовых» бюджетов.

Выше говорилось о превосходстве номинального заработка столичных рабочих по сравнению со средними заработками русских рабочих в целом. Данные комиссии военного ведомства позволяют сделать вывод, что большая сумма номинальной зарплаты рабочих Петербурга в значительной мере поглощалась дороговизной жизни в столице. Это отчетливо видно при сравнении бюджетов рабочих различных городов России (в руб. по местным ценам):[72]

Город	Одинокий	Семейный при полном заработке членов семьи	Семейный при неполном заработке членов семьи
Петербург	21	32	38
Москва	20	30.5	36
Вильно	19.5	29.5	35.5
Киев и Тула	18	27.5	32.5
Брянск и Казань . . .	17.5	26.5	31.5
Луганск	17	26	31

Таким образом, для одних и тех же статей расхода прожиточный уровень в Петербурге оказывался выше, чем в Луганске, на 23%, Брянске и Казани — на 20%, Киеве и Туле — на 16%, Вильно — на 7% и Москве — на 5% (в округленных цифрах). В то же время средняя заработная плата петербургских рабочих в различных отраслях промышленности превосходила общероссийский уровень на 9% как минимум и 54% как максимум. Таким образом, реальная заработная плата рабочих столицы была все же несколько выше, чем в других промышленных районах. Это объясняется высокой квалификацией петербургского пролетариата и его упорной борьбой за свои интересы.

За все пятилетие начала XX в. 1900—1904 гг., предшествовавшее первой русской революции, заработная плата петербургских рабочих не претерпела существенных изменений, однако некоторое движение все же возможно установить. По данным Ф. Семенова-Булкина, заработная плата рабочих крупнейших металлообрабатывающих заводов эволюционировала следующим образом (в коп. в день):[73]

	1901 г.	1904 г	Увеличение (в %)
Мастеровые . .	123	130	6
Чернорабочие . .	72	77	6
Ученики	35	41	17

[72] Н. М. Лисовский, ук. соч., стр. 103.
[73] См.: Ф. Семенов-Булкин, ук. соч., стр. 103.

Уже говорилось, что некоторые данные, которыми пользовался Ф. Семенов-Булкин, являются преувеличенными. В целом рост номинальной заработной платы в 1904 г. в металлообрабатывающей промышленности в принципе не вызывает сомнений в связи с военными заказами (отсюда увеличение сверхурочных и т. д.). Однако за то же время в Петербурге происходило дальнейшее повышение розничных цен на предметы потребления. По данным С. Г. Струмилина, индекс цен в Петербурге изменялся в изучаемый период следующим образом (1913 г. принят за 100):[74]

Годы	Индекс
1900	77.8
1901	79.1
1902	80.3
1903	80.8
1904	80.0
1905	80.9

В целом цены в Петербурге непрерывно повышались, поэтому даже увеличение номинальной заработной платы рабочих, вызванное теми или другими причинами, фактически сводилось на нет.

[74] С. Г. Струмилин, ук. соч., стр. 106.

ГЛАВА IV

РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Продолжительность рабочего дня на петербургских фабриках и заводах является одним из важнейших показателей как экономического, так и социального положения рабочих столицы России. Установить величину рабочего времени в различных отраслях промышленности в начале XX в. тем более важно, что требование сокращения рабочего дня было одним из важнейших лозунгов стачечной борьбы рабочих в революции 1905 г.

В изучаемый период времени в Петербурге продолжительность рабочего дня не подвергалась существенным изменениям и в разных отраслях производства различалась незначительно. Тем не менее изучение данного вопроса представляется делом довольно сложным ввиду специфического характера сохранившихся источников. В нашем распоряжении имеются официальные данные Министерства финансов о рабочем времени в различных группах производства в Петербурге.[1] Данные эти позволяют выяснить некоторые существенные закономерности, однако они отличаются известной приблизительностью, так как в обобщенных сведениях стираются важные грани между односменной и двухсменной работой, между сокращенным субботним временем и полным рабочим днем и т. д.

В этой связи особую важность приобретают материалы самих предприятий. Весьма ценным источником для данной проблемы является такой вид документов, как расчетные книжки рабочих, в которых были записаны принятые на каждом предприятии «Правила внутреннего распорядка». Там мы находим самые точные и подробные сведения о распорядке рабочего дня всех категорий рабочих со всеми специфическими особенностями в каждом отдельном случае. Однако расчетные книжки сохранились для ограниченного числа петербургских фабрик и заводов.[2] Среди

[1] См.: Материалы по вопросу о продолжительности рабочего времени на фабриках и заводах, обрабатывающих волокнистые вещества. СПб., 1903; Сверхурочные работы в промышленных заведениях Петербургского фабричного округа за 1902 г. СПб., 1904.

[2] В фондах ЛГИА нами обнаружены расчетные книжки 12 петербургских предприятий с правилами внутреннего распорядка, относящимися

других архивных и печатных материалов точные данные о рабочем дне встречаются случайным образом, отрывочно и неполно (например, в петициях рабочих, в переписке фабричной инспекции и т. п.).

Продолжительность рабочего дня в России (и, в частности, в Петербурге) являлась как бы барометром, который последовательно отражал борьбу рабочего класса за свои права. В начале 90-х годов XIX в., когда рабочее движение было еще неорганизованным и относительно слабым, норма эксплуатации фактически ничем не ограничивалась и целиком зависела от произвола хозяев. Даже в Петербурге рабочее время очень часто составляло в ту пору более половины суток. Величина рабочего дня в важнейших видах производства в 1894—1895 гг., по данным Министерства финансов для Петербургской губернии, выглядела следующим образом:[3]

Виды предприятий	Число предприятий	Количество рабочих (в тыс.)	Рабочий день (в час.)
Металлообрабатывающие	91	14.8	10½—12
Хлопчатобумажные	19	13.6	12½—14
Шерстяные	7	3.7	12—13
Резиновые	1	4.5	11
Табачные	14	10.5	12
Полиграфические	56	2.8	11—12
Кожевенные	22	3.0	11—13
Пищевые	25	1.9	11—12
Кирпичные	39	5.2	13—14
В среднем для всех			12

Приведенные данные касаются только тех предприятий, которые подчинялись органам фабричной инспекции, однако полученные результаты характерны для всех рабочих Петербурга. При этом необходимо сделать следующую оговорку. Сведения статистического сборника «Продолжительность рабочего дня...» относятся лишь к предприятиям с односменной работой. В то же время на многих фабриках текстильной и пищевой промышленности была распространена работа двумя сменами. В этих случаях рабочее время занятых в каждой смене было несколько меньше, но они трудились без перерывов.

Самый короткий рабочий день наблюдался в металлообрабатывающей и полиграфической промышленности, где были сосредоточены наиболее передовые и квалифицированные рабочие

к началу XX столетия, в том числе четырех металлообрабатывающих, четырех текстильных, двух табачных, одного химического и одного предприятия пищевой промышленности.

[3] Таблица составлена по материалам статистического сборника: Продолжительность рабочего дня и заработная плата в 20 наиболее промышленных губерниях Европейской России. СПб., 1896, стр. 215, 216.

столицы. Напротив, наибольшая продолжительность смены отмечена на кирпичных заводах, где рабочие были наиболее отсталыми (большинство их составляли крестьяне-сезонники). Долог был рабочий день и на текстильных предприятиях. Сравнительно небольшим кажется рабочее время на единственном в Петербурге резиновом заводе «Треугольник». Здесь, очевидно, данные фабричной инспекции занижены. По сведениям Б. И. Шабалина, на «Треугольнике» работа происходила 13 часов в сутки, включая один часовой перерыв.[4] В среднем для всех отраслей петербургской промышленности рабочий день составлял, по нашим вычислениям (округленно), 12 часов. При этом не учитывалось время на чистку машин и механизмов, многочисленные и никак не ограниченные в то время сверхурочные работы, что еще более удлиняло рабочий день петербургского пролетария. Неудивительно, что требование сокращения рабочего дня и ограничения сверхурочных работ стало одним из основных в стачечной борьбе русского пролетариата в середине 90-х годов.

В таких условиях появился закон от 2 июня 1897 г. «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности», который, по словам В. И. Ленина, был *«отвоеван* у полицейского правительства соединенными и сознательными рабочими».[5] Первое место в этой борьбе по праву принадлежит петербургским рабочим. Согласно закону от 2 июня 1897 г., рабочий день в дневной смене должен был продолжаться не более $11^1/_2$ часов, а при ночной работе — не более 10 часов. Количество обязательных сверхурочных работ ограничивалось для каждого рабочего 120 часами в год. Для петербургских пролетариев этот закон фактически констатировал уже существующее положение вещей, так как после бурных стачек 1896 г. столичные фабриканты сами были вынуждены пойти на сокращение часов работы. Именно так и поняли закон 2 июня 1897 г. рабочие Петербурга. 1 января 1898 г. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» выпустил листовку, посвященную новому закону. В ней говорилось, что закон «устанавливает для всех промышленных заведений наибольший рабочий день в 11 с половиной часов в сутки, ни словом не упоминая о существовании многих промышленных заведений, где установился рабочий день в 8, 9, 10 и 10 с половиной часов. Закон не только оставляет эти десятки тысяч рабочих без всякой защиты от их хозяев, но даже толкает этих хозяев к удлинению рабочего дня».[6]

[4] Б. И. Шабалин. Фабрика на Обводном. Л., 1949, стр. 80.

[5] В. И. Ленин. Новый фабричный закон. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 300.

[6] Рабочее движение в России в XIX веке, т. IV, ч. 2. М., 1963, стр. 23—24.

Однако закон 2 июня 1897 г. содержал и другие, не менее существенные антирабочие моменты. До издания закона число праздничных дней на фабриках и заводах не было зафиксировано законодательным порядком и колебалось в зависимости от многих условий в различных местностях и производствах. В статье «Новый фабричный закон» В. И. Ленин приводит данные об обследовании 47 крупных фабрик с 20 тыс. рабочих в Московской губернии. Оказалось, что общее число праздничных дней (вместе с 52 воскресными) составляло в год 97—98, а самое минимальное число было 78 дней.[7] По закону 2 июня 1897 г. устанавливалось, кроме 52 воскресений в год, еще восемь постоянных религиозных праздников и шесть переходящих (Пасха и т. д.), а всего, следовательно, 66 дней — много меньше, чем это было принято в практике фабрично-заводской жизни. Фабриканты не преминули воспользоваться новым законом для сокращения числа существовавших праздничных дней. Хозяин Никольской мануфактуры Чешер упразднил три праздничных дня: 2 февраля, 14 сентября, 21 ноября. «Эти опыты Чешера..., — писал старший фабричный инспектор С. А. Лебедев, — дали печальные результаты: ежегодно в означенные дни рабочие бросали работы, а дважды даже побили стекла на фабрике».[8] Среди требований бастующих петербургских рабочих с тех пор часто встречается пункт о восстановлении на фабрике ликвидированных праздников. Например, забастовавшие в мае 1900 г. рабочие Александро-Невской мануфактуры К. Я. Паля прямо потребовали отмены «закона 1897 г., сократившего количество праздников».[9] Сбывалось предвидение В. И. Ленина, что новый фабричный закон «необходимо и неизбежно *дает новый толчок* русскому рабочему движению...».[10]

Уже вскоре после издания закона 2 июня 1897 г. царское правительство под давлением фабрикантов начинает вносить в него новые антирабочие поправки. Прежде всего это коснулось нормы сверхурочных работ, которыми предприниматели стремились компенсировать происшедшее в ряде случаев сокращение рабочего дня. Так появился уже 14 марта 1898 г. циркуляр, по которому ограничение сверхурочных работ было отменено. Широкое применение сверхурочных работ на фабриках и заводах Петербурга стало в начале XX в., как будет показано далее, весьма распространенным явлением.

Рассмотрим теперь так называемое «урочное время» (т. е. продолжительность смен) в различных отраслях петербург-

[7] В. И. Ленин. Новый фабричный закон. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 290.

[8] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 39, л. 58.

[9] Рабочее движение в России в XIX веке, т. IV, ч. 2, стр. 480.

[10] В. И. Ленин. Новый фабричный закон. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 301.

ской промышленности в начале XX в. Величина рабочего дня у металлистов 16 крупных предприятий изменялась в течение ряда лет следующим образом: [11]

Рабочий день (в час.)	Число предприятий с данным рабочим днем		
	1891 г.	1901 г.	1904 г.
$11^1/_2$	2	1	—
11	6	1	—
$10^1/_2$	8	8	6
10	—	6	10
В среднем . . .	10.85	10.34	10.17

Как видно, уже к 1901 г. у металлистов почти не встречалась предельная норма дневной смены, установленная законом 1897 г., т. е. $11^1/_2$ часов. Материалы расчетных книжек и материалы фабричной инспекции по другим металлообрабатывающим предприятиям столицы безусловно подтверждают приведенные выше данные. Рабочий день в 11 часов отмечен лишь на небольшой судостроительной верфи Ф. Р. Ильс в 1904 г.[12] Самая небольшая продолжительность смены существовала на казенном Обуховском заводе — 9 часов.[13] Однако этот рабочий день был введен только в 1902 г., заменив собой прежний 10-часовой и будучи прямым результатом славной борьбы обуховских рабочих в 1901 г.[14] В то же время на Обуховском заводе для металлургических цехов существовал 12-часовой рабочий день при двух сменах, причем рабочие получали за это четыре отгула в течение месяца.

Данные по 16 предприятиям показывают, далее, что в начале XX в. рабочий день металлистов заметно сократился по сравнению с 90-ми годами. Борьба за снижение рабочего времени с успехом продолжалась металлистами и в кризисный период 1901—1904 гг. В канун революции 1905 г. продолжительность рабочего дня в металлообрабатывающей промышленности Петербурга составляла, как правило, 10 часов.

По-иному обстояло дело в текстильной промышленности. По данным В. Леонтьева для 22 хлопкообрабатывающих фабрик оказывается, что в 1900—1901 гг. на 18 из них рабочий день был равен $11^1/_2$ часам, на одной — 11 часам, а «три мелких фабрики» работали по 18 часов в две смены (дневную и ночную).

[11] Таблица составлена нами по данным Ф. Семенова-Булкина (Экономическое положение рабочих металлистов до 1905 г. Архив ист. труда в России, 1921, № 9, стр. 92).
[12] ЛГИА, ф. 1267, оп. 1, д. 274, л. 41.
[13] Там же, оп. 9, д. 1736, Правила внутреннего распорядка, стр. 8.
[14] М. Гордон. Рабочие на Обуховском сталелитейном заводе. Архив ист. труда в России, 1923, № 9, стр. 64.

Средняя продолжительность рабочего времени на всех обследованных В. Леонтьевым предприятиях равнялась 11.21 часам.[15]

Сведения В. Леонтьева подтверждаются вычислениями продолжительности среднего рабочего дня в текстильной промышленности, выполненными по материалам фабричной инспекции в статистическом сборнике о сверхурочных работах в 1902 г. Оказывается, что на хлопчатобумажных фабриках рабочее время составляло 11.2 часов, на шерстяных — 11 часов, на льнопрядильных — 11.4 часов. По данным имеющихся в нашем распоряжении расчетных книжек рабочих четырех текстильных фабрик, на двух из них (Новая бумагопрядильня и Северная ткацкая) рабочий день был равен $10^1/_2$ часам, а на двух других (В. И. Кожевникова и А. Рейс) — $11^1/_2$ часам. Очевидно, между этими двумя пределами и колебалось рабочее время петербургских текстильщиков в начале XX в.

Кризис 900-х годов привел к тому, что некоторые фабрики сокращали или увеличивали время сменных работ в зависимости от конъюнктуры. Так, например, в 1901 г. Спасская и Петровская мануфактуры, а также бумагопрядильня А. Кенига сократили производство на 6 часов в неделю (в субботние дни).[16] С другой стороны, на Новой бумагопрядильне в феврале 1901 г. рабочее время было увеличено на полтора часа, ибо иначе, как объяснял управляющий, «фабрика не в состоянии выполнить заказ».[17] На фабрике шерстяных изделий Торнтона с 27 января 1901 г. работы производились только пять дней в неделю, а на Новосампсониевской мануфактуре — даже четыре дня.[18] Так сокращалась в период кризиса рабочая неделя.

В текстильной промышленности Петербурга часто применялась работа в ночное время при наличии двух смен. По данным С. Бернштейн-Когана, число предприятий с двухсменной работой было следующим: [19]

Годы	Число предприятий	Из них с 2 сменами
1894—1895	38	4 (10.5%)
1900—1901	41	11 (27%)

Как видно, число текстильных фабрик с ночной работой возрастало как абсолютно, так и относительно. Бывали случаи, когда на одной фабрике часть рабочих трудилась в одну смену,

[15] W. Leontiew. Die Lage der Baumwollarbeiter in St.-Petersburg. München (В. Леонтьев. Положение текстильных рабочих в Петербурге. Мюнхен), 1906, стр. 81.
[16] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 15, л. 17—17 об.
[17] Там же, д. 135, л. 95.
[18] Там же, д. 211, л. 34 об.
[19] С. Бернштейн-Коган. Численность, состав и положение петербургских рабочих. СПб., 1910, стр. 136.

а часть — посменно, причем рабочий день у последних был несколько короче. Так, например, на Северной ткацкой мануфактуре занятые в одну смену работали 10½ часов, а занятые в две смены — только 9 часов, но зато все это время рабочие обеих смен трудились без перерывов, что было чрезвычайно утомительно.[20] Ночная работа женщин запрещалась еще по закону 1885 г., поэтому фабриканты текстильных фабрик, где было занято много работниц, старались создать ночные смены из рабочих-мужчин. Так, например, на Василеостровской пенькольнопрядильной фабрике дневная (женская) смена работала 11½ часов, а ночная, состоящая из мужчин, — 10 часов.[21] В этом случае фабрика работала круглосуточно.

Мы рассмотрели продолжительность рабочего дня металлистов и текстильщиков. Сведения по этому вопросу относительно других отраслей промышленности Петербурга гораздо менее подробны. Все же для некоторых групп однородных предприятий удалось собрать данные о величине рабочего дня в 1900—1903 гг.[22]

	Число предприятий	Рабочий день (в час.)
Кирпичные заводы	7	11—12
Табачные фабрики	2	11—11½
Лесопильные заводы	3	11
Пищевые фабрики	3	10½—11½
Химические заводы	2	10—12
Энергетические предприятия .	2	10½—12
Стекольные заводы	2	10—10½

Как видно, продолжительность смены во всех перечисленных предприятиях колебалась вокруг 11 часов, т. е. около установленного законом 1897 г. максимума. 12-часовой день на химических и энергетических заводах объясняется особенностями непрерывного цикла производства. Но такое положение было не для всех рабочих. Так, например, на Главном газовом заводе для плотников, печников и др., не занятых в непосредственном производстве газа, продолжительность дневной смены составляла 10½ часов.[23] На кирпичных заводах, работавших сезонно, величина смены может быть нами установлена очень приблизительно. Рабочие этих предприятий получали заработную плату с каждой тысячи изготовленных кирпичей, и работа здесь сплошь и рядом превышала установленную законом норму, особенно после

[20] ЛГИА, ф. 1257, оп. 5, д. 1551, Правила. . ., стр. 25.
[21] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 203, л. 9.
[22] Таблица составлена нами по данным расчетных книжек рабочих, материалам фабричной инспекции и переписке петербургского губернатора по поводу кирпичных и лесопильных заводов (ЛГИА, ф. 253, оп. 3, дд. 3875, 4717).
[23] ЛГИА, ф. 1526, оп. 3, д. 12016, Правила. . ., стр. 21.

вынужденных перерывов в связи с плохой погодой, когда производство должно было прекращаться. Отличался неустойчивостью и рабочий день на стекольных придприятиях. Так, например, на заводе «Торковичи» рабочие жаловались, что они «выходят на работу независимо от часов, а как сварится стекло». Таким образом, принятый на этом заводе 10-часовой рабочий день являлся фикцией.[24] Весьма продолжительным был рабочий день на табачных и пищевых фабриках, где трудилось большое количество женщин. Из пяти предприятий такого рода на трех рабочий день продолжался 11½ часов, на одном — 11 и на одном — 10½ часов при дневной смене. В целом на указанных в последней таблице предприятиях рабочий день был выше, чем в металлообрабатывающей промышленности. В начале XX в. столичные металлисты добились наибольших успехов в борьбе за сокращение рабочего времени.

На петербургских предприятиях имелись большие группы рабочих, для которых продолжительность рабочего дня не исчерпывалась обычной сменой. Речь идет о машинистах, кочегарах и других категориях рабочих, занятых у паровых котлов или энергетических установок. Они должны были обеспечить подачу энергии до начала смены, — следовательно, являться на фабрику до свистка. Правила внутреннего распорядка обычно тщательно регламентировали рабочее время этой группы рабочих. Наиболее типичным следует признать § 14 фабричных правил на Новой бумагопрядильне: «Рабочие при паровых и электрических машинах, а также смазчики должны являться за ½ часа раньше до начала общих работ на фабрике».[25] Примерно такое же положение существовало на Никольской мануфактуре и некоторых других предприятиях. Но иногда это дополнительное время было намного больше. На ватноткацкой фабрике Кожевникова кочегары должны были приходить за 1½ часа до начала работы. Любопытно, что на той же фабрике машинистам полагалось являться за 14 минут (!) до смены. Пример какой-то удивительной точности!

Иногда дополнительное время машинистов и кочегаров не указывалось четко. В правилах Обуховского завода говорилось, что они должны выходить на работу «заблаговременно», «чтобы порученные им котлы и машины были готовы к действию к началу работ».[26] По-видимому, установление точных сроков этой «заблаговременной» явки зависело от низшей администрации завода. Примерно такой же порядок был и на другом крупном металлообрабатывающем заводе Парвиайнен: машинисты и кочегары здесь выходили на работу «по назначению заведующего

[24] ЛГИА, ф. 253, оп. 3, д. 3875, л. 34.
[25] ЛГИА, ф. 1256, оп. 4, д. 3137, Правила. . ., стр. 25. — См. также: ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 39, л. 54; ф. 1318, оп. 3, д. 1883, Правила. . ., стр. 22.
[26] ЛГИА, ф. 1267, оп. 9, д. 1736, Правила. . ., стр. 10.

заводом».[27] На некоторых текстильных фабриках с двухсменной работой кочегары должны были работать в две смены по 12 часов каждая, подменяя друг друга (например, на Северной ткацкой бумагопрядильне).[28] В целом же рабочее время кочегаров, машинистов, смазчиков и других подобных категорий рабочих продолжалось значительно больше обычной смены.

Величина рабочего дня петербургского пролетария может быть определена полностью только с учетом сверхурочных работ. В начале XX в. предприниматели широко применяли этот вид дополнительной эксплуатации рабочего. Тщательные подсчеты С. Бернштейн-Когана показывают, что для каждого рабочего на сто часов обычной, «урочной» работы в среднем приходилось $8^1/_2$ часов сверхурочной, т. е. почти на 10% больше положенной сменной нормы,[29] — причем, по признанию самого С. Бернштейн-Когана, эти подсчеты были выполнены им по заведомо неполным материалам фабричной инспекции. Учет сверхурочных работ был поставлен очень плохо, так как фабриканты стремились скрыть их количество или проводить их в завуалированной форме. Фабричный инспектор С. Гвоздев констатировал в своих мемуарах: «Казалось бы, для фабрики не представляет труда правильно и точно вести учет сверхурочных работ... и тем не менее случаи упущений в этой области весьма многочисленны».[30] По данным статистического сборника «Сверхурочные работы в промышленных заведениях Петербургского фабричного округа за 1902 г.» С. Бернштейн-Коган вычислил, какое количество сверхурочного времени приходится в среднем на каждого рабочего: [31]

Виды производства	Количество сверхурочных часов	
	всего в год	на 100 час. обычной работы
Обработка хлопка	167	5.5
» шерсти	373	10.7
» шелка	302	9.7
» льна, пеньки	108	3.4
» смешанных волокнистых веществ	193	6.4
Бумажное и полиграфическое	234	7.9
Обработка дерева	322	10.5
» металлов	310	11.0
» минеральных веществ	137	5.5
» животных продуктов	183	5.9
» питательных продуктов	143	4.4
Химическое	131	3.9

[27] ЛГИА, ф. 1314, оп. 3, д. 8494, Правила..., стр. 28.
[28] ЛГИА, ф. 1257, оп. 5, д. 1551, Правила..., стр. 26.
[29] С. Бернштейн-Коган, ук. соч., стр. 150.
[30] С. Гвоздев. Записки фабричного инспектора (1894—1908 гг.). М., 1911, стр. 77.
[31] С. Бернштейн-Коган, ук. соч., стр. 152.

Анализ приведеных данных показывает, что больше всего страдали от сверхурочных работ металлисты. Они добились наименьшей продолжительности рабочего дня, однако предприниматели постарались свести на нет этот успех за счет увеличения сверхурочного времени. По грубым средним подсчетам, каждый металлист работал ежедневно около часа сверхурочно. В целом, рабочие-текстильщики были меньше загружены сверхурочными работами. На хлопчатобумажных фабриках, где было сосредоточено около двух третей всех текстильных рабочих, на 100 урочных часов приходилось лишь 5.5 сверхурочных, т. е. ровно в два раза меньше, чем у металлистов. Широко применялись сверхурочные работы на шерстяных фабриках, а данных относительно группы по обработке шелка можно не принимать в расчет, ибо тогда в Петербургской губернии насчитывалось только 195 рабочих этой группы производства. Много приходилось работать сверхурочно деревообделочникам и полиграфистам. Напротив, в химических предприятиях сверхурочные работы применялись сравнительно мало, ибо здесь часто практиковалась непрерывная работа двумя сменами, так что времени для увеличения рабочего дня попросту не оставалось.

Какова же была общая продолжительность рабочего дня петербургского пролетария с учетом сверхурочных работ? По материалам того же статистического сборника за 1902 г. нами составлена соответствующая таблица, где дано общее количество часов работы в одну смену с учетом сверхурочного времени: [32]

Виды производства	Число часов
Обработка хлопка	10.64
шерсти	12.38
» шелка	11.87
» льна, пеньки, джута	11.37
» смешанных волокнистых веществ	11.12
Бумажное и полиграфическое	10.78
Обработка дерева	12.42
» металлов	11.41
» минеральных веществ	10.56
» животных продуктов	11.49
» пищевых продуктов	11.41
Химические производства	11.91

Надо прежде всего отметить, что приведенные выше средние цифры являются, по-видимому, преуменьшенными, так как здесь не учитывается сокращенное время в субботние и праздничные дни. Однако и в этом случае продолжительность рабочего дня резко возрастает по сравнению с «нормальным» сменным време-

[32] Подсчеты выполнены нами по материалам сборника: Сверхурочные работы в промышленных заведениях Петербургского фабричного округа за 1902 г., стр. 18—19.

нем. Оказывается, что с учетом сверхурочных работ на многих жестяных, деревообделочных и химических предприятиях рабочие трудились ежедневно более установленной законом предельной нормы в $11^1/_2$ часов. Весьма существенную поправку приходится вносить и в определение рабочего дня металлистов, для которых «урочное время» на многих заводах равнялось 10 часам. Применение сверхурочных работ доводило продолжительность дневной смены до узаконенного предела. Злоупотребления предпринимателей, по существу, ликвидировали все ограничения рабочего дня. Вот почему безусловно справедлив вывод М. Балабанова, что «для подавляющей части рабочего класса, если не для всего его, вопрос о сокращении рабочего времени накануне 1905 г. сохранил всю ту остроту, какую он имел до издания закона 1897 г.».[33]

Сверхурочные работы по закону делились на обязательные и необязательные, причем за первые полагалась плата в полтора раза больше обычной, а за вторые — по соглашению рабочих с предпринимателями. Как это происходило на практике, свидетельствует С. Гвоздев: «Относительно платы за сверхурочные необязательные работы заведующий должен всякий раз особо договориться с рабочими, которые имеют право спросить любую цену. На деле все это складывается гораздо проще: заведующий объявляет о сверхурочных работах и назначает плату за них, и возражений со стороны рабочих почти не встречается, насколько их согласие при этом бывает действительным, а не вынужденным, — это уже вопрос иной».[34] А вот что говорил на ту же тему свидетель, так сказать, противоположной стороны, рабочий П. Т., в 1903 г.: «За сверхурочные работы платят только на поденных работах, а штучникам никакой оплаты за это не полагается... Каждый раз, когда представляется надобность в усиленной работе того или иного рабочего, мастер просто безапелляционно заявляет ему об этом, и тот волей-неволей должен остаться и работать. Сверхурочная работа штучников оценивается при этом в общем правиле, наравне с нормальной, без всякой прибавки».[35]

Сверхурочные работы были тяжкой обязанностью для петербургских пролетариев. Об этом свидетельствуют данные отчетов фабричной инспекции. В 1901—1905 гг. рабочие петербургской губернии подавали в органы инспекции следующее количество жалоб за «принуждение работать сверхурочно»: [36]

[33] М. Балабанов. Очерки по истории рабочего класса в России, ч. III. М., 1926, стр. 115.
[34] С. Гвоздев, ук. соч., стр. 75.
[35] Русское богатство, 1903, № 8, стр. 51.
[36] Составлено по данным отчетов фабричных инспекторов за соответствующие годы.

Годы	Число жалоб	Из них признано основательными
1901	66	61
1902	626	193
1903	622	341
1904	373	310
1905	793	622
Итого . . .	2480	1527

Как видно, число жалоб на злоупотребление сверхурочными работами имело тенденцию к возрастанию, причем даже фабричные инспектора большинство их вынуждены были признавать основательными.

Особенно больших пределов достигло злоупотребление сверхурочными работами на заводах, связанных с военными заказами, с началом русско-японской войны в 1904 г. 4 августа 1904 г. петербургский градоначальник, получивший агентурным путем сведения о настроениях рабочих, писал начальнику Обуховского завода: «С мая текущего года среди рабочих Обуховского сталелитейного завода замечается глухое недовольство, вызванное, с одной стороны, изнурительными сверхурочными работами, введенными на заводе по случаю нужд военного времени, а с другой стороны — несоответствием заработков с количеством затраченного труда... В некоторых мастерских, как например снарядной, приходится работать по 4—5 ночей в неделю, причем если рабочий благодаря интенсивной работе заметно увеличивает против прежней нормы свой заработок, таковой без предупреждения и самовольно сбавляется».[37] О недовольстве рабочих размером сверхурочных в мае 1904 г. охранка сообщила и относительно Металлического завода, где «работы оканчиваются ежедневно не в 7 часов вечера, а в 11, а иногда, как например в прошлую субботу, продолжаются всю ночь».[38] Аналогичные сведения имеются также о казенных Трубочном и Патронном заводах. Борьба петербургских рабочих против засилия сверхурочных работ и за их справедливую оплату стала одним из наиболее распространенных экономических требований в период революции 1905—1907 гг.

Приведенные данные о продолжительности рабочего дня на петербургских фабриках и заводах учитывают только время, проводимое пролетарием непосредственно у станка. Фактически рабочий был занят на предприятии значительно дольше. Речь идет о перерывах на обед, а иногда и на завтрак (как выражались составители правил внутреннего распорядка — «для приема

[37] ЛГИА, ф. 1267, оп. 1, д. 992, л. 6.
[38] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 181, л. 26.

пищи»). Мы располагаем сведениями о распорядке перерывов на 22 петербургских предприятиях. Как правило, они были продолжительны. Перерыв в один час при 11-часовом рабочем дне отмечен только на судостроительной верфи Ф. Р. Ильс.[39] На всех остальных девяти металлообрабатывающих заводах практиковался при односменной работе обеденный перерыв в $1^1/_2$ часа: на Трубочном, чугунолитейном Паля, у Парвиайнена и др. Особо следует сказать о порядках на Обуховском сталелитейном заводе. В цехах с непрерывным циклом производства (сталелитейном, бронезакалочном и др.), как говорилось в правилах внутреннего распорядка, рабочие «на обед не уходят, а принимают пищу в свободные промежутки среди работы».[40] Остальные рабочие завода имели полуторачасовой перерыв при 9-часовой продолжительности утренней и вечерней смены.

В особых условиях находились и рабочие энергетических предприятий. Так, например, на Главном газовом заводе рабочие были заняты две смены общей продолжительностью в 12 часов, причем в это время входили и два перерыва по одному часу.[41] Рабочие не имели права в это время покидать предприятие. Таким образом, они были заняты фактически половину суток, а не 10 часов, как это значилось на бумаге.

Наиболее продолжительными были обеденные перерывы на текстильных фабриках. Кроме обеденного перерыва в $1^1/_2$ часа, здесь практиковались еще два перерыва по полчаса. Таким образом, рабочий день фактически занимал у пролетария не $10^1/_2$—11 часов, а 13—$13^1/_2$ часов. Так было на фабриках с односменной работой, например на Новой бумагопрядильне.[42] Напротив, на текстильных предприятиях с двухсменной работой по 9 часов вообще не существовало каких-либо перерывов (Северная ткацкая бумагопрядильня[43] и ряд других). На двух текстильных фабриках — искусственной шерсти и пряжи А. Рейс[44] и ватной фабрике В. И. Кожевникова[45] — практиковался только один перерыв в $1^1/_2$ часа при односменной работе соответственно в $10^1/_2$ и $11^1/_2$ часов. Двухсменная работа была чрезвычайно изнурительна для пролетария, особенно если учесть, что в текстильной промышленности были заняты в основном женщины.

Три перерыва при односменной работе встречались на предприятиях легкой промышленности, где также было занято большое количество работниц. Например, на табачной фабрике А. Н. Шапошникова при 11-часовом рабочем дне имелся один

[39] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 274, л. 41.
[40] ЛГИА, ф. 1267, оп. 9, д. 1736, Правила..., стр. 9—10.
[41] ЛГИА, ф. 1526, оп. 3, д. 12016, лл. 2—3.
[42] ЛГИА, ф. 1256, оп. 4, д. 3137, Правила..., стр. 24.
[43] ЛГИА, ф. 1257, оп. 5, д. 1551, Правила..., стр. 25—26.
[44] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 47, л. 16.
[45] ЛГИА, ф. 1318, оп. 3, д. 1883, Правила..., стр. 22.

часовой перерыв и два получасовых.[46] Это, однако, были исключения. На других предприятиях легкой промышленности бытовал один обеденный перерыв, продолжавшийся, как правило, $1^1/_2$ часа.[47] Вообще эту величину обеденного перерыва при односменной работе следует признать наиболее распространенной для петербургской промышленности в начале XX в. Так как рабочий день на предприятиях столицы в среднем составлял около 11 часов, то можно сделать вывод, что пролетарий должен был проводить на фабрике бо́льшую половину суток — даже и тогда, когда он не был занят сверхурочной работой.

Рассмотрим теперь время начала и окончания работ в петербургских фабрично-заводских предприятиях. Мы располагаем сведениями такого рода о 14 металлообрабатывающих заводах. На большинстве из них работы начинались в 7 часов утра (восемь заводов), а на остальных — в $6^1/_2$ и 6 часов утра.[48] Окончание односменной работы в большинстве случаев происходило в 19 часов или в промежутке между 18 и 19 часами. Для текстильных, табачных, пищевых и других предприятий легкой промышленности начало работ происходило в среднем несколько раньше — в 6 часов утра, а иногда и в $5^1/_2$ часов. Сказанное относится к односменной работе. При двух сменах работа на фабрике начиналась еще раньше — в 4 часа утра. В этом случае вечерняя смена заступала обычно в 13 часов. На химических и энергетических предприятиях, а также в тех цехах, где требовалась непрерывная работа, первая смена выходила с 6 до 18 часов, а вторая — с 18 до 6 часов утра.

Совершенно поразительный случай распределения времени начала и конца работ приводится в исследовании В. Леонтьева. В 1900—1901 гг. на двух ткацких фабриках с 2000 рабочих существовали мужская и женская смены, которые работали по следующему распорядку (без перерывов в течение одной смены):[49]

	Начало работы	Окончание работы	Продолжительность смены (в час.)
Женщины . . .	$5^1/_2$ ч.	11 ч.	$5^1/_2$
Мужчины . . .	11 ч.	15 ч.	4
Женщины . . .	15 ч.	21 ч.	6
Мужчины . . .	21 ч.	3 ч.	6

[46] ЛГИА, ф. 1235, оп. 6, д. 3556, Правила..., стр. 23.
[47] Так, например, отмечено в правилах внутреннего распорядка гильзовой фабрики А. Койль (ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 40), шоколадной фабрики Н. Сыромятникова (там же, д. 63).
[48] Здесь и далее подсчеты выполнены по данным А. Л. Блека (Условия труда рабочих на петербургских заводах по данным 1901 г. Архив ист. труда в России, 1921, стр. 66), а также расчетным книжкам рабочих соответствующих предприятий.
[49] W. Leontiew, ук. соч., стр. 82—83.

Таким образом, женская смена составляла $11^1/_2$ часов работы, а мужская — 10 часов (включая сюда 6 часов ночной работы). Подобный распорядок смен лишал рабочих нормального сна и отдыха, зато фабрики функционировали в течение $21^1/_2$ часа. В. Леонтьев не указывает названий этих двух фабрик, владельцы которых изобрели поистине чудовищный метод эксплуатации рабочих, но одной из них могла быть Никольская ткацкая мануфактура Чешера. По сведениям фабричной инспекции, в 1900 г. первая смена работала там с 6 до $11^1/_2$ дня и с $3^1/_2$ до $9^1/_2$ вечера, а вторая, называвшаяся ночной, — с $11^1/_2$ до $3^1/_2$ часов дня и с $9^1/_2$ до $3^1/_2$ ночи. Старший фабричный инспектор Петербургской губернии С. А. Лебедев отмечал в своем докладе, что на фабрике Чешера «рабочие недовольны существующим ныне распределением сменной работы».[50] Это недовольство год спустя вылилось в грандиозную забастовку, причем одним из требований рабочих была ликвидация принятого распорядка, так как он лишает их «надлежащего отдыха».[51]

Все имеющиеся в нашем распоряжении данные говорят о том, что в начале XX в. рабочие Петербурга добились сокращенного рабочего дня в субботние и предпраздничные дни. Между тем, еще в 1894—1895 гг. наблюдался как раз обратный процесс. Составители сборника «Продолжительность рабочего времени и заработная плата в 20 наиболее промышленных губерниях» указывают в примечаниях, что на многих предприятиях «под большие праздники работают целую ночь, т. е. 20—22 часа подряд», а иногда и «несколько часов в воскресенье».[52] На пищевых фабриках и химических заводах в субботние дни рабочий день удлинялся на 2—4 часа. С. Бернштейн-Коган справедливо отмечал, что в то время «сокращенная субботняя работа являлась скорее исключением, чем правилом».[53]

Бурное забастовочное движение конца XIX в. внесло здесь существенный корректив. Наибольших успехов добились металлисты. По вычислениям Ф. Семенова-Булкина, для 17 металлообрабатывающих заводов Петербурга продолжительность рабочего времени в субботу составляла в среднем $7^1/_2$ часов, т. е. на 3 часа меньше общепринятого рабочего дня в этой отрасли промышленности.[54] Материалы расчетных книжек рабочих-металлистов и сведения фабричной инспекции в целом подтверждают эти данные. Имелись, однако, и существенные отклонения от средних показателей. На заводе акционерного общества Парвиайнен при рабочем дне в $10^1/_2$ часов окончание работ в субботние дни производилось лишь на полчаса раньше, так же и перед праздниками.[55] На Обуховском заводе для рабочих, не занятых в мартеновском производстве, смена заканчивалась на 2 часа раньше и обеденный перерыв не проводился.[56] Кстати сказать, отсутствие перерыва по субботним дням было общепринято на металлообрабатывающих заводах.

[50] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 39, л. 39.

[51] Там же, л. 57 об.

[52] Продолжительность рабочего времени и заработная плата в 20 наиболее промышленных губерниях, стр. 215—216.

[53] С. Бернштейн-Коган, ук. соч., стр. 142.

[54] Ф. Семенов-Булкин. Экономическое положение рабочих металлистов до 1905 г. Архив ист. труда в России, 1921, стр. 90.

Мы располагаем сведениями о рабочем времени в субботу на шести текстильных предприятиях столицы, причем везде оно было меньше обычного. Однако величина сокращенного субботнего дня у текстильщиков подвергалась значительным колебаниям. Нужно отметить и тот любопытный факт, что рабочее время в предпраздничные дни было иногда больше, чем в субботу. Так, например, на Новой бумагопрядильне в субботу работали на $1^1/_2$ часа меньше и без перерывов, а в предпраздничные дни — лишь на полчаса меньше, но с обычными перерывами.[57] Такой же распорядок был принят и на фабрике Кожевникова, — с той, однако, разницей, что в субботние дни работа оканчивалась на $2^3/_4$ часа раньше.[58] На Северной ткацкой мануфактуре при односменной работе субботнее рабочее время было на $2^1/_2$ часа меньше (без перерыва), а при 9-часовой двухсменной работе — на $^3/_4$ часа меньше.[59] Во всех других предприятиях, данные о которых нам известны, — на пищевых и табачных фабриках, в типографиях — везде субботнее рабочее время было короче обычного. Исключения здесь составляют только те цеха и предприятия, где требовалось непрерывное производство. Так, например, на Главном газовом заводе рабочие при двухсменной 12-часовой работе (с перерывами) никакого уменьшения рабочего дня в субботу и перед праздниками не получали[60] и никаких компенсаций за это увеличение рабочей недели в подобных предприятиях и цехах не полагалось. В целом же, петербургские пролетарии добились сокращенного рабочего времени в субботу, причем в среднем это сокращение составляло около 2 часов.

Рассмотрим в заключение число рабочих дней в году и количество всех праздников в различных отраслях промышленности Петербурга. Анализ правил внутреннего распорядка 14 предприятий показывает, что число праздничных дней на различных фабриках и заводах было в начале XX в. довольно однородным. Общее их число колебалось, не считая воскресений, от 29 (ткац-

[55] ЛГИА, ф. 1314, оп. 3, д. 8494, Правила..., стр. 28.

[56] ЛГИА, ф. 1267, оп. 9, д. 1736, Правила..., стр. 8—9.

[57] ЛГИА, ф. 1256, оп. 4, д. 3137, Правила..., стр. 24.

[58] ЛГИА, ф. 1318, оп. 3, д. 1883, Правила..., стр. 20.

[59] ЛГИА, ф. 1257, оп. 5, д. 1551, Правила..., стр. 25.

[60] ЛГИА, ф. 1526, оп. 3, д. 12016, Правила..., стр. 21.

кая фабрика Кожевникова) до 22 дней (Газовый завод).[61] По закону 2 июня 1897 г. рабочему полагалось 66 выходных дней, включая воскресенья, в 1900 г. к их числу прибавили еще три дня. Таким образом, петербургские рабочие добились большего числа праздничных дней, чем это предусматривалось законом: общее количество выходных на 14 указанных предприятиях колебалось от 74 до 81 дней.

Все праздничные (не воскресные) дни делились на постоянные (Новый год — 1 января, и т. д.) и переходящие (Пасха и т. д.), причем первые из них могли приходиться и на воскресенье. Кроме праздничных дней, на величину рабочего года влияли многие другие причины, зачастую случайные: цикличность работы, количество заказов и т. п. Общее количество рабочих дней в году в различных отраслях производства было следующее: [62]

Виды производства	Европейская Россия	Петербургская губерния
Обработка хлопка	256	296
» шерсти	266	311
» шелка	256	286
» льна, пеньки	247	288
» смешанных веществ	284	287
Бумажное и полиграфическое	279	295
Обработка дерева	211	271
» металлов	261	272
» минеральных веществ	232	248
» животных продуктов	251	284
» питательных продуктов	239	293
Химическое	276	291

Сравнение продолжительности рабочего года в Петербурге и Европейской России обнаруживает две характерные особенности. Во-первых, во всех без исключения отраслях производства число рабочих дней в Петербурге было больше, чем в целом по России. Это означает, что столичная промышленность функционировала более ритмично, чем российская, без сезонных перерывов, организованность производства была относительно выше — и, следовательно, в Петербурге быстрее кристаллизовался кадровый состав рабочего класса, чем это происходило в целом по стране.

В различных отраслях промышленности разница в продолжительности петербургского и общероссийского рабочего года была

[61] См.: ЛГИА, ф. 1318, оп. 3, д. 8494; ф. 1526, оп. 3, д. 12016. — Здесь и далее число рабочих дней на предприятиях дано по сведениям расчетных книжек.

[62] Таблица составлена по данным А. В. Погожева (см.: Учет численности и состава рабочих в России. СПб., 1906, стр. 114) и сборника: Сверхурочные работы в промышленных заведениях Петербургского фабричного округа за 1902 г., стр. 18—19. — Напомним, что сведения А. В. Погожева также относятся к 1902 г.

неодинакова. Самое малое различие наблюдалось у рабочих по обработке смешанных волокнистых веществ (всего 3 дня), но этим можно пренебречь, так как в Петербургской губернии данные нашего источника охватывали лишь 940 рабочих — это слишком малая величина, чтобы сделать какие-либо обобщения. В группах производства с большим числом рабочих самая незначительная разница в величине петербургского и общероссийского рабочего года отмечается у металлистов и химиков: соответственно 11 и 15 дней. Напротив, самая большая разница заметна у рабочих по обработке шерсти и деревообделочников: 55 и даже 60 дней. Это сопоставление весьма характерно и позволяет сделать вывод, что в сравнительно отсталых видах производства петербургские рабочие трудились при гораздо более высокой степени организованности труда. Так, например, лесопильни Петербургской губернии работали почти круглый год, а в большинстве других районов страны — сезонно. В самых развитых отраслях производства — металлообрабатывающей и химической — это различие между столицей и периферией не столь бросается в глаза.

При сравнении величины рабочего года Петербурга и России отметим, во-вторых, что в столице различия между числом рабочих дней в различных отраслях производства заметно меньше. Самая небольшая продолжительность годовой работы в Петербургской губернии приходится на предприятия по обработке минеральных веществ, где основная часть рабочих была занята на кирпичных заводах. Известно, однако, что большая часть этих заводов находилась за пределами самой столицы, — следовательно, эту отрасль нельзя считать характерной для Петербурга. Если сравнить между собой все остальные отрасли петербургской промышленности, то разница между крайними уровнями рабочего года (у деревообделочников и рабочих шерстяных фабрик) составит 40 дней. В то же время аналогичное сравнение для Европейской России (деревообделочники и текстильщики на смешанных производствах) дает разницу в 73 дня, т. е. почти в два раза больше. Это означает, что в Петербурге различие в степени организованности фабричного труда различных отрядов пролетариата было значительно меньшим, чем в целом по стране.

Данные о величине рабочего года на различных предприятиях, полученные по сведениям расчетных книжек, подтверждают средние показатели, приведенные на стр. 104. На четырех хлопчатобумажных фабриках рабочий год составлял в среднем 290 дней, а по данным таблицы — 296 (очевидно, некоторые праздники приходились на воскресенья). Напротив, у металлистов на шести предприятиях рабочий год по материалам расчетных книжек оказывается бóльшим, чем в таблице (соответственно 287 и 271 день). Это объясняется тем, что нами проана-

лизированы расчетные книжки только крупных предприятий, в то время как данные сборника «Сверхурочные работы» включают и мелкие мастерские с низкой организацией труда. Близко совпадают цифры о продолжительности рабочего года на табачной фабрике Шапошникова (287 дней) и всей группы по обработке питательных продуктов (293 дня).

Таким образом, анализ данных о продолжительности рабочего года в Петербурге еще раз подтверждает, что пролетариат столицы трудился на самых высокоорганизованных капиталистических предприятиях России.

Итак, к началу революции 1905—1907 гг. рабочий день петербургского пролетария был чрезвычайно продолжительным. Сверхурочные работы делали установленный законом 1897 г. максимум весьма проблематичным. В обычный будний день рабочий проводил на фабрике вместе с перерывами большую часть суток, так что для него свободного времени практически не существовало. В этих условиях борьба русского рабочего класса за установление 8-часового рабочего дня приобретала огромное принципиальное значение.

ГЛАВА V

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО НА ФАБРИКЕ

26 июля 1901 г. группа рабочих Василеостровской пенькопьнопрядильной фабрики подали петербугскому градоначальнику следующую жалобу на своего директора: «Сколько он народу обидел, нельзя описать. Каждый божий день человек 5 вон выгоняет, человек 10 штрафует, не разбирает, виновен он или нет, ему все равно, орет как лев голодный, нередко случается, что и толкает». О деятельности фабричной инспекции, призванной регулировать отношения между трудом и капиталом, в той же коллективной жалобе говорилось: «Господин инспектор нам не защитник, потому когда приедет на фабрику, идет прямо к директору в кабинет, а оттуда к нему на квартиру, а на фабрику он никогда не заходит. Мы его и не видим. А когда кто из нас обращался с жалобой к нему на квартиру, тогда он приезжает на фабрику и идет в кабинет директора и запирается вдвоем с директором сперва. А потом приходит кто жаловался, директор кричит: „Врешь, негодяй, я так с тобой не поступал“. Тогда инспектор говорит: „Видишь, директор говорит, что ты врешь, значит ты врешь“; и обвиняет нас и выгоняет вон...».[1]

В этом весьма красноречивом документе как в капле воды отразилось бесправное положение русского пролетариата в начале XX столетия. Произвол фабричной администрации по отношению к рабочему по существу не был ограничен какими-либо правовыми нормами. Активная забастовочная борьба, проводившаяся русским пролетариатом в конце XIX и в первые годы XX в., несмотря на некоторые успехи, существенно не изменила общего правового положения рабочего. Все коллективные организации рабочих, равно как и их коллективные действия хотя бы чисто внутризаводского характера, были безусловно запрещены законом. Только 10 июня 1903 г. появился закон о фабричных старостах, — это своеобразное проявление зубатовщины в законодательстве, — который, однако, был похоронен революцией 1905 г. и практического применения почти не получил. Проф-

[1] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 203, л. 7.

союзы в Петербурге возникли только в разгар первой русской революции, в 1905 г.[2]

Пенсии и пособия рабочим в случае увечья или болезни долгое время также никак не регулировались государственной властью, пока наконец 2 июня 1903 г. не был издан закон о вознаграждении рабочих, пострадавших от несчастных случаев, входивший в силу с 1 января 1904 г. Затем последовали: закон от 9 июня 1904 г. о пенсиях рабочим Алтиллерийского ведомства, закон от 6 июня 1905 г. о пенсиях рабочим горнозаводской промышленности ведомства кабинета «его императорского величества и уделов», закон 19 декабря 1905 г. в отношении пенсий рабочих государственных типографий и т. п.[3] Однако действие всех этих законодательных актов фактически началось уже после революции 1905—1907 гг. Таким образом, в период, непосредственно предшествующий первой русской революции, государственное законодательство каким-то образом регулировало только продолжительность рабочего времени да некоторые вопросы о фабричном труде подростков.

Все же остальные вопросы взаимоотношений рабочих с предпринимателями обусловливались конкретными решениями хозяев или администрации каждого отдельного предприятия. Права рабочего здесь по существу не гарантировались ничем. Полная зависимость рабочего от хозяина начиналась уже с момента его поступления на фабрику, так как срок найма, как правило, не обусловливался. В течение 1899 г. фабричный инспектор Петербургской части обследовал по этому вопросу 94 подведомственных ему предприятия с 17 979 рабочими. Он пришел к следующему заключению: «Большинство фабрикантов нанимает рабочих на срок неопределенный. Немногие нанимают или на срок паспорта (ситценабивная фабрика братьев Леонтьевых) или на 8 месяцев (пивоваренный завод «Бавария»). Тюлевая фабрика нанимает рабочих на 2 месяца, после чего договор или прекращается, или возобновляется вновь на два месяца. Шелкоткацкая фабрика Гольдарбейтера заключает договор найма на время производства определенного куска материи, причем каждый раз выдается новая расчетная книжка».[4]

Итак, на 90 предприятиях из 94 срок найма рабочего не был обусловлен ничем. На некоторых фабриках и заводах при поступлении рабочего устанавливался испытательный срок, как правило непродолжительный. Так, например, на Обуховском ста-

[2] Подробнее об этом см.: Ю. Бибиков, В. Малышкин, Е. Шалаева. Профсоюзы Петрограда до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957, стр. 3—5; Е. И. Шалаева, И. П. Лейберов. Профсоюзы Петербурга в 1905 году. Вопр. ист., 1955, № 10, стр. 18—30.

[3] И. И. Шелымагин. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900—1917. М., 1952, стр. 77.

[4] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 231, л. 157.

лелитейном заводе он составлял 12 дней,[5] а на Северной ткацкой бумагопрядильне — 6 дней.[6] На многих металлообрабатывающих предприятиях роль испытательного срока играло выполнение какого-либо урочного задания (например, изготовление детали на станке и т. п.).

С 1893 г. в соответствии с «Правилами о надзоре за заведениями фабричными и о взаимоотношениях фабрикантов и рабочих» на каждом предприятии вводились так называемые «Правила внутреннего распорядка», которые перепечатывались в расчетной книжке рабочего. Анализ этих документов позволяет определить правовое положение рабочего на петербургских предприятиях.[7]

В «Правилах» всех без исключения предприятий указаны сроки начала и конца работ различных смен, порядок подачи гудков о начале смены (например, на Обуховском заводе давалось четыре гудка, явившийся после третьего гудка рабочий считался уже опоздавшим, а после четвертого, который следовал через 10 минут, — наказывался как за полдня прогула). Отлучки с работы разрешались лишь в исключительных случаях, которые обыкновенно перечислялись в «Правилах». На предприятиях Общества электрического освещения этот параграф формулировался следующим образом: «Уважительными причинами для отсутствия являются (кроме болезни): 1. Смерть жены, родителей или детей. 2. Пожар. 3. Вызов в суд или полицией. 4. Арест». Это был весьма типичный образец подобного рода.

Регулярных отпусков не существовало нигде, даже на казенных заводах. Для получения отпуска в особых случаях рабочий, как это оговаривалось в «Правилах», должен был просить разрешения заведующего по представлению мастера. Оплата отпуска, не связанного с производственной травмой, не производилась. Например, на табачной фабрике Шапошникова на этот счет говорилось особенно лаконично и четко: «За время нахождения в отпуску или в увольнении от работ рабочему не производится никакой платы». На текстильных фабриках, где боль-

[5] М. Гордон. Рабочие на Обуховском сталелитейном заводе. Архив ист. труда в России, 1923, № 9, стр. 65.

[6] ЛГИА, ф. 1257, оп. 5, д. 1551, Правила..., стр. 25.

[7] При этом анализируются хранящиеся в фондах ЛГИА «Правила...» следующих 12 предприятий: завод Парвиайнен (ф. 1314, оп. 3, д. 8494), Обуховский сталелитейный (ф. 1267, оп. 9, д. 1736), ватно-ткацкая фабрика Кожевникова (ф. 1318, оп. 1, д. 1883), Новая бумагопрядильная и ткацкая фабрика (ф. 1256, оп. 4, д. 3137), Газовый завод (ф. 1526, оп. 3, д. 12016), табачная фабрика Шапошникова (ф. 1235, оп. 6, д. 3556), фабрика искусственной шерсти и пряжи А. Рейс (ф. 1229, оп. 1, д. 47), трубочный завод акционерного общества «Промет» (ф. 1419, оп. 7, д. 3841), шоколадная и конфетная фабрика Сыромятникова (ф. 1229, оп. 1, д. 63), Гильзовая фабрика «А. Койль и К°» (ф. 1229, оп. 1, д. 40), Северная ткацкая бумагопрядильня (ф. 1257, оп. 5, д. 1551), предприятия Общества электрического освещения (ф. 1229, оп. 1, д. 102).

шинство рабочих составляли женщины, в «Правилах» имелись особые параграфы, запрещавшие отлучку во время работы кормящих матерей. Вот, например, § 15 «Правил» на Северной ткацкой бумагопрядильне: «Отлучка же из фабрики домой для кормления может быть разрешена заведующим фабрикой лишь в исключительных случаях при болезни ребенка».

В «Правилах» каждого предприятия следовал обширный список всевозможных запрещений и ограничений для рабочих. Бесспорно, что некоторые из них обусловливались потребностями производства и поэтому были необходимы (например, запрещение курить в цехе и т. п.), однако форма, в которой они предъявлялись к рабочим, сплошь и рядом носила оскорбительный характер.

Классовый характер всех этих составленных фабрикантами «Правил» для рабочих совершенно очевиден. Особенно подробно оговаривались всякие коллективные выступления или действия рабочих: отправка депутаций, собрания на фабриках, гласное обсуждение фабричных порядков и т. д. «Рабочие, — записано было в «Правилах» Новой бумагопрядильни, — не должны высказывать своих претензий в мастерских или являться с жалобой в контору толпой, а лично приносить жалобу заведующему мануфактурою». Аналогичные параграфы существовали на всех предприятиях.

Запрещений и ограничений в жизни рабочих на фабрике было множество. Приведем в качестве хорошего образчика такого рода один из параграфов «Правил» Северной ткацкой бумагопрядильни: «§ 25. Мастерам, рабочим и вообще всем служащим строго **воспрещается**: а) собираться в мастерской толпой; б) самовольно, до сигнала о прекращении работ, отлучаться с работ; в) нарушать тишину шумом, криком, бранью, ссорою или дракою и вообще вести себя неприлично, буйствовать и бесчинствовать; г) оказывать ослушание и непочтительность в отношении административных лиц; д) устраивать игры и заниматься чтением газет; е) приносить и выносить какие бы то ни было предметы, без особого на то разрешения заведующего фабрикою; ж) приносить водку и опьяняющие напитки; з) курить табак и папиросы в неназначенных помещениях; и) подходить близко и дотрагиваться до исполнительных механизмов, допуск и обращение с которыми им не разрешены; к) проходить через помещение котельной и для механических двигателей; л) посылать учеников или других рабочих в лавку, с пакетами и т. п. без разрешения заведующего фабрикою».

На большинстве петербургских предприятий в изучаемое время практиковался обыск рабочих при выходе из заводских ворот после окончания смены. На заводе акционерного общества Парвиайнена или на Новой бумагопрядильне сторожа обыскивали всех без исключения рабочих. На других предприятиях

происходил выборочный осмотр. Например, в «Правилах» Обуховского завода было указано, что обыск производится у тех рабочих, кто вызывает подозрение «в тайном проносе чего-либо, принадлежащего заводу». В 1901 г. при обследовании 11 крупнейших металлообрабатывающих предприятий Петербурга обнаружилось, что на девяти из них практиковались постоянные или выборочные обыски рабочих.[8] Позорный обычай этот вызывал острое недовольство рабочих, тем более что зачастую обыск сопровождался издевательствами и оскорблениями со стороны заводских сторожей. Всякий раз в момент подъема забастовочной борьбы требование об отмене обыска неизменно выдвигалось рабочими. Так было, например, в период стачек 1901 г., когда судостроители Балтийского завода заявили администрации, что «честный рабочий, несмотря на привычку, не может примириться» с обысками.[9] В январские дни 1905 г. бастующие петербургские рабочие неоднократно выдвигали в своих требованиях пункт об отмене обыска. Рабочие Сестрорецкого оружейного завода в своей петиции, поданной 10 января 1905 г., в частности, требовали: «Отменить существующий на заводе позорный обыск и изыскать другие способы наблюдения за целостностью имущества».[10]

Нарушение рабочими «Правил» каралось штрафами. Штрафование рабочих было чрезвычайно распространенным явлением на петербугских предприятиях, а вся система штрафования была детально разработана и охватывала все стороны внутризаводской жизни. Величина штрафов за те или иные нарушения была приблизительно одинаковой на всех предприятиях. Согласно «Правилам» фабрики искусственной шерсти и пряжи А. Рейса рабочие подлежали штрафу в следующих пределах:

1. За неисправную работу — по стоимости неисправности или через суд.

2. За прогул — штраф в соответствии с количеством прогульного времени. При задельной оплате за прогульный день — от 1 до 3 руб.

3. За нарушение порядка:

а. За опоздание на $1/4$ часа — $1/8$ дневного заработка
на $1/2$ часа — $1/4$ » »
более $1/2$ часа — $1/2$ » »

б. За курение — 1 руб.

в. За нарушение чистоты и опрятности — 25 коп.

г. За шум, крики, драку — 50 коп.—1 руб.

д. Непослушание — 50 коп.—1 руб.

---

[8] А. Л. Блек. Условия труда рабочих на петербургских заводах по данным 1901 г. Архив ист. труда в России, 1921, № 2, стр. 65—67.

[9] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 13, л. 52 об.

[10] Революция 1905—1907 гг. Документы и материалы. Начало первой русской революции. М., 1955, док. 69, стр. 135.

е. Игра в карты во время работы — 1 руб.
ж. Употребление крепких напитков — 1 руб.
з. Взыскания не должны составлять более 1/3 заработка ко дню получки.

Приблизительно такими же были поводы для штрафов и их величина на других петербургских предприятиях. Мелочность проступка, за который полагалось штрафовать рабочего, доходила порой до прямого издевательства. В «Правилах» Обуховского завода рабочий подлежал штрафу до 1 руб. за... несообщение о перемене своего адреса.

Система штрафования вызывала со стороны рабочих самое острое недовольство, и это часто служило причиной больших и малых конфликтов. Штрафы являлись наиболее обнаженным, а поэтому и наиболее ненавистным для рабочих проявлением произвола со стороны администрации. Между тем штрафы были неизменным спутником фабричной действительности как во всей России, так и в Петербурге, они сделались бытовым явлением в жизни каждого рабочего. Некоторое представление о распространении системы штрафования и величине штрафов дают отчеты фабричной инспекции Петербургской губернии с 1901 г.: [11]

Годы	Количество рабочих на предприятиях, где практиковались штрафы	В % ко всем рабочим	Общее число штрафований	Годовая сумма штрафов (в руб.)	Средняя величина штрафа (в коп.)
1901	129983	82.1	333894	104879	31.4
1902	119612	79.4	351491	93642	26.6
1903	119365	78.3	328980	83202	25.3
1904	116716	75.7	343302	97212	25.3
1905	135882	90.5	178942	47217	26.4

Официальные данные фабричной инспекции убедительно свидетельствуют о том, как широко было распространено штрафование рабочих на петербургских предприятиях. В материалах инспекции нет, к сожалению, сведений о том, какое количество рабочих подвергалось штрафам, но обращает на себя внимание, что общее число штрафований в год в 2—3 раза превышало число рабочих на тех предприятиях, где взимались штрафы (исключение составляет только революционный 1905 год, когда число штрафов сократилось по сравнению с предыдущим годом в два раза, а сумма штрафов — еще больше). Можно безусловно предположить, что штрафы взимались с рабочих неравномерно. Следовательно, имелся довольно многочисленный контингент рабочих, которые многократно подвергались штрафованию в течение года. Это обстоятельство заставляет по-другому смотреть на сравнительно низкую величину средней суммы штрафа (от 25.3 до 31.4 коп.). Если вспомнить, что рабочий заработок, из которого вычитался штраф, был невелик, то следует признать за штрафами определенную роль в уменьшении оплаты труда некоторых групп пролетариев.

[11] Составлено нами по данным отчетов фабричных инспекторов за соответствующие годы. За 1900 г. сведения не приводятся, так как они ограничены и не полны.

Нельзя, однако, преувеличивать эту, так сказать, материальную сторону штрафования. В начале XX в. не штрафы были причиной тяжелого положения российских рабочих. Кстати сказать, под влиянием борьбы рабочих против произвольного штрафования правительство еще в 1886 г. было вынуждено законодательным образом регламентировать взимание штрафов, а главное, было постановлено создать из так называемых «штрафных денег» особый капитал, который должен был расходоваться только лишь на пособия рабочим. Таким образом, фабриканты уже не были материально заинтересованы в штрафах, так как они поступали не в их карман. По свидетельству М. С. Балабанова, в последующее время фабриканты «заметно ослабили систему штрафов».[12] Это ослабление далеко еще не означало ликвидации штрафования как распространенного явления. Теперь штрафы служили в руках заводской администрации прежде всего средством дисциплинарного воздействия на рабочих.

Итак, деньги, вычитаемые посредством штрафов из заработной платы пролетариев, образовывали особый капитал, который должен был расходоваться на пособия рабочим. Капитал этот находился под контролем фабричной инспекции, а на казенных заводах — под контролем соответствующих ведомств. Отчеты о расходовании штрафного капитала публиковались в ежегодных отчетах инспекции с 1900 г.: [13]

Годы	Число рабочих, получивших пособие	Сумма пособий (в руб.)	В среднем на одного рабочего (в руб.)
1900	—	134814	—
1901	14566	121506	8.32
1902	13888	107835	7.76
1903	13258	93569	7.08
1904	14447	100960	7.01
1905	13050	90656	6.97

В среднем пособия получали менее 10% всех рабочих Петербургской губернии, подведомственных инспекции. Следовательно, все остальные, в том числе и те, кто своими деньгами вынужден был пополнить штрафной капитал, не получали ничего. Таким образом, предприниматели штрафовали большинство рабочих

[12] М. С. Балабанов. Очерки по истории рабочего класса в России, ч. III. М., 1926, стр. 157.
[13] Составлено нами по данным отчетов фабричных инспекторов за соответствующие годы.

с тем, чтобы платить пособия незначительной части их. Это служило дополнительным способом воздействия на пролетариев, — следовательно, пособия из штрафного капитала также использовались в интересах капиталистов, как и сами штрафы. Размер средней суммы пособия за первые годы XX в. хотя и обнаруживает некоторую тенденцию к снижению, но все же составляет довольно значительную, по тем временам, величину — около 7 руб. Однако следует иметь в виду, что пособия выдавались по очень разнообразным и притом весьма серьезным поводам, как-то: в связи с тяжелой болезнью, по беременности, на похороны членов семьи, в случае пожара и т. д.[14] В этой связи средняя сумма в 7 руб., которую получали 10% рабочих цензовой промышленности в течение года, отнюдь не является большой.

Зависимость капитала, предназначенного для оказания пособий рабочим, от штрафования их же самих создавало своеобразную ситуацию: чем больше платили штрафов рабочие того или иного предприятия, тем больше возрастала сумма пособия, и наоборот. В 1905 г. рабочие добились заметного сокращения штрафов. В связи с этим на ряде предприятий значительно уменьшился размер штрафного капитала для выдачи хотя бы минимальных пособий. 23 мая 1905 г. управляющий завода Лангензипена сделал следующее объявление: «Так как заводской штрафной капитал сократился до минимума (130 руб.), а увеличения его ввиду изменившегося порядка наложения штрафов ожидать нельзя, то не представляется возможным расходовать его с прежней щедростью, а поэтому выдача рабочим пособия в случае болезни впредь будет производиться в уменьшенном размере».[15]

Закон от 2 июня 1903 г. о вознаграждении рабочих, пострадавших от «несчастных случаев», был вызван мощным подъемом стачечной борьбы в начале XX в. В целом для всего российского пролетариата закон этот был несомненно определенным достижением в борьбе за свои права, но столичные пролетарии ничего не выиграли от нового закона, так как они уже фактически пользовались теми правами, которые объявлялись 2 июня 1903 г. (в особенности сказанное относится к рабочим крупных казенных заводов, как например Обуховский и др.). Суть закона выражалась в его первой статье: «При несчастных случаях... владельцы предприятий обязаны вознаграждать [рабочих] без различия их пола и возраста, за утрату более чем на три дня трудоспособности от телесного повреждения... Если последствием несчастного случая была смерть рабочего, то вознаграждением пользуются члены его семейства...».[16] На фабриках и заводах

[14] См. отчеты о состоянии и движении штрафного капитала: ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 508.

[15] Там же, д. 191, л. 111.

[16] И. И. Шелымагин, ук. соч., стр. 86.

Петербурга еще в 90-х годах XIX в. предприниматели платили пенсию (реже) или единовременное пособие (чаще) рабочему в случае увечья или его семье в случае его смерти. При кратковременном невыходе рабочего на фабрику по болезни — до 3 дней — он не получал ничего, точно так же как и в новом законе.

26 февраля 1907 г. отдел промышленности Министерства финансов предложил фабричной инспекции собрать сведения о действии закона 2 июня 1903 г. на крупнейших предприятиях Петербурга. Вот каковы данные по 11 столичным фабрикам и заводам за 1904 г. — первый год действия нового закона: [17]

Предприятия	Число рабочих	Годовая сумма зарплаты (в тыс. руб.)	Пособия (в руб.)	Пособия взамен пенсий
Писчебумажная фабрика Печаткина	373	113	105	300
Табачная фабрика «Лаферм»	1250	258	119	99
Кожевенный завод Зверкова	434	104	47	167
Невская ниточная мануфактура . .	1664	422	142	—
Резвоостровская мануфактура . . .	955	244	82	—
«Треугольник»	6793	1983	1730	5037
Тентелевский химический завод . .	538	193	411	—
Путиловский завод	11667	6148	14407	34543
Невский завод	6291	3111	1223	10832
Писчебумажная фабрика Варгуниных	612	144	196	385
«Скороход»	2389	845	293	—

Следует пояснить, что так называемые «пособия взамен пенсии» были не чем иным, как единовременной выплатой получившему инвалидность рабочему. Пострадавшие сами зачастую шли на это, так как не были уверены в стабильности выплаты им пенсии. Прежде всего бросается в глаза, что на обследованных предприятиях величина пособий была ничтожна. Только на Путиловском заводе выходило в год больше чем по 1 руб. пособия на каждого рабочего. На всех остальных предприятиях величина пособия была гораздо меньше, достигая что-то около гривенника на одного рабочего в год на табачной фабрике «Лаферм» или на кожевенном заводе Зверкова. Сумма «пособий взамен пенсий» была, как правило, несколько выше, но эта форма обеспечения наблюдалась в 1904 г. лишь на семи предприятиях из 11. Но и здесь лишь на двух крупнейших металлообрабатывающих заводах — Путиловском и Невском — суммы единовременных выплат достигают относительно большой величины: на каждого рабочего в среднем соответственно 3 и 1.7 руб. (в округленных числах). Таким образом, действие закона от 2 июня 1903 г. до начала первой русской революции практически ничего не изменило в деле социального обеспече-

[17] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 447, лл. 1 об.—2.

ния — или, если можно так сказать, необеспечения — петербургских рабочих.

Старший фабричный инспектор Петербургской губернии Чижов 17 ноября 1904 г. составил для Министерства финансов секретный доклад о первых шагах по исполнению закона от 2 июня 1903 г. Закон этот, резюмировал Чижов, «как затрагивающий материальные интересы владельцев промышленных предприятий, встречен ими не особенно сочувственно, причем одни из них, покорившись необходимости вознаграждать пострадавших от увечия, постарались извлечь из закона все то, что он дает в смысле облегчения заключения сделок и избавления себя от необходимости вести иногда многолетние судебные процессы, сопряженные с судебными за ведение дела издержками; другие, находя действия вышеуказанного закона слишком для себя тяжелыми, стараются свести его на нет и отбить у потерпевших всякую охоту возмещать понесенные убытки... и, наконец, третьи, не составив еще своего собственного мнения, присматриваются, как этот закон применяется в разных промышленных заведениях, преимущественно крупных, т. к. последние имеют по большей части возможность пользоваться при отстаивании своих интересов с помощью лучших юридических сил».[18]

Чижов подкрепляет это свое очень откровенное суждение примером по Балтийскому судостроительному заводу. С 1 января по 15 октября 1904 г. на заводе получили производственные травмы с полной потерей трудоспособности 97 рабочих. Из них 46 человек вообще не предъявили хозяевам никаких претензий, 19 человек заключили соглашение о пособии, а с 24 потерпевшими рабочими не состоялось никакого соглашения «вследствие признания правлением грубой неосторожности» со стороны самих рабочих.[19]

Здесь Чижов коснулся самого больного места закона от 2 июня 1903 г. В § 2 говорилось, что владелец предприятия ничего не платит рабочему, «если причиной несчастья был злой умысел потерпевшего или грубая неосторожность его». Этот пункт о пресловутом «злом умысле» травмированного и потерявшего тем самым трудоспособность рабочего позволял хозяевам идти на всякие ухищрения и проволочки, фактически избегая выплаты пособий по инвалидности. Таким образом, закон от 2 июня 1903 г. лишь в незначительной степени улучшил социальное обеспечение рабочих, причем в Петербурге этот законодательный акт во многом фиксировал уже завоеванное пролетариями. Зато появление закона вызвало массу конфликтных дел в мировых судах и т. д. Канцелярии фабричной инспекции

[18] Там же, д. 219, л. 38.
[19] Там же.

в 1904 г. прямо-таки переполнялись жалобами рабочих, которые не могли добиться пособий, казалось бы, полагавшихся им по закону. Зависимость рабочего от заводской администрации, от произвола хозяев особенно проявилась при осуществлении на практике нового закона. Это в свою очередь вызвало столкновения между администрацией и рабочими.

Жестокая дисциплина, царившая на петербургских фабриках, неизбежно требовала соответствующего административного персонала, который призван был эту дисциплину поддерживать всеми дозволенными и даже недозволенными мерами. Отсюда возникали острые конфликты между рабочими и администрацией. Бесконтрольность действий мастеров, их полная власть над рабочими и боязнь последних оказаться за воротами фабрики, — все это и создавало почву для злоупотреблений и издевательств. Фабричная инспекция и другие органы государственной власти в случае подобных конфликтов обычно вставали на сторону хозяев.

28 апреля 1900 г. рабочие Нарвской суконной мануфактуры подали старшему фабричному инспектору жалобу на мастера Боке, который принуждал работниц к сожительству, «а тем, кто не поддается ему, он дает самую худшую работу и в конце концов рассчитывает с работы».[20] Несколько человек рабочих, обращавшихся по этому поводу с претензиями к директору, были уволены. Старший фабричный инспектор, расследуя жалобу, «фактических данных» не получил, но решил все же побеседовать с Боке. Беседа эта, изложенная в записке самого инспектора, заслуживает того, чтобы быть процитированной: «Я объяснил ему, что фабричная инспекция в рассмотрение подобных дел входить не может, но если жалобы подобного рода будут направлены прокурорскому надзору, то дело окончится для него, Боке, очень печально, а поэтому я ему рекомендовал особенную осторожность в обращении с работницами, чтобы тем самым все слухи о его слабости к женщинам прекратились».[21] Эта запись производит впечатление не официального документа, а беседы двух добрых приятелей в курительной комнате. И тем не менее подобный эпизод следует признать типичным.

Любое проявление рабочими протеста против действий администрации, хотя бы оно касалось частных вопросов внутризаводской жизни, преследовалось наиболее жестокой мерой наказания — увольнениями. 6 июня 1903 г. рабочие сахарного завода Кенига пожаловались фабричному инспектору на плохую работу заводской столовой, где «продовольствуют их очень плохо». Попытки рабочих обратиться с этим делом к директору

[20] Там же, д. 166, л. 8.
[21] Там же.

окончились очень печально, ибо «заявителей немедленно удаляли с завода, иногда даже без расчета».[22] Ничем не окончилось и обращение рабочих к фабричному инспектору, так как на формальный запрос последнего была получена циничная отписка директора, что к нему от рабочих «никаких заявлений не поступало».[23]

Среди мастеров было распространено рукоприкладство. Рабочие кирпичных заводов, расположенных под Петербургом, неоднократно жаловались на это губернатору. На кирпичном заводе Аронета (в Ольгине) кулачной расправой с рабочими занимались приказчики, причем, по словам потерпевших, жалобы их «к местному фабричному инспектору не приводят ни к какому результату».[24] На кирпичном заводе Сазонова (на Неве) битьем рабочих занимался сам хозяин.[25] Число этих примеров можно умножить. Такие факты имели место на Нарвской льнопрядильне со стороны управляющего Таубе (германский подданный),[26] на Петровской бумагопрядильне, где даже подмастерья могли себе позволять подобные поступки,[27] и т. д.

Произвол администрации практически ничем не был ограничен. В октябре 1900 г. на Василеостровской пенько-льнопрядильной мануфактуре произошли «беспорядки», вызванные возмутительными действиями директора фабрики Фафиуса. Старший фабричный инспектор, которому пришлось расследовать это происшествие, писал: «Необходимо признать, что директор фабрики Фафиус человек суровый и не особенно стесняется увольнять рабочих, рассчитывая, что рабочие руки найдутся всегда в избытке... Так например, недавно он уволил трех упаковщиц за то, что они от холода закутались платками, а г. Фафиус полагал, что в платках они должны хуже работать, и записал им отказ».[28]

В начале XX в. петербургские фабриканты уже контактировались между собой для борьбы с растущим рабочим движением. Наиболее активных участников забастовок, а порой и рядовых забастовщиков фабриканты пытались не брать вновь на работу в случае увольнения. Так появлялись пресловутые «черные списки». Особенно прославился в ту пору злостными преследованиями рабочих фабрикант Чешер. 1 мая 1901 г. на принадлежавшей ему Никольской мануфактуре произошла забастовка, после чего с фабрики было уволено 400 рабочих. Чешер

[22] Там же, д. 358, л. 1.
[23] Там же, л. 3.
[24] ЛГИА, ф. 253, оп. 3, д. 4717, л. 69 об.
[25] Там же, л. 54.
[26] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 253, л. 70.
[27] Там же, д. 1010, л. 89.
[28] Там же, д. 203, л. 2 об.

устроил так, что уволенных не принимали на работу другие фабриканты. Фабричный инспектор Литвинов, вступившись на этот раз за рабочих, докладывал начальству, что «Чешер широко пользовался сообщениями прочим фабрикантам отзывов о рабочих, лишая их возможности получить работу».[29] Далее Литвинов сообщал, что его посетили 26 уволенных Чешером ткачей, которых в течение нескольких месяцев не принимали на работу ни на одной петербургской фабрике.

В архивном фонде текстильной фабрики Торнтона сохранилась так называемая «черная книга», официально озаглавленная как «Книга провинившихся и судившихся рабочих фабрики Торнтона». Здесь отмечались все рабочие, уволенные с фабрики. Расположенные в алфавитном порядке, там значатся фамилии 468 человек, которые были рассчитаны администрацией с 1895 г. (есть, правда, несколько записей и до этого срока) по 1908 г.[30] Вот основной тип записей в графе «причины увольнений»: «за дурное поведение», «за дерзость администрации», «предъявлял иск правлению фабрики», «за чрезмерное вымогательство», «за стачку» или «за соучастие в стачке» — обе последние формулировки составляют большинство. Под каждой записью стоит личная подпись Торнтона. Среди всех 468 записей об увольнении рабочих имеется только 10 помет такого рода: «Принят вновь на фабрику». Очевидно, все остальные 458 рабочих никогда не могли вновь поступить к Торнтону.

Столкновения рабочих с администрацией на петербургских предприятиях зачастую осложнялись в связи с национальным вопросом. В столице к 1901 г. имелось не менее 50 промышленных предприятий с участием иностранного капитала; на них было занято свыше 57 тыс. рабочих.[31] В связи с этим на многих фабриках и заводах немало лиц из числа административного персонала были иностранцами. Особенно это характерно для таких, например, предприятий, как «Треугольник», «Скороход», завод «Вестингауз» и др. На обувной фабрике «Скороход», по сведениям департамента полиции, в 1898 г. из 28 мастеров было только 11 русских, а из двух инженеров и трех техников — ни одного.[32] Фабричная инспекция со своей стороны также интересовалась вопросом о количестве иностранцев среди заводской администрации. В 1901 г., по сведениям, собранным на 48 предприятиях Васильевского острова, иностранных подданных оказалось (в %):[33]

[29] Там же, д. 39, л. 58.
[30] ЛГИА, ф. 1266, оп. 1, д. 1965.
[31] Петербургские большевики в период подъема первой русской революции. 1905—1907. Л., 1955, стр. 95.
[32] ЦГАОР, ф. ДП, 00, 1897, д. 4, ч. 1, л. 60.
[33] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 303, л. 33.

Директоров предприятий . . .	37
Заведующих	27
Помощников заведующих . .	26
Мастеров	45
Помощников мастеров	24

Из этих цифр обращает на себя внимание количество мастеров-иностранцев: 45%, т. е. почти половина. В том же отчете фабричной инспекции говорится по этому поводу: «Они никогда не учат рабочих и не делятся с ними своею опытностью, боясь создать себе конкуренцию, что является страшным тормозом для русской промышленности».[34] Разумеется, было бы принципиально неправильно распространять обвинение в произволе на всех мастеров-иностранцев, однако несомненно, что определенная часть их смотрела на Россию как на колонию, куда они прибыли на заработки. В записке инспектора Шлиссельбургского участка говорится, что «иностранные мастера и заведующие фабриками (англичане и особенно немцы) в большинстве случаев крайне грубы с рабочими».[35] Не преувеличивая отрицательной роли некоторых мастеров-иностранцев, следует все же признать, что столь большое количество их вызывало дополнительные сложности в положении петербургского рабочего на фабрике.

Обостренные отношения между рабочими и заводской администрацией не раз находили выражение в том, что рабочие требовали увольнения тех или других особенно ненавистных им лиц из числа административного персонала. Особенно часто это случалось в периоды подъема рабочего движения, как например в 1900—1901 гг. в Петербурге. Вот несколько подобных примеров. В январе 1900 г. забастовавшие рабочие Никольской мануфактуры потребовали уволить трех мастеров, отличавшихся грубостью и взяточничеством.[36] В марте того же года двое рабочих табачной фабрики Шапшал избили мастера, который беспричинно увольнял рабочих, а затем заводской коллектив потребовал удалить его совсем.[37] В том же месяце рабочие Невской бумагопрядильни выдвинули требование уволить мастера Бута, угрожая, что в противном случае «они уберут его сами».[38] 2 мая 1900 г. забастовка охватила Александро-Невскую мануфактуру Паля. Среди требований рабочих был пункт об удалении с фабрики одного из мастеров.[39] Точно такое же требование выдвинули в мае 1901 г. рабочие механического и электротехнического цехов Балтийского судостроительного завода.[40]

Все перечисленные заявления рабочих об удалении особо ненавистных хозяйских слуг выполнены предпринимателями не были. Однако тот факт, что среди требований забастовщиков столь часто речь шла о мастерах, говорит сам за себя. Напомним, что и знаменитая петербургская стачка в январе 1905 г., послужившая толчком к началу первой русской революции, возникла в связи с требованием рабочих Путиловского завода уволить пресловутого мастера Тетявкина. Борьба рабочих против гнета и произвола фабричной администрации за свои пролетарские права и человеческое достоинство была весьма существенной и важной частью рабочего движения в целом.

Еще до начала революции 1905 г. в правительственных сферах все чаще задумывались над тем, чтобы предоставить рабочим кое-какие права с целью отвлечь их от революционной борьбы на путь тред-юнионизма. Зубатовщина становилась государственной политикой. Так появился на свет закон от 10 июня 1903 г. о фабричных старостах. Никакими реальными правами старосты не пользовались. Все их полномочия сводились к тому, чтобы заявлять правлению «о нуждах и ходатайствах» рабочих, а самим рабочим должны передаваться через старост «как распоряжения управления предприятия, так и разъяснения по сделанным им заявлениям».[41] На всякий случай в законе был весьма важный пункт: «Старосты, не удовлетворяющие своему назначению, могут быть устранены от исполнения своих обязанностей распоряжением губернатора и до истечения срока...». Но даже и эти весьма и весьма ограниченные в своих правах старосты не вводились повсюду обязательным постановлением, а могли быть избраны лишь с согласия фабрикантов и разрешения присутствий по фабричным и горнозаводским делам.

Этот мертворожденный закон не получил широкого применения нигде, в том числе и в Петербурге. Известно, что фабричные старосты были избраны на Балтийском заводе и еще нескольких предприятиях, однако нет никаких данных об их сколько-нибудь заметной деятельности. В документах фабричной инспекции зафиксировано лишь два любопытных эпизода в связи с появлением старост. Управляющий завода Лангензипена сообщал в инспекцию 4 мая 1905 г., что избранные на заводе старосты «уклонялись от принятия указанных званий и сопряженных с тем обязанностей, и только после увещевательных переговоров с ними и назначения дополнительных выборов взамен отказавшихся нам, наконец, удалось довести выборы до положенного

---

34 Там же, л. 37 об.
35 Там же, л. 30.
36 Там же, д. 39, лл. 22—23.
37 Там же, д. 144, лл. 3—4.
38 Там же, д. 36, л. 38.
39 Рабочее движение в России в XIX веке, т. IV, ч. 2. М., 1963, стр. 480.
40 ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 13, л. 52 об.
41 ЦГИА, ф. 150, оп. 1, д. 481, л. 1.

результата».[42] Трудно придумать более убедительное доказательство ненужности института фабричных старост для рабочих.

Зато имеется другой пример, когда рабочие воспользовались куцыми правами старост для выдвижения своих наболевших требований. И тогда деятельность старост сразу же вызвала конфликты с администрацией. На Кабельном заводе в начале 1904 г. старосты выдвинули перед правлением ряд весьма скромных требований экономического порядка. Тотчас же началось контрнаступление. Мастера завода коллективно пожаловались в фабричную инспекцию: «С введением в 1903 г. новых правил для старост на нашем заводе недоразумения между старшими мастерами отделений и рабочими, а также частые перебранки между последними являются огромным препятствием для успешного выполнения работ».[43] Однако случай с деятельностью фабричных старост на Кабельном заводе был, по-видимому, явным исключением из правил. Вскоре начавшаяся первая русская революция заставила забыть об этом куцом законе даже самих его создателей.

Полное бесправие русского рабочего на фабрике, отсутствие каких-либо гарантий его положения, произвол, а порой и прямые насилия администрации и хозяев — все это, наряду с чисто экономическими факторами, поднимало рабочих на борьбу. Сами капиталисты, отнимая у пролетариев всякую возможность добиваться улучшения своего положения путем соглашений и компромиссов, подталкивали рабочий класс на активное сопротивление. Забастовка — вот было единственное средство разрешения всех больших и малых вопросов фабричной жизни. Так складывался революционный боевой дух русского рабочего класса.

[42] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 191, л. 116.
[43] Там же, д. 368, л. 1.

ГЛАВА VI

ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ И ТРАВМАТИЗМ. МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ

В 1902 г. в журнале заседаний крупнейшего в Петербурге и в России предприятия по производству резиновой обуви «Треугольник» был отмечен следующий факт: «Юрий Чернецкий при переносе железной полосы в 2.5 аршина упал с лестницы. Перелом левой руки, сотрясение мозга, возможен перелом черепа». Правление постановило: «Принять к сведению».[1] На этом дело окончилось.

Случай с рабочим Чернецким и отношение к этому происшествию со стороны заводской администрации были чрезвычайно типичными. В начале XX в. рабочий класс России еще не был достаточно организован, чтобы отстаивать свои права. Капиталисты пользовались этим для ничем не ограниченной эксплуатации физических сил рабочего. Между тем, интенсификация труда на высокоразвитых петербургских предприятиях была в ту пору уже достаточно велика. Ушибы, ожоги и другие увечья являлись бытовыми событиями фабричной жизни.

На IX съезде русских врачей доктор Л. Б. Бертенсон, говоря о распространении травматизма среди рабочих, заявил: «Мероприятий по предупреждению вредных для здоровья рабочих влияний у нас почти что нет. Кроме элементарных правил предосторожности, соблюдаемых, и то в виде исключения, при наиболее вредных производствах, на наших фабриках и заводах почти ничего не делается в смысле оздоровления опасных профессий».[2] Чиновники фабричной инспекции, в обязанности которых входило, в частности, и наблюдение за безопасностью рабочих, хладнокровно констатировали в своих отчетах полное отсутствие охраны труда на предприятиях. Инспектор Тимофеев, осмотрев новый корпус завода Лангензипена, отметил, что «не ограждены боковые передачи» у станков, а также «наклонные и подвесные ремни», «вентиляция недостаточна» и т. д.[3] Никаких мер для устранения подобных фактов органы царской администрации не принимали.

[1] Б. И. Шабалин. Фабрика на Обводном. Л., 1949, стр. 82.
[2] Врач, 1902, № 3, стр. 89.
[3] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 191, л. 81.

В начале XX в. рабочие были совершенно бесправны в смысле каких-либо гарантий на получение пособия в случае увечья. В законодательстве этого времени существовало такое спасительное для фабрикантов понятие, как «неосторожность» рабочего. Практически любой «несчастный случай» можно было квалифицировать таким образом. В феврале 1901 г. старший фабричный инспектор Петербургской губернии должен был одновременно рассмотреть жалобы трех рабочих, получивших увечья. Один из них — с Нарвской льнопрядильни — «попал пальцем в зубчатое колесо», второй рабочий с той же фабрики, занятый у парового молота, получил повреждение лица, и третий — с лесопильного завода — «получил пилой разрез левой груди».[4]

Старший фабричный инспектор дал свое заключение на все три случая. О первом он сказал, что рабочий «попал пальцем в зубчатое колесо по собственной небрежности», ибо оно, мол, имеет ограждения. Второй «несчастный случай должен быть отнесен к профессиональному риску, т. к. никаких ограждений при наковальне устроено быть не может». И, наконец, третий рабочий «пострадал по собственной вине, т. к. вздумал поработать пилой самостоятельно».[5] Итак, все трое рабочих, получивших тяжелые увечья, остались без пособий, ибо допустили «неосторожность», а следовательно — были виноваты сами в своем несчастье.

О количестве и характере травматических повреждений рабочих на заводах Петербурга будет подробно сказано ниже. Отметим, однако, что травматизм был отнюдь не единственным врагом здоровья и жизни пролетария. Невыносимо тяжелые условия труда порождали столь же тяжелые профессиональные болезни. Однако вплоть до революции 1905 г. рабочий, потерявший таким образом трудоспособность, не мог рассчитывать ни на какое, даже единовременное пособие. Фабричный инспектор С. Гвоздев, находясь уже в отставке, опубликовал свои «Записки», в которых коснулся, в частности, вопроса о профессиональных заболеваниях рабочих в начале XX в. Он писал: «Если бы можно было подсчитать число рабочих, лишившихся трудоспособности и умерших вследствие профессиональных заболеваний, то, наверное, таковых оказалось бы во много раз больше, чем пострадавших в той же степени по несчастным случаям за одинаковый период времени».[6]

На XI Пироговском съезде врач А. Н. Винокуров прочитал доклад о санитарном состоянии и медицинской помощи на петербургских фабриках и заводах в конце XIX—начале XX в. Докладчик отметил чрезвычайно тяжелые условия труда рабочих и

[4] Там же, д. 247, л. 2.
[5] Там же, л. 4.
[6] С. Гвоздев. Записки фабричного инспектора. (1894—1908 гг.). М., 1911, стр. 187.

признавал состояние фабричных помещений весьма неудовлетворительным. Далее А. Н. Винокуров перечислил наиболее опасные факторы, от которых страдали рабочие столичных предприятий: «Отсутствие вентиляции, предохранителей от пыли, вредных газов и паров, примитивная техника, тяжелая ручная работа, участие женщин и детей во вредных для здоровья производствах, загрязнение сточными водами рек и других водоемов».[7]

Эти слова коротко и точно характеризуют условия труда рабочих на предприятиях промышленного Петербурга в начале XX в. Все имеющиеся источники, в том числе и те, которые исходят от правительственных учреждений, дают сходную картину положения рабочего на фабрике. В фонде фабричной инспекции сохранилось много жалоб рабочих различных предприятий на невыносимые условия труда. В коллективном заявлении рабочих судостроительной верфи Ф. Р. Ильс говорилось, что работать приходится «в таких холодных мастерских, где и помину нет о каком-либо отоплении, не говоря уже об отсутствии кипяченой воды... Для утоления жажды надо бегать на прорубь к Невке».[8] Стоит лишь добавить, что вода в Неве и ее притоках была в сильнейшей степени загрязнена сточными водами. Вот другой пример — заявление рабочих Василеостровской льнопрядильни от 26 июня 1901 г.: «Машин никогда не чистят, страшная вонища, пыль, жарко и душно, особенно женщинам. 11 часов нужно выстаивать за каких-нибудь 40 копеек в такой вредной для здоровья пыли, хотя можно избегнуть этого, на то и есть вентиляторы, только никогда не бывают в ходу, только когда бывает комиссия. А так друг дружки не видим от пыли».[9] Можно привести множество такого рода красноречивых свидетельств, исходящих от самих рабочих, об условиях труда на петербургских фабриках.

Санитарные врачи Петербурга аккуратно фиксировали многочисленные факты преступного отношения предпринимателей к жизни и здоровью рабочего. Некоторые из этих фактов попадали в официальные отчеты. Так, например, санитарный врач Петергофского участка нарисовал в 1903 г. следующую картину условий труда на подведомственных ему предприятиях: «Тентелевский химический завод. Добывание кислот сопровождается обильным выделением их в рабочее помещение, предохранителей никаких... Цинковальный завод Трайнина в Бородинском переулке. Прокатка железных листов в цинковальных ваннах и при лужении сопровождается обильным выделением копоти и едких продуктов разложения жирных масел от

[7] А. Н. Винокуров. Санитарное состояние и медицинская помощь на фабриках и заводах Петербургской губернии (1885—1908). Тр. XI Пирог. съезда, т. II, СПб., 1911, стр. 316.
[8] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 274, л. 52.
[9] Там же, д. 203, л. 7.

высокой температуры... Триумфальная бумагопрядильная мануфактура в Болдыревом переулке... Трепальная машина выделяет массу пыли, между тем комната очень мала, вытяжки и вентиляторы действуют очень неудовлетворительно... На Путиловском заводе. В чугунолитейной [мастерской] полное отсутствие искусственных приспособлений... для быстрого удаления окиси углерода и других едких газов. В переполненной ими мастерской рабочие остаются довольно долго и даже формуют».[10]

Нарушение элементарных санитарных норм на капиталистических предприятиях постоянно отмечалось в прокламациях социал-демократических организаций. В листовке «К ткачам Никольской мануфактуры Чешера» (январь 1900 г.) описывалось, как рабочим приходится втягивать зубами детали челноков и как при этом они «проглатывают массу дряни». И далее: «Самовары никогда не чистят, вода грязная и пахнет ржавчиной, часто холодная, не прокипяченная, а ведь водопровод фабричный без фильтра».[11]

Как же реагировали на подобного рода устные и печатные заявления чиновники фабричной инспекции? Старший фабричный инспектор Петербургской губернии С. А. Лебедев провел расследование приведенных в указанной листовке фактов на мануфактуре Чешера. В своем заключении на этот предмет он писал: «Вода для питья рабочих берется из реки Большой Невки... Вода эта недоброкачественна и имеет грязноватый оттенок и на фабрике не фильтруется... Вентиляция на фабрике неудовлетворительна, что доказывается спертым воздухом некоторых мастерских и высокою температурою».[12] Далее старший инспектор указывал на другие недостатки в санитарном состоянии фабрики, а затем меланхолически признал, что «перечисленные выше неправильности... были известны фабричной инспекции и об изменении их велись переговоры с заведующим около уже одного года...», но только теперь «будут приняты меры».[13] Меры действительно были приняты. Они выразились в том, что Лебедев отправил письмо Чешеру с предложением устранить некоторые безобразия на фабрике. В ответ была получена отписка, в которой все факты отрицались.[14] Письмо Чешера приобщили к делу, и на этом «меры» фабричной инспекции были исчерпаны. Неудивительно, что через год, посетив эту же мануфактуру, Лебедев должен был признать, что «воздух в некоторых отделениях фабрики крайне испорчен. Мое требование об устройстве вентиляции не исполнено...».[15]

[10] Отчеты санитарных врачей Петербургского губернского земства за 1903 г. СПб., 1904, стр. 117—119.
[11] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 39, л. 23.
[12] Там же, л. 38.
[13] Там же, л. 39.
[14] Там же, л. 41.

Об изнуряющем влиянии фабричного труда на организм рабочего постоянно говорили передовые русские врачи. Выступая на I Всероссийском женском съезде, доктор Н. А. Кириллова так характеризовала условия труда рабочих текстильной промышленности в начале XX в.: «Сотрясение пола на многоэтажных ткацких фабриках вызывает потерю чувства равновесия, головокружение, неврастению. Головокружения при фабричной тесноте умножают несчастные случаи. У женщин сотрясение пола вызывает несвоевременные роды...».[16] На химических предприятиях вредное воздействие производственных процессов было особенно велико. «На резиновой мануфактуре, — продолжала далее Кириллова, — запахом резины пропитываются все вещи. Голодная собака не ест того мяса, которое пролежало на фабрике дватри часа... Приходящему в первый раз делается дурно. Но потом привыкают, едят и пьют в отвратительном зловонии фабрики. Вот только грудные младенцы, по неразумению своему, никак не могут примириться с особенностями капиталистического строя. Они не берут грудь у матери и умирают медленной смертью».

Вряд ли в лучших условиях трудились многочисленные в Петербурге рабочие-полиграфисты. Очевидец описывал, что под типографии заняты «тесные, грязные помещения, находящиеся часто в подвальных этажах, воздух насыщен свинцовой пылью...». Неудивительно, что в подобных условиях «неизбежным достоянием почти каждого рабочего становился туберкулез, который называется общепролетарской болезнью, но преимущественно, добавим мы, болезнь рабочих, занятых в печатном деле».[17]

Сохранилось достаточное количество описаний и ярких примеров поистине трагической судьбы рабочего на петербургской фабрике (а это были лучшие по оборудованию предприятия России!). Однако наибольшую ценность представляют собой, на наш взгляд, статистические данные различных официальных и полуофициальных обследований заболеваемости и травматизма петербургских рабочих.

Обратимся к официальному источнику — отчетам фабричных инспекторов, где с 1901 г. имеется специальный раздел о «несчастных случаях» на предприятиях России. Общее количество получивших травмы рабочих Петербургской губернии и их про-

[15] Там же, л. 39.
[16] Н. А. Кириллова. Женщина — работница крупной промышленности. Тр. I Всеросс. женского съезда, СПб., 1909, стр. 296.
[17] К. Дмитриева. Женский труд в графическом деле. Тр. I Всеросс. женского съезда, стр. 315.

цент ко всему числу фабрично-заводских рабочих в начале XX в. было следующим: [18]

Годы	Число рабочих, получивших увечья	В том числе тяжелые	% увечных ко всему числу рабочих
1901	4683	184	2.3
1902	4701	114	3.0
1903	4900	161	3.2
1904	12734	283	8.3

Прежде всего отметим резкое увеличение числа потерпевших рабочих в 1904 г. Это объясняется только лишь улучшением медицинского учета. 2 июня 1903 г. был принят закон о вознаграждении получивших увечье рабочих. Закон вступал в силу с 1 января 1904 г., причем предприниматель, скрывший факт несчастного случая, мог подвергнуться штрафу. Какой бы символической ни была эта угроза штрафа, какое бы малое значение ни имел этот закон, однако число увечных рабочих, отмеченных в официальных отчетах, резко возросло. Можно заключить, что до 1904 г. значительная часть получивших повреждение рабочих вообще не учитывалась фабричной статистикой. Но и после принятия закона 1903 г. официальные данные о числе «несчастных случаев» на заводах оставались, по всей вероятности, заниженными. Скрывали — по вполне понятным причинам — количество получивших повреждения рабочих фабриканты. Однако и сами рабочие часто были вынуждены не заявлять об увечье. В записках С. Гвоздева дается такое объяснение на этот счет: «Сплошь и рядом потерпевший принуждается пойти на предлагаемое ему невыгодное для него соглашение, даже не делая попытки добиться признания действительной, более высокой степени утраты трудоспособности, тем соображением, что если он сразу согласится, его оставят на фабрике, а если будет настаивать на получении вознаграждения в большем размере, то ему выдадут расчет».[19]

Итак, общее количество рабочих, получивших увечья на предприятиях Петербурга, нельзя установить по данным фабричной инспекции. Наконец, в этой статистике никак не отражались рабочие, потерявшие трудоспособность вследствие профессиональных и обычных заболеваний. В фонде фабричной инспекции Петербургской губернии сохранился документ, который дает возможность подсчитать, рабочие каких профессий отличались наибольшим травматизмом. По неполным данным старшего фабричного инспектора за 1900 г., на предприятиях Петербургской губернии рабочими было заявлено о 3041 «несчастных случаях».[20] Среди основных отраслей промышленности число рабочих, получивших увечья, распределялось следующим образом:

Металлисты	1503	49.4%
Текстильщики . . .	767	25.3
Химики	214	7.0
Деревообделочники . .	142	4.7
Бумажники	127	4.2
Прочие профессии . .	288	9.4
Итого . . .	3041	100%

Итак, печальное первенство по числу увечных занимали металлисты — почти половина всех получивших повреждения.

Между тем, количество металлистов составляло 39.6% всех рабочих подведомственных инспекции предприятий, — следовательно, случаи травматизма были у металлистов относительно чаще, чем у всех пролетариев в целом. То же самое можно сказать и о текстильщиках. В совокупности же обе эти ведущие отрасли петербургской промышленности давали более трех четвертей общего количества получивших увечья рабочих.

Более подробно вопрос о травматизме и заболеваемости петербургских металлистов можно проследить при анализе данных по двум предприятиям: Балтийскому судостроительному казенному заводу и Механическому заводу акционерного общества Вестингауза. По Балтийскому заводу мы располагаем подробными статистическими таблицами, составленными в 1909 г. делопроизводителем правления А. Н. Чиколевым. Травматизм и заболеваемость рабочих завода в начале XX в. характеризуется следующими данными: [21]

Годы	Число рабочих	Число травмированных	В % ко всему числу рабочих	Число больных	В % ко всему числу рабочих
1902	6945	3504	50.5	6962	100.2
1903	5199	3149	61.5	7398	144.5
1904	5169	2980	57.6	6915	133.7
1905	5220	2153	41.2	6361	121.4
1906	4313	3018	70.0	6557	152.0

Если сравнить данные относительно процентной доли рабочих, получивших травмы на Балтийском заводе, с общими данными

[18] Таблица составлена нами по данным отчетов фабричных инспекторов за соответствующие годы.

[19] С. Гвоздев, ук. соч., стр. 199.

[20] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 231, л. 228.

[21] Подсчитано нами по материалам книги: А. Н. Чиколев. Опыт исследования по влиянию заводских работ на заболеваемость и состояние здоровья рабочих. СПб., 1909, Приложение, табл. 1—5. — А. Н. Чиколев считался в бюрократических сферах «большим знатоком рабочего вопроса на механических заводах Петербурга» (см.: А. Л. Блек. Условия труда рабочих на петербургских заводах по данным 1901 г. Архив ист. труда в России, 1921, № 2, стр. 69).

в отчетах фабричной инспекции, то заниженность последних становится особенно очевидной. В среднем за рассматриваемые годы более половины всех рабочих-балтийцев получили разного рода увечья. Если даже учесть, что некоторые из них в течение года получали повреждения неоднократно, то цифры, приводимые Чиколевым, все равно остаются чрезвычайно высокими, а между тем составитель таблиц никак не был заинтересован в том, чтобы сгущать краски. При этом надо все время иметь в виду, что Балтийский завод был одним из самых высокотехничных предприятий Петербурга, с весьма квалифицированной рабочей силой, — следовательно, здесь средний процент травматизма должен был быть ниже, чем на других промышленных заведениях столицы и России в целом.

Высокая степень увечий рабочих на производстве имела своим источником, наряду с отсутствием техники безопасности, также многочасовой изнурительный труд. Это отмечал уже фабричный инспектор С. Гвоздев: «С сокращением рабочего времени, — писал он, — число несчастных случаев уменьшается».[22] В конце рабочего дня и особенно в конце рабочей недели травматизм на Балтийском заводе заметно возрастал. Если подсчитать тяжелые повреждения (ранения) рабочих по дням недели, то получится следующая картина: [23]

День недели	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	Всего	В % ко всему числу травм
Понедельник	1	4	7	5	—	17	14.2
Вторник	4	3	2	6	3	18	15.0
Среда	4	3	1	6	2	16	13.3
Четверг	2	5	4	2	6	19	15.8
Пятница	6	2	3	6	6	23	19.2
Суббота	4	7	6	2	2	21	17.5
Воскресенье	1	3	—	1	1	6	5.0
Итого	22	27	23	28	20	120	100%

Как видно, в первую половину рабочей недели (в среднем за пятилетие) доля рабочих, получивших травмы, остается примерно на одном уровне (около 14%), но с четверга количество увечий начинает неуклонно возрастать, достигая самой высокой степени в субботу. Надо учесть, что субботний рабочий день был укороченный; следовательно, если пересчитать число повреждений в соответствии с полным рабочим днем, то на последний день недели приходилось бы уже не 17.5%, а 20.4% всего количества травмированных.

[22] С. Гвоздев, ук. соч., стр. 183.
[23] Подсчитано нами по данным А. Н. Чиколева; см.: Опыт исследования по влиянию заводских работ на заболеваемость и состояние здоровья рабочих, стр. 32—36.

Весьма высокой была на Балтийском заводе и заболеваемость рабочих. За 1902—1906 гг. число заболевших превышало 100% наличного состава рабочих в среднем за год (часть из них опять-таки болела неоднократно). Средняя продолжительность болезни за пятилетие колебалась незначительно: от 10.9 дней в 1902 г. до 12.9 дней в 1906 г.[24] Этот срок заболевания является довольно продолжительным и подтверждает тот широко известный факт, что легкие недомогания пролетарий переносил у станка. Из этого можно сделать важный вывод о том, что статистика Чиколева учитывала в основном тяжелые заболевания, связанные с более или менее длительным пребыванием дома или в больнице.

Данные по Балтийскому заводу позволяют установить прямую связь между заболеваемостью и условиями труда рабочих. Оказывается, что легочными болезнями страдали преимущественно сборщики, сверловщики, плотники и маляры, т. е. рабочие, которым приходилось вдыхать металлическую или иную пыль. Сердечные заболевания были наиболее распространены среди кузнецов и молотобойцев, подвергавшихся тяжелым физическим нагрузкам. Наконец, наибольшее число грыжевых заболеваний дали машинисты и кочегары.[25] И вообще уровень заболеваемости и травматизма рабочих завода был тесно связан со степенью физического перенапряжения. Это видно из следующих данных: самый высокий процент травм и заболеваний получали рабочие такелажного цеха (321.1%) и клепально-чеканного (255.7%). В то же время аналогичные показатели у низшего административного персонала (конторщики, чертежники, писари) составляли всего 85.3%.[26] Разница оказывается весьма значительной.

Сходную картину заболеваемости рабочих обнаруживают данные по заводу «Вестингауз». Статистические данные по этому предприятию были собраны заводским врачом К. Солонцевым. Общее количество больных и получивших травмы рабочих за пятилетие 1900—1904 гг. было таково: [27]

Годы	Число рабочих	Число заболеваний	% заболеваемости
1900	819	597	74
1901	1346	727	55.8
1902	1457	2319	161
1903	1119	2365	213
1904	908	2152	239

Процент заболеваемости рабочих на заводе «Вестингауз» в 1903—1904 гг. был выше, чем на Балтийском заводе, хотя сред-

[24] Там же, стр. 19—23.
[25] Там же, стр. 13.
[26] Там же, стр. 12.
[27] К. Солонцев. О заболеваниях рабочих на заводе «Вестингауз» (1899—1908 гг.). Вестник обществ. гигиены, суд. и практ. медицины, 1911, февраль, стр. 195.

ние показатели в обоих случаях приблизительно равны. Согласно подсчетам К. Солонцева, травматические повреждения составляли в среднем 28% из общего числа указанных в таблице заболеваний,[28] т. е. примерно ту же долю, что и у судостроителей. 35% всех несчастных случаев приходилось на повреждения пальцев рук и самих кистей, 28% составляли глазные повреждения — следствие попадания в глаза наждака и металлической стружки. Довольно часто происходили повреждения уха, что, по словам К. Солонцева, является результатом хронического засорения слухового прохода угольной пылью.[29]

Столь же типичными для производственных условий того времени являлись и заболевания рабочих на заводе «Вестингауз». 20% составляли различные формы бронхита. «Это заболевание зависит от вдыхания пыли, что подтверждает и характер выделяемой при кашле мокроты», — комментирует эту цифру К. Солонцев. На втором месте среди болезней стоит катар желудка и кишок, что объясняется, по словам врача, «плохим питанием рабочих и недоброкачественными пищевыми продуктами».[30]

Единственным источником для детального исследования заболеваемости рабочих текстильной промышленности является справка, составленная в начале 1900 г. фабричной инспекцией по данным 1899 г. для 14 крупнейших прядильно-ткацких фабрик Петербурга. Данные эти касаются, правда, только женщин-текстильщиц, но они составляли в тот период времени свыше 55% всех рабочих этой отрасли промышленности. Заболеваемость работниц на различных предприятиях представлена в следующих цифрах:[31]

Фабрика	Общее число работниц	Общее число заболеваний
Бумагопрядильня Л. Бека	291	673
Бумагопрядильня Л. Кенига	850	1506
Российская бумагопрядильня	311	705
Митрофаньевская бумагопрядильня	541	3498
Сампсониевская бумагопрядильня	798	712
Новосампсониевская бумагопрядильня	230	612
Невская бумагопрядильня и ниточная мануфактура	2420	2098
Охтенская бумагопрядильня	292	1935
Бумагопрядильня «Невка»	560	1987
Петровская и Спасская бумагопрядильни	1515	3584
Резвоостровская мануфактура	119	475
Северная ткацкая мануфактура	210	1629
Тюлевая фабрика	160	700
Итого	8297	20114

[28] Там же, стр. 196.
[29] Там же, стр. 198.
[30] Там же, стр. 196—197.
[31] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 211, лл. 28—29.

Безусловно, что не все эти цифры являются точными. Это признавали сами авторы документов, которые отметили, что сведения «собраны с большим трудом», ибо учет больных на большинстве предприятий не поставлен вовсе, а там, где он существовал, его плохо вели. Действительно, на Митрофаньевской бумагопрядильне заболеваемость рабочих составляет по отчету свыше 600%, а на сходной по характеру и размерам Сампсониевской бумагопрядильне — менее 100%. Сказанное заставляет относиться к приведенным данным с осторожностью, однако за неимением лучшего источника можно попытаться сделать некоторые выводы о заболеваемости текстильщиц на основании этого.

Итак, средняя заболеваемость на ткацких фабриках составляла 247%. Эта сама по себе весьма высокая цифра, по-видимому, несколько занижена за счет значительной текучести состава работниц-текстильщиц, которая отмечалась в больших масштабах, чем среди квалифицированных металлистов, и составляла по данным фабричных инспекторов до 50%.[32] При всей неполноте и неточностях источника сам факт более высокой заболеваемости текстильных рабочих (и тем более работниц) не вызывает сомнений, так как зарплата и общий жизненный уровень у этой категории пролетариата были ниже, чем у металлистов. И здесь основное место среди заболеваний занимают желудочно-кишечные (25.1%) и легочные (16.6%). Из других болезней, распространенных среди текстильщиц, следует назвать ревматизм (8.3%). Травматические повреждения у ткачей составляли только 9.5%, т. е. много ниже, чем у металлистов. Это объясняется тем, что работа у ткацких станков была менее опасной, чем у металлорежущих, на сборке и т. п.

Наконец, в отчете содержатся очень скупые сведения о смертности работниц. За весь 1899 г. отчет фиксировал смерть 22 текстильщиц. В этой связи следует привести обширную, но весьма многозначительную цитату авторов документа: «Данные, собранные о смертности работниц, крайне скудны; это объясняется тем, что рабочие, отправляясь в больницу, просят и всегда получают расчет, после чего фабрика узнает об их смерти только по ходатайствам о выдаче пособия из штрафного капитала на погребение умершего. Если же такового капитала нет или ходатайство о смерти не поступит, то смертный случай остается большей частью фабричной администрации неизвестным».[33] Как

[32] Там же, л. 27.
[33] Там же, л. 26 об,

видно, текстильщицы, как и другие рабочие Петербурга и их собратья по классу во всей России, подорвав здоровье на фабрике, умирали, не получая никакой помощи, и напоминанием об их гибели являлась — и то далеко не всегда! — только просьба о выдаче денег на их погребение.

Травматизм и заболеваемость даже у ведущих категорий фабрично-заводского пролетариата — металлистов и текстильщиков — оказались очень большими. Однако надо иметь в виду, что эти рабочие были сосредоточены в основном на крупных предприятиях и находились все же в несколько лучших условиях, чем другие слои пролетариата. Об этом говорят данные о заболеваемости других профессиональных групп рабочих столицы.

Крупнейшим предприятием химической промышленности Петербурга был казенный Охтенский завод взрывчатых веществ. Рабочие этого завода постоянно страдали от воспламенения и взрывов пороха, что часто приводило к человеческим жертвам. Такие явления назывались на официальном языке деликатным словом «вспышки». По данным врача А. А. Артемьева, за неполных 14 лет (с мая 1897 по конец 1910 г.) на Охтенском заводе произошло 225 таких «вспышек», причем 172 из них закончились увечьем и смертью рабочих: было ранено 180 чел. и 6 убито.[34] За изучаемое время число «вспышек» на заводе было следующим:[35]

1900 г. . . .	10	1904 г. . . .	24
1901 г. . . .	19	1905 г. . . .	53
1902 г. . . .	17	1906 г. . . .	11
1903 г. . . .	17		

Обращает на себя внимание резкое увеличение несчастных случаев в 1904—1905 гг. Это было вызвано интенсификацией работ на заводе во время русско-японской войны, когда рабочие вынуждены были много трудиться сверхурочно. Повышенная утомляемость способствовала числу аварий. За эти два года произошла треть всех взрывов четырнадцатилетнего периода.

Аналогичная картина, как будет показано далее, существовала и на других пороховых заводах. В 1902 г. санитарный врач Н. Н. Рубель обследовал ряд пригородных заводов Петербурга. Им приведены сведения о травматизме и заболеваемости на этих предприятиях, которые содержатся в следующей таблице:[36]

[34] А. А. Артемьев. Условия работ в технических заведениях артиллерийского ведомства и постановка здесь медицинской помощи рабочим. Тр. II Всеросс. съезда фабр.-зав. врачей и представ. фабр.-зав. промышл., вып. 1, 1911, стр. 19.

[35] Там же, стр. 21.

[36] См.: Отчеты санитарных врачей Петербургского губернского земства за 1902 г. СПб., 1903, стр. 216—217.

Предприятие	Число рабочих	Ушибы	Раны	Ожоги	Прочие повреждения	Всего
Пороховой на Неве . . .	771	71	157	47	34	309
Пороховой на Тосне . . .	306	96	92	34	4	226
Химический Ириновского общества	780	132	276	247	30	685
Лесопильный Беляева . . .	151	19	46	14	6	85
Бумажная фабрика Паллизен	289	73	130	44	6	253

Как видно, на всех пяти предприятиях число травматических повреждений достигало очень большой цифры относительно общего количества рабочих. Только на одном заводе (Пороховой на Неве) число травм в год составляло менее 50% к численности рабочих, а на остальных четырех эта величина приближалась к 100%. Характерно, что на трех химических предприятиях были очень распространены ожоги, что, по-видимому, связано с частыми авариями (как и на Охтенском). На лесопильном заводе основную часть травм составляли различного рода раны, что говорит о крайне плохом состоянии безопасности труда.

Сохранилось очень мало данных о травматизме и заболеваемости тех категорий рабочих, которые не были подведомственны фабричной инспекции. Вот почему столь большой интерес представляют сведения Л. Н. Чиколева о несчастных случаях среди строительных рабочих Петербурга. По словам Л. Н. Чиколева, «строительные работы относятся к числу наиболее опасных, статистики же несчастных случаев у нас не имеется...».[37] Косвенным источником сведений о травматизме среди строителей являются данные основанного в 1882 г. в Петербурге «Общества пособия рабочим, пострадавшим при постройках». За 25 лет (с 1882 по 1906 г.) это общество оказало пособие 2871 рабочим.[38] Разумеется, это лишь небольшая часть всех пострадавших строителей, ибо «пособия выдавались лишь получившим наиболее тяжелые повреждения», а смертные случаи составляли «почти $^1/_4$ числа зарегистрированных пострадавших, коим выдавалось пособие».[39] Л. Н. Чиколев рсполагал данными о 1633 пострадавших. Это означает, что около 400 из них погибли непосредственно на строительстве.

Наиболее часто оказывались в числе пострадавших плотники (27.8% всех несчастных случаев) и каменщики (18%), ибо им приходилось строить каркас здания и случаи падений были среди них особенно частыми. Напротив, работавшие в относи-

[37] Л. Н. Чиколев. Материалы к страхованию строительных рабочих от несчастных случаев. Тр. II Всеросс. съезда фабр.-зав. врачей и представ. фабр.-зав. промышл., вып. 2, 1911, стр. 176.

[38] Там же, стр. 181.

[39] Там же, стр. 182.

тельно безопасной обстановке печники давали только 2% пострадавших, а переплетчики — всего 0.4%, хотя рабочие этих профессий составляли почти десятую часть всех строителей. При обсуждении доклада Л. Н. Чиколева на II съезде фабрично-заводских врачей В. Н. Борисов привел поистине поразительные факты относительно того, как обеспечивалась «безопасность труда» петербургских строителей: «Наибольшее число несчастных случаев, приходящееся на октябрь, а также на сентябрь месяцы,[40] не находится ли в связи с тем, что в нашей северной полосе принято в эти месяцы давать водку во время работы? Становится холодно... строительные работы спешат закончить, работа лихорадочно торопливая и для „согревания" и поощрения работы подрядчики от себя угощают каменщиков водкой и иногда очень щедро, так что нередки пьяные во время работ...».[41] Не подлежит сомнению, что строительные рабочие наиболее часто расплачивались собственной жизнью за отсутствие охраны труда.

Здесь следует остановиться на вопросе об алкоголизме, который был в изучаемое время непременной принадлежностью быта городских окраин. Немалая часть петербургских рабочих — число их невозможно установить в точности — также была подвержена алкоголизму. В значительной мере распространение пьянства среди рабочих было обусловлено тяжелой работой, плохими бытовыми условиями, частым нарушением нормальной семейной жизни (семья оставалась в деревне), а также отсутствием каких-либо возможностей для культурного досуга.

Кабак — вот единственная форма клуба, существовавшая на городских окраинах. В 3-м участке Александро-Невской части не имелось ни одного, даже временного театра, но зато были открыты 10 питейных домов, 80 портерных лавок, 50 ренсковых погребов.[42] На другой рабочей окраине в противоположном конце города, в 3-м участке Васильевской части, полицейские врачи в обследовании 1897 г. обнаружили следующую картину: «Для развлечения рабочих на Малом проспекте имеется значительное количество трактиров, портерных, кабаков с гуляющими по панелям проститутками... В дни получения заработной платы наблюдается, например, на Малом проспекте следующее: все трактиры, портерные и кабаки переполнены, около заведений прохаживаются проститутки, тут же боязливо ходят жены, ожидающие выхода своих мужей, пока те еще не спустили свой заработок».[43]

[40] В начале XX в. строительство кирпичных зданий в зимние месяцы свертывалось.

[41] Л. Н. Чиколев, ук. соч., Тр. II Всеросс. съезда..., вып. 4, 1911, стр. 43.

[42] Город Петербург с точки зрения медицинской полиции. Под ред. старшего врача И. Е. Еремеева. СПб., 1897, стр. 547.

[43] Там же, стр. 632.

Неудивительно, что смертность от алкоголизма была весьма нередкой среди рабочих, причем даже среди рабочих квалифицированных. Имеются подробные данные на этот счет за десятилетие, предшествующее изучаемому периоду (1887—1896 гг.). Ввиду того что за более позднее время аналогичных сведений обнаружить не удалось, небезынтересно привести некоторые данные в среднем за все десятилетие для нескольких рабочих профессий:[44]

Профессия	Смертность от алкоголизма (в % к общей смертности)
Кузнецы, молотобойцы	3.4
Слесари, жестянщики	1.8
Кожевники	2.4
Деревообделочники	4.0
Сапожники	4.3
Строители	3.3
Полиграфисты	1.8

Комиссия по улучшению быта рабочих военного ведомства вынуждена была признать в составленной ею записке, что распространению алкоголизма среди рабочих способствует «плохое питание, отсутствие самых примитивных условий гигиены в жилищах и одежде, истощающий своей продолжительностью труд, полное однообразие изо дня в день и безвыходность такого положения...».[45] Причины, порождавшие алкоголизм среди рабочих, названы здесь в общем правильно. Зато меры, предлагаемые комиссией для борьбы с этим злом, были попросту смехотворны: предполагалось удалить кабаки не менее чем на 250 саженей от фабрик, закрывать продажу водки в дни выдачи зарплаты и, наконец, создать среди рабочих общества трезвости...[46] Разумеется, такие средства были почти бесполезны и являлись, по существу, лишь бюрократической отпиской.

Итак, можно считать установленным тот факт, что число рабочих, получавших производственные травмы или профессиональные болезни, было на петербургских предприятиях чрезвычайно высоким. Какую же медицинскую помощь получали эти рабочие в случае травмы или болезни?

Ответ на этот вопрос можно найти, в частности, в материалах XI Пироговского съезда русских врачей. На съезде выступил доктор А. Н. Винокуров с докладом «Санитарное состояние и медицинская помощь на фабриках и заводах Петербургской губернии (1885—1908)». На основе многолетней практики он сде-

[44] Н. А. Ландшевский. Смертность населения Петербурга в зависимости от рода занятий. СПб., 1898, стр. 20, 27, 29, 39, 49, 59.

[45] Труды комиссии по улучшению быта рабочих военного ведомства. Журнал заседаний от 5 апреля 1904 г. СПб., 1905, стр. 1.

[46] Там же, стр. 2.

лал вывод, что в этой области «дело обстоит очень плохо».[47] Развивая в прениях эту мысль, доктор Л. П. Никольский заявил, что в Петербурге «санитарный надзор отсутствует как со стороны фабричной инспекции, так и со стороны санитарных врачей, особенно это проявляется в наиболее фабричных центрах».[48] По докладу А. Н. Винокурова съезд принял резолюцию, в которой говорилось: «Петербургская губернская санитарная организация в течение многолетнего своего существования не проявляла организованности и деятельности в области изучения санитарного состояния фабрик и заводов и в области фактического санитарного контроля».[49] Этот горький вывод передовых русских врачей в полной мере подтверждается имеющимися в нашем распоряжении материалами.

Надо сказать, что неудовлетворительное состояние фабричной медицины меньше всего зависело от самих врачей и медицинского персонала. Напротив, изучая материалы их деятельности, убеждаешься, что преобладающая часть русских врачей трудилась поистине самоотверженно, а многие из них были настоящими подвижниками своего дела. Причина плохого медицинского обслуживания рабочих состоит в том, что капиталисты не желали производить соответствующих затрат, а правительственная бюрократия в лице фабричной инспекции Министерства финансов поддерживала их, снисходительно взирая даже на явное нарушение существующих узаконений. В 1900 г. старший фабричный инспектор Петербургской губернии писал в своем отчете, что постановления столичных властей об оказании врачебной помощи рабочим «хотя и приводятся постепенно в исполнение, но без надлежащей энергии, почему до настоящего времени в большинстве крупных заведений вовсе не ведется книга для записи амбулаторного пользования больных».[50] Вот почему русские врачи могли с полным основанием записать в цитированной резолюции XI съезда, что одна из причин «неудовлетворительного санитарного состояния фабрик и заводов заключается в неудовлетворительном состоянии фабричной инспекции».[51]

Правда, среди представителей так называемой фабричной медицины изредка встречались лица, преданно служившие интересам хозяев. В 1901 г. во время серьезных волнений на Балтийском судостроительном заводе рабочие потребовали, в частности, удалить заводского врача Вернера. Тот подал записку начальнику завода в оправдание своей деятельности. В этом красноречивом документе говорилось: «С первого дня моей службы и до последнего дня моей деятельности мною руководствовало жела-

[47] См.: Тр. XI Пирог. съезда, т. II, СПб., 1911, стр. 316.
[48] Там же, стр. 318.
[49] Там же, стр. 319.
[50] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 211, л. 25.
[51] Тр. XI Пирог. съезда, т. II, стр. 319.

ние и стремление ограждать материальные интересы завода. Не нанося ущерба больным рабочим, мне никогда не приходило и не придет в голову приписывать больному во всяком случае дорогие средства. Этим заводоуправлению принесено значительное сбережение ввиду экономии рабочего времени. Я не допускал напрасного пребывания в лазарете».[52] Но, повторяем, подобные отвратительные исключения были редки среди русских врачей, в частности фабричных. В целом их деятельность заслуживает самой высокой оценки.

Доктор Е. М. Дементьев составил обстоятельный статистический сборник «Врачебная помощь фабрично-заводским рабочим в 1907 г.». Приводимые там данные в целом справедливы и для начала века — с той лишь поправкой, что рабочий класс в ходе революции 1906—1907 гг. добился кое-каких улучшений в этой области. Однако эти улучшения были незначительны, поэтому мы можем применить к изучаемому времени более поздние материалы Е. М. Дементьева. Сведения, приводимые в его сборнике, позволяют установить состояние медицинского обслуживания петербургских рабочих на мелких, средних и крупных предприятиях (см. табл. 7).

По закону от 26 августа 1866 г. об устройстве больниц при фабриках с рабочих взимался так называемый «больничный сбор». Размеры его в различных городах были неодинаковы. В начале XX в. в Петербурге с рабочего взимался в год 1 руб. (в Москве — 1 руб. 25 коп., в Харькове и Ростове — 1 руб., в Иванове-Вознесенске — 75 коп.).[53] На эти средства должна была содержаться фабричная медицина (как видно, она не была бесплатной). По прошествии сорока лет с начала действия закона о «больничном сборе» выяснилось, что из 601 петербургских предприятий, подведомственных фабричной инспекции в 1907 г., «врачебную помощь рабочим в какой-либо, хотя бы и вполне неудовлетворительной форме, оказывают только 248 фабрик (41.3%), то есть меньше, чем во всех крупных городах, взимающих больничный сбор, кроме Астрахани».[54] В Петербурге медицинская помощь рабочим была поставлена хуже, чем во многих других промышленных центрах России. Из данных таблицы явствует, что эту помощь получали 81.3% всех обследованных рабочих. В то же время в Одессе аналогичные показатели достигали 95.8%, в Москве — 82.3%, а в целом по всей России — 84.1%.[55]

По данным табл. 7, в мелких предприятиях Петербурга с числом рабочих до 15 человек медицинская помощь практически

[52] ЦГАОР, ф. 7952, оп. 4, д. 2, стр. 70—71.
[53] Е. М. Дементьев. Врачебная помощь фабрично-заводским рабочим в 1907 г. СПб., 1909, стр. 140.
[54] Там же, стр. 48.
[55] Там же, стр. 13.

отсутствовала (правда, эти рабочие не составляли и 1% всех обследованных). Почти так же плохо обстояло дело и на предприятиях, где было занято по 16—50 человек. Для 41.5% этих рабочих медицинская помощь оказывалась так слабо, что признана неудовлетворительной. Немногим лучше было положение в группе предприятий с числом рабочих от 51 до 100: треть их также обслуживалась неудовлетворительно.

Таблица 7

Медицинское обслуживание рабочих Петербурга на предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, в 1907 г.

	Предприятия с числом рабочих						
	до 15	16—50	51—100	101—500	500—1000	свыше 1000	всего
Общее число рабочих на предприятиях	964	7326	7026	31954	21919	53197	122386
Из них работали на предприятиях с организованной медицинской помощью	85	2110	4675	24552	21551	45091	98064
В %	8.9	28.8	66.7	76.6	96.0	85.1	81.8
Число рабочих на предприятиях с неудовлетворительной организацией медицинской помощи	77	872	1541	1861	—	—	4.351
В %	90.4	41.5	33.0	7.6	—	—	4.7
Затраты на медицинскую помощь на одного рабочего (в руб.)	7.94	5.90	5.21	5.64	4.55	4.97	5.11

Примечание. Составлена нами по материалам книги Е. М. Дементьева (стр. 42, 43, 109).

В средних и крупных промышленных заведениях большинство рабочих все же получали медицинскую помощь, причем по официальным данным она была удовлетворительной. Любопытно, что даже расходы на медицинское обеспечение в среднем на одного рабочего составляли заметно меньшую сумму, чем в целом по стране. По данным табл. 7, в Петербурге эта сумма равнялась 5 руб. 11 коп., а для всей России — 6 руб. 19 коп. Так обстояло дело с медицинской помощью рабочим даже на тех предприятиях, где она должна была оказываться по закону и на средства самих пролетариев.

Итак, на крупных предприятиях рабочие формально были обеспечены врачебной помощью. Встает вопрос, насколько она являлась эффективной? В отчете за 1902 г. санитарный врач Петербургского участка (это был один из самых промышленных

районов столицы) А. В. Амстердамский выделяет как наиболее благополучный Путиловский завод, который «имеет свою аптеку, отдельную амбулаторию, два больничных корпуса (хирургический и терапевтический) на 51 кровать, заразный барак на 26 кроватей и трех постоянных врачей. Три раза в неделю его амбулатория открыта для женщин. . .».[56] Как видно, на 12 000 путиловских рабочих и приблизительно такое же количество членов их семей приходилось всего 77 больничных коек и три врача.

На эти слабые медицинские силы падала забота об огромной армии больных. По сведениям того же А. В. Амстердамского, «за 1900 г. средняя годовая цифра больных рабочих — 21 000, членов их семей — 11 000, всего 32 000, ими сделано 62 000 посещений. Коечным лечением пользовались 1533 человека».[57] Разумеется, не могло быть и речи о сколько-нибудь серьезном лечении при таком большом количестве пациентов. Об этом с огорчением говорит автор отчета: «Даже самая энергичная работа наличного медицинского персонала не в состоянии удовлетворить запросы всего населения. . . Например, многие стесняются ожидать в очереди 2—3 часа и более, так как это равносильно потере половины рабочего дня, половинного заработка, и таким образом бесплатная помощь в сущности оказывается оплаченной довольно дорого».[58] Так обстояло дело с медицинским обслуживанием рабочих на самом крупном заводе Петербурга, где это обслуживание было все-таки получше, чем на других предприятиях.

Такой вывод подтверждается анализом отчета за 1899 г. фабричного инспектора 3-го участка, в ведении которого находилось 64 промышленных предприятия, расположенных за Невской заставой. Оказалось, что только 39 из них имеют постоянных врачей, однако врачи появляются среди рабочих лишь один раз в неделю, а на четырех заводах — даже один раз в месяц.[59] Что можно сказать о медицинской помощи такого рода, особенно если учесть, что многие предприятия насчитывали свыше 1000 рабочих? В то же время — цитируем тот же отчет — «промышленные заведения моего участка больниц не имеют, а больные рабочие отправляются в городские больницы».[60] Картина, нарисованная отчетом для Невской заставы, является типичной для всего пролетарского Петербурга.

Для обобщающих выводов об эффективности медицинской помощи рабочим мы располагаем чрезвычайно интересными материалами о числе больничных коек на предприятиях столицы, собранных в начале 1905 г. фабричной инспекцией. Всего в справке инспекции содержатся данные о 100 различных фабри-

[56] ЛГИА, ф. 224, оп. 1, д. 1815, л. 17.
[57] Там же, л. 18.
[58] Там же, л. 20.
[59] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 231, л. 166.
[60] Там же.

ках и заводах, в том числе крупнейших в городе.[61] В графе документа о количестве больничных коек в каждом заведении в большинстве случаев преобладает цифра «один». Так было не только в мелких, но и в ряде средних предприятий со значительным числом рабочих: масляный завод «Астра» (214 чел.), типография Вольфа (190 чел.), завод жестяных изделий Хаймовича (101 чел.) и т. д.[62]

По нашим подсчетам, на 13 крупнейших предприятиях с числом рабочих более 1000 в каждом была в общей сложности 51 койка в заводских приемных покоях. Наибольшее количество приходилось на резиновую мануфактуру «Треугольник» — 8 коек, но зато число рабочих здесь превышало 5 тыс. чел. Правда, в эти суммарные данные не входят два предприятия, располагавшие собственными больницами. Это Екатерингофская мануфактура (около 700 рабочих), где имелось 10 больничных коек,[63] и уже упомянутый Путиловский завод. Но если даже в этом последнем эффективность врачебной помощи рабочим была весьма невысокой, то во всех остальных предприятиях Петербурга она находилась в совершенно плачевном состоянии. Именно такой отзыв давали делу медицинского обслуживания рабочих сами врачи.

Сказанное в полной мере относится и к казенным заводам. По словам исследователя М. Гордона, в начале XX в. на Обуховском сталелитейном заводе амбулатория и больница были так тесны, что «часто приходилось отказывать рабочим в коечном лечении».[64]

Неудовлетворительная организация медицинской помощи приводила к тому, что рабочие кварталы Петербурга являлись незатухающим очагом эпидемических заболеваний. В промышленном Петергофском участке в рабочем поселке Путиловского завода в течение 1899—1902 гг. бытовали массовые случаи брюшного тифа, кори, дифтерита и даже оспы. Особенно многочисленны были случаи заболевания брюшным тифом. Говоря об этом, врач А. В. Амстердамский в уже цитированном отчете за 1902 г. делал следующий вывод: «Причина такого явления, кроме культурного уровня населения и степени его экономической обеспеченности, заключается еще в *неудовлетворительной организации лечебной медицины*».[65]

Рабочие с тяжелыми заболеваниями, не надеясь на фабричную медицину, зачастую уезжали на родину в деревню. Один из санитарных врачей Петербурга сообщал в городскую санитарную

[61] Там же, д. 406.
[62] Там же, лл. 42, 46.
[63] Там же, л. 13.
[64] М. Гордон. Рабочие на Обуховском сталелитейном заводе. Архив ист. труда в России, 1923, № 9, стр. 69.
[65] ЛГИА, оп. 1, д. 1815, л. 37 (подчеркнуто в документе).

комиссию 10 января 1901 г., что подобные случаи могут «явиться источником распространения заразы. Уже доказано, что рабочие, возвратившиеся домой, с отхожих промыслов, часто приносят с собою какую-либо заразную болезнь».[66] Санитарная комиссия специально обсуждала этот вопрос, но была не в состоянии предложить какие-либо действенные меры. Никакие, даже самые героические усилия русских врачей не могли преодолеть бедность и казенщину фабричной медицины.

Итогом бедственного положения рабочего класса являлась чрезвычайно низкая продолжительность жизни пролетариев. По данным доктора Баранова, в начале 90-х годов XIX в. в Петербурге средняя продолжительность жизни у различных групп населения была:[67]

Священнослужители . .	60.3
Чиновники	53.0
Офицеры	50.5
Кузнецы	39.8
Каменщики	39.1
Сапожники	37.7
Маляры	36.8
Наборщики	33.5

Данные эти настолько красноречивы, что не требуют каких-либо пояснений.

[66] ЛГИА, ф. 210, оп. 1, д. 74, л. 3.
[67] Н. А. Ландшевский, ук. соч., стр. 11—12.

ГЛАВА VII

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ

В 1896 г. в Нижнем Новгороде открывалась всероссийская промышленная выставка. К этому знаменательному событию по указанию министра финансов С. Ю. Витте был издан объемистый труд под названием: «Фабрично-заводская промышленность и торговля в России». Там была, в частности, помещена статья бывшего главного фабричного инспектора Я. Т. Малиновского.[1] Казенный автор не обошел и вопрос о жилищных условиях рабочих. Вот что он писал: «Что касается до квартирного довольствия, то русский рабочий и в этом отношении в большинстве случаев обеспечен». Тип жилищ, сообщает автор, «наиболее любимый русскими рабочими... это отдельные каменные или деревянные домики с двумя или четырьмя квартирами, с отдельным ходом для каждой». Правда, Малиновский отмечает, что этот тип жилищ, «к сожалению, в России еще недостаточно распространен», однако тут же спешит успокоить читателя: «но вообще квартира с отоплением обходится рабочему от 50 копеек до 3 рублей в месяц или от 6 до 36 рублей в год».[2]

Приблизительно в то же время старший фабричный инспектор Петербургской губернии конфиденциальным отношением просил директора департамента торговли и мануфактур увеличить жалование своим подчиненным, «так как *жизнь в Петербурге дорожает* с каждым почти днем, особенно ввиду дороговизны квартир, на наем которых фабричным инспекторам приходится расходовать почти половину своего содержания (около 1000 руб. в год)».[3]

Итак, если сопоставить эти официальные и конфиденциальные сведения, то кажется, что, в то время как русские рабочие были «в большинстве случаев обеспечены» жильем за весьма невысокую плату, опекающие их фабричные инспектора вынуждены были тратить на содержание квартир половину своего немалого жалованья.

[1] Я. Т. Малиновский. О заработной плате и продолжительности рабочего времени на русских фабриках и заводах. Фабрично-заводская промышленность и торговля в России. СПб., 1896.

[2] Там же, стр. 471.

[3] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 13, л. 37.

Как же на самом деле были «в большинстве случаев обеспечены» жильем рабочие в столице России — Петербурге?

Нельзя сказать, чтобы данный вопрос не затрагивался в литературе. Нет автора, писавшего на различные сюжеты по истории пролетариата, который в той или иной мере не касался бы этой темы. Имеется достаточное количество красочных описаний тесноты, антисанитарии и неблагоустроенности рабочих квартир, угловых и барачных обитателей и т. д.

Разногласий в конечном выводе здесь нет: жилищные условия рабочих в Петербурге (как и во всей России) были крайне плохими. Зато картина становится менее определенной, когда дело доходит до выяснения сколько-нибудь точных цифровых показателей. И это не случайно. Официальной статистики, в которой специально рассматривались бы данные о жилищных условиях рабочих, в начале XX в. не существовало. Большинство лиц, проводивших обследование жилищ в Петербурге (это были главным образом санитарные врачи), не делали четкого разграничения между рабочим классом и другими слоями неимущего населения, ютившегося в трущобах столицы. Например, статья доктора В. И. Бинштока, посвященная этой теме, так и называлась: «Где и как ютится петербургская беднота». При обследовании жилищ «бедноты» подводились к одному знаменателю не только данные о фабрично-заводских рабочих, но и о мелких торговцах, ремесленниках, низших служащих, а также и городского люмпена, причем не делалось никакой попытки подразделить эти категории. Кроме того, как официальная статистика (например, перепись 1897 г.), так и обследования отдельных лиц и общественных организаций зачисляли под рубрику «рабочие» кустарей, извозчиков, торговых служащих и т. д. Все это заставляет с большой осторожностью относиться к подсчетам и выводам, сделанным даже в лучших обследованиях и описаниях, затрудняет задачу более или менее точного определения жилищных условий петербургских рабочих.

Говоря об особенностях рассматриваемой темы, следует сразу же отметить известную стабильность жилищных условий петербургских рабочих. Если такие факторы, как занятость, заработная плата, продолжительность рабочего дня могли изменяться даже за сравнительно очень короткие промежутки времени, то жилищное положение пролетариата претерпевало относительно замедленные перемены. Об этом свидетельствуют, как будет показано дальше, сравнительные данные переписей 1890 и 1900 гг. или обследования угловых жильцов Петербурга 1900 и 1904 гг. Таким образом, для исследования жилищных условий петербургских рабочих в начале XX в. возможно привлечь результаты обследований конца 90-х годов.

Важнейшим источником для изучения данной темы служит статистический сборник «С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 г.». Существенной частью этого обширного и полного издания является статистика жилищ петербургского населения. Материал здесь приведен как в общих данных по городу, так и по всем частям и участкам. Прямых сведений о жилищных условиях петербургских рабочих в источнике нет, но косвенным путем можно сделать некоторые подсчеты по этому вопросу.

Прежде всего необходимо выделить те административные районы Петербурга, в которых рабочее население составляло наиболее значительную часть жителей. Такими районами были тогдашние окраины столицы. В 1897 г. вышел в свет пространный обзор, составленный санитарными врачами полицейского ведомства столицы.[4] Авторы этого сборника указывают районы города, наиболее густо населенные рабочими. Таким был 3-й участок Александро-Невской части, где «сосредоточены крупные фабрики, заводы, мастерские ... вследствие чего и население здесь преимущественно фабрично-мастеровое».[5] Отмечалось также, что и население 3-го участка Нарвской части «преимущественно рабочее».[6] Весьма значительное количество рабочих селилось и на дальней половине Васильевского острова. Авторы названной работы свидетельствуют, что население Васильевской части «резко делится Малым проспектом на две половины, из коих... местность между Малым проспектом и речкою Смоленкою, включая остров Голодай, представляет центр рабочего населения».[7] Административно этот район заключал в себе большую половину 2-го участка и весь 3-й участок Васильевской части. Классическим пролетарским районом считалась Выборгская сторона. Однако рабочими этот район был заселен далеко не равномерно. В 1-м участке проживало значительное количество чиновников и военных, а основными обитателями 3-го участка (Охта) были в то время ремесленники. Зато во 2-м участке Выборгской части, как отмечали санитарные врачи, находился «целый ряд крупных фабрик и заводов», которые «привлекают к себе тысячи рабочего люда. Весь этот люд по достатку, по степени развития, по своим жизненным требованиям довольно однороден и невольно накладывает свою печать на ту область, где обитает».[8]

Наконец, отчетливо пролетарскими районами были два пригородных участка: Петергофский, где находился поселок Путиловского завода, и Шлиссельбургский, с его многочисленными металлургическими и текстильными предприятиями. О первом

[4] Город Петербург с точки зрения медицинской полиции. Под ред. старшего врача И. Е. Еремеева. СПб., 1897.
[5] Там же, стр. 253.
[6] Там же, стр. 435.
[7] Там же, стр. 629.
[8] Там же, стр. 709.

из них санитарный врач участка А. В. Амстердамский писал в своем отчете за 1902 г.: «Основное ядро населения Петергофского района составляют рабочие и их семьи».[9] То же говорит и коллега Амстердамского по Шлиссельбургскому участку — доктор Л. П. Никольский: «Главный контингент населения состоит из пришлого народа, работающего на местных фабриках и заводах».[10]

Итак, районами, наиболее густо заселенными рабочими, считались 3-й участок Нарвской и Александро-Невской части, 2-й и 3-й Васильевской, 2-й Выборгской, а также Петергофский и Шлиссельбургский участки.

Эти свидетельства подтверждаются демографическими подсчетами, сделанными на основании статистических данных переписи 1900 г. Итоги подсчетов приведены в табл. 8. В ней показана численность рабочих в каждом из семи пролетарских участков Петербурга и доля их в общей численности всего населения. Процент рабочих вместе с членами семей вычислен следующим образом. Общее отношение количества рабочих (281 932) и количества членов их семей (141 839) для всего Петербурга выражается как 1 : 0.53. Это, однако, средние цифры. У металлистов, наиболее обеспеченной части пролетариата, это соотношение выражалось как 1 : 0.84. Всего в рассматриваемых участках численность металлистов составляла 45 537 чел., или 43.2% всех рабочих. В то же время в целом по городу металлистов было лишь 24.7% к общему числу рабочих, т. е. процент почти в два раза ниже. С другой стороны, малооплачиваемые рабочие предприятий по производству одежды и обуви имели самое меньшее в Петербурге соотношение между работающими и членами семей — 1 : 0.16. Общая численность этой категории пролетариата (45 458) составляла 16.1% всех рабочих города, а в названных частях — только 6.8%.

Такая же картина наблюдается и в других профессиональных группах. В целом оказывается, что в пролетарских районах жили преимущественно квалифицированные кадровые рабочие и, напротив, в центральных участках города селились те рабочие, которые были заняты в мелкой и легкой промышленности. Как известно, относительное количество иждивенцев у первых было значительно выше, чем у последних. Итоги подсчетов о соотношении количества рабочих и членов их семей для семи рассматриваемых пролетарских участков выражаются в коэффициенте 1 : 0.70. Таким образом, процент рабочего населения в «красном поясе» русской столицы был выше, чем в целом по городу.

[9] ЛГИА, ф. 224, оп. 1, д. 1815, л. 3.
[10] Л. П. Никольский. Шлиссельбургский пригородный участок в санитарном отношении. Вестник обществ. гигиены, суд. и практ. медицины, 1901, август, стр. 1141.

Второстепенным показателем характеристики населения рассматриваемых районов города является количество и процент проживающих там лиц, относящихся к привилегированным сословиям: дворяне потомственные и личные, черное и белое духовенство, личные и потомственные почетные граждане, а также иностранные подданные. Конечно, среди рабочих попадались даже

Таблица 8

Численность населения рабочих районов Петербурга

Части и участки	Число жителей	Число рабочих (без членов семей)	% рабочих ко всему населению		Число лиц привилегированных сословий	
			без семей	с семьями	всего	в % ко всему населению
3-й участок Александро-Невской части	51848	13646	28.5	45.0	1905	3.6
3-й участок Нарвской части	34610	11745	34.0	57.8	2285	6.6
2-й участок Васильевской части	50292	10676	21.3	35.2	7561	15.0
3-й участок Васильевской части	46497	12537	27.0	45.9	5626	12.1
2-й участок Выборгской части	32362	9691	30.1	51.2	2905	9.0
Петергофский участок	68899	21554	31.3	53.2	2408	3.5
Шлиссельбургский участок	78714	26181	33.3	56.6	3203	4.1
Адмиральская часть	40272	2124	5.2	8.3	8756	21.6
1-й участок Васильевской части	34298	2807	8.4	14.2	10935	31.8
Всего в городе	1439613	281932	19.5	29.4	214260	15.1

Примечание. Данные о численности населения приведены по сборнику «Петербург по переписи 1900 г.» (вып. I, стр. 17). Численность рабочих в различных участках и процент их подсчитаны автором на основании того же источника (вып. II, стр. 7—75, 110—143), так же как и число лиц привилегированных сословий (вып. I, стр. 44—45).

потомственные дворяне (вспомним данные по Балтийскому заводу, приведенные в главе «Численность петербургских рабочих»), а среди лиц крестьянского сословия порой оказывались крупные предприниматели, но все же и эти данные служат дополнительным подтверждением классового характера распределения жителей в столице. В целом процент лиц привилегированных сословий в рабочих районах гораздо меньше, чем в среднем по городу, и тем более меньше, чем в двух центральных участках. Отклонение от нормы наблюдается в обеих Васильевских

частях, что объясняется чрезвычайно резкой поляризацией населения в этом районе.

Аналогичные данные приведены в табл. 8 для сравнения и по двум центральным районам города, где проживали в основном имущие слои населения столицы: это Адмиралтейская часть и 1-й участок Васильевской части.

Общее количество рабочих в семи пролетарских участках составляло 105 420, т. е. 37.8% всего числа рабочих в Петербурге. В то же время все население этих участков достигало лишь 29.0% общего числа жителей города. В среднем в Петербурге количество рабочих (без членов семей) составляло 19.5% населения. Как видно из табл. 8, во всех семи участках этот процент значительно выше; сравнительно немного больше среднего процент рабочих во 2-м участке Васильевской части (21.3%), но это, как уже говорилось, объясняется резкой неоднородностью населения данного района. При более подробном анализе нетрудно отделить жилища пролетарских кварталов от добротных домов Большого проспекта. Аналогичными причинами объясняется также относительно высокий процент лиц привилегированных сословий в этом участке. Кстати, полицейские врачи отмечали в своем обзоре, что Васильевский остров — это излюбленное место поселения отставных чиновников.

Все рабочее население составляло почти половину жителей 3-го участка Александро-Невской части и 3-го Васильевской, а в остальных четырех частях — свыше 50%. Наибольшая доля фабрично-заводского населения была в 3-м участке Нарвской части — почти 3/5 общего числа жителей.

Теперь рассмотрим общие данные по жилищным условиям в семи пролетарских участках. В переписи 1900 г. и других обследованиях жилищ того времени для подсчета плотности населения обыкновенно бралась квартира. Для изучения аналогичных данных о жилищных условиях рабочих этот способ подсчета непригоден: пролетарское население, как правило, не занимало квартиры целиком. Врач М. И. Покровская в 1896 г. обследовала 101 квартиру рабочих в Выборгской части. По ее словам, «в исследованных домах очень мало квартир, в которых помещалась одна семья без жильцов. Таких было всего 9... Во всех квартирах, исследованных на выборгской стороне, сдавалось 122 комнаты...».[11] Итак, на каждую из 92 квартир приходилось более одной сдаваемой внаем комнаты (1.3). Санитарный врач Амстердамский рассказывал о жилищах рабочих в Петергофском участке: «Дома здесь преимущественно деревянные, двухэтажные, с небольшими квартирами, переполненными комнатными и угло-

[11] М. И. Покровская. О жилищах петербургских рабочих. Вестник обществ. гигиены, суд. и практ. медицины, 1898, март, стр. 212.

Жилищные условия петербургских рабочих

Части и участки	Среднее число жителей в комнате	Средняя стоимость комнаты в год (в руб.)	Стоимость квартиры в год (в руб.): до 50 — количество квартир	до 50 — в среднем жителей в комнате	до 50 — плата в среднем за комнату	51—100 — количество квартир	51—100 — в среднем жителей в комнате	51—100 — плата в среднем за комнату	101—150 — количество квартир	101—150 — в среднем жителей в комнате	101—150 — плата в среднем за комнату
3-й участок Александро-Невской части	4.6	111	4	4.3	19	87	4.4	73	285	5.1	95
3-й участок Нарвской части	4.1	111	39	5.0	38	223	3.6	84	174	4.4	91
2-й участок Васильевской части	2.6	121	—	—	—	124	4.2	80	392	4.2	95
3-й участок Васильевской части	2.9	99	35	2.1	43	408	3.3	70	630	3.2	76
2-й участок Выборгской части	3.4	89	42	2.8	41	215	4.4	69	407	3.9	76
Петергофский участок	3.6	78	63	4.0	34	721	4.0	63	1573	3.6	68
Шлиссельбургский участок	3.7	68	449	4.0	36	1933	4.0	55	2322	4.0	63
Адмиралтейская часть	1.2	212	—	—	—	—	—	—	36	3.6	83
1-й участок Васильевской части	1.4	157	—	—	—	87	1.8	88	222	2.5	113

Части и участки	150—200 — количество квартир	150—200 — в среднем жителей в комнате	150—200 — плата в среднем за комнату	201—250 — количество квартир	201—250 — в среднем жителей в комнате	201—250 — плата в среднем за комнату	251—300 — количество квартир	251—300 — в среднем жителой в комнате	251—300 — плата в среднем за комнату	301—350 — количество квартир	301—350 — в среднем жителей в комнате	301—350 — плата в среднем за комнату
3-й участок Александро-Невской части	389	5.2	91	543	5.5	95	624	4.8	102	217	4.7	107
3-й участок Нарвской части	245	4.7	103	323	4.7	96	370	5.0	103	196	4.5	114
2-й участок Васильевской части	646	4.1	100	816	3.8	102	903	3.3	108	322	3.1	112
3-й участок Васильевской части	803	3.2	71	809	3.4	86	594	3.2	95	227	3.3	112
2-й участок Выборгской части	469	3.8	75	494	3.7	80	332	3.5	85	142	3.5	101
Петергофский участок	1783	3.5	70	1222	3.6	78	580	4.0	96	109	3.8	98
Шлиссельбургский участок	1551	3.7	69	637	4.0	80	205	3.3	92	63	3.5	101
Адмиралтейская часть	54	4.6	124	61	3.2	120	171	2.8	128	103	2.3	254
1-й участок Васильевской части	181	3.2	133	218	3.1	121	357	2.6	123	161	2.3	127

Примечание. В материалах квартирной переписи 1900 г. нами использованы такие показатели, как количество квартир и комнат, а также величина суммы квартплаты (вып. III, стр. 344—361). Данные о числе жителей в комнате и об оплате ее вычислены нами.

выми жильцами».[12] Часто съемщиками комнат и углов у рабочих-квартиронанимателей также были рабочие, о чем свидетельствуют авторы некоторых мемуаров.[13]

Можно опереться также на сведения С. Н. Прокоповича, анкетировавшего рабочих Петербурга в 1908 г. Прокопович располагал данными о жилищах 551 рабочего. Подсчеты, сделанные по его материалам, показывают, что квартиры целиком снимали только 142 рабочих (в подавляющем большинстве семейных), т. е. 25.4% из числа обследованных. Однако 53 съемщика этих квартир вынуждены были сдавать внаем углы и даже целые комнаты посторонним лицам. Таким образом, только 16.1% рабочих могли снимать квартиры.[14] При этом надо иметь в виду, что квартира, занимаемая пролетарием, как покажут приводимые в дальнейшем подсчеты, состояла обычно из 1—2 комнат. Наконец, обследование производилось Прокоповичем после революции 1905 г., когда материальное положение петербургских рабочих несколько улучшилось; следовательно, в изучаемое нами время жилищные условия были несомненно хуже. Очевидно, отдельная квартира отнюдь не является характерным видом рабочего жилища.

За единицу подсчета плотности населения и квартирной платы мы берем комнату (по данным Прокоповича, съемщиками комнат было 39.9% рабочих). В табл. 9 даны итоги этих подсчетов для семи пролетарских участков города. Там приводятся средние цифры числа жителей в одной комнате и сумма платы в год за одну комнату. Оказывается, что скученность населения в пролетарских районах была в 2—4 раза больше, чем в центре города. Печальный рекорд в этом смысле принадлежит 3-му участку Александро-Невской части — почти пять человек на одну комнату. Опять-таки следует напомнить, что сравнительно меньшие показатели числа жителей на комнату во 2-м Васильевском участке объясняются наличием там (а также отчасти и в 3-м) особняков и отдельных домов, населенных состоятельными лицами.

Однако эти средние показатели могли дать лишь очень приблизительную картину жилищного положения рабочих, так как и в рассматриваемых семи участках имелись многокомнатные

[12] ЛГИА, ф. 224, оп. 1, д. 1815, л. 7.
[13] С. И. Канатчиков. Из истории моего бытия. М.—Л., 1930, стр. 81; А. И. Свирский. Записки рабочего. М.—Л., 1925. — См. также неопубликованные мемуары Кошкина: ЦГАОР, ф. 7952, оп. 1, д. 40, л. 13.
[14] С. Н. Прокопович. Бюджеты петербургских рабочих. СПб., 1909, стр. 10—11.

квартиры с очень высокой платой (до 2000 руб. в год и более). Разумеется, рабочие не могли быть съемщиками таких квартир. Говоря об этих общих цифрах, следует лишь отметить, что скученность населения в пролетарских районах была неизмеримо больше, чем в Адмиралтейской части и 1-м участке Васильевской, а в пролетарских участках — больше, чем в целом во всей части. Так, например, в целом по Александро-Невской части приходилось 3.9 жителя на одну комнату, а в 3-м участке этой же части — 4.6; в Нарвской — соответственно 3.2 и 4.1.

В табл. 9 нами рассматриваются жилищные условия в квартирах по семи категориям платы, от 50 до 350 руб. в год, т. е. до 30 руб. в месяц. Платить за квартиру 30 руб. и более могли только те рабочие, заработок которых составлял 100 руб. и выше в месяц, или крайне немногочисленная группа рабочей аристократии.

Как правило, рабочие платили за жилище много меньше этой суммы. Покровская отмечала в уже цитированном обследовании, что «на Выборгской стороне стоимость квартир во всех домах колебалась от 5 до 30 руб. В среднем квартира обходилась $13^1/_2$ руб. с водой, но без дров. На дрова следует считать в среднем 4 руб. в месяц».[15] По сведениям петербургской фабричной инспекции, в доме для рабочих Общества Северной ткацкой мануфактуры семейные рабочие платили за квартиру (комнату) от 8 до 10 руб. в месяц, а холостые — по два рубля с человека, причем помещалось их от 4 до 8 чел. в комнате, плата за которую, следовательно, составляла 8—16 руб.[16] Фабричный инспектор 3-го участка в записке, составленной летом 1900 г., свидетельствует, что рабочему «небольшая комната обходится в 8—10 руб. (в месяц). Холостые рабочие с небольшим заработком живут в углах стоимостью от 2 до 3 руб. В одной комнате, смотря по ее величине, живет от одного до 8 рабочих».[17] Число подобных достоверных свидетельств легко можно было бы увеличить.

Преобладающая масса населения семи пролетарских участков платила за квартиру именно в пределах до 350 руб. в год. По всем рассматриваемым нами участкам число таких жителей составляло 214 225 чел., т. е. 77.0%. Можно с большой долей вероятности предположить, что в это число попадают почти все рабочие, проживавшие в данных районах.

По данным переписи 1900 г. нами подсчитано количество жителей с различной суммой квартирной платы. В каждом из участков подобное распределение выглядит следующим образом:

---

[15] М. И. Покровская, ук. соч., стр. 212.
[16] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 36, л. 19.
[17] Там же, д. 231, л. 159.

Части и участки	До 50 руб.	51—100 руб.	101—150 руб.	151—200 руб.	201—250 руб.	251—300 руб.	301—350 руб.
3-й участок Александро-Невской части . . .	43	437	1951	3926	6680	8386	3101
3-й участок Нарвской части	195	846	1071	2060	3481	5124	2539
2-й участок Васильевской части	—	538	2195	4726	6727	7745	2924
3-й участок Васильевской части	75	1534	3395	5639	7022	5302	2387
2-й участок Выборгской части	164	1082	2658	4082	5047	3822	1591
Петергофский участок	294	3599	10601	15592	12982	6809	1388
Шлиссельбургский участок	1867	10601	17559	14356	7282	2063	721
Итого	2638	18637	39430	50381	49221	39251	14651

Приведенные данные позволяют детально рассмотреть жилищные условия пролетарского населения столицы на основании единого и широкого статистического источника. Прежде всего, представим общие выводы по материалам последней таблицы:

Части и участки	Всего жителей с платой до 350 руб. в год	В % ко всему населению участка
3-й участок Александро-Невской части	24524	58.0
3-й участок Нарвской части	15316	61.6
2-й участок Васильевской части . . .	24866	60.3
3-й участок Васильевской части . .	25404	80.0
2-й участок Выборгской части . . .	18441	80.0
Петергофский участок	51265	91.4
Шлиссельбургский участок	54409	94.7
Адмиралтейская часть	3494	19.6
1-й участок Васильевской части . .	5973	26.3

Итак, при более детальном анализе жилищных условий в рабочих районах города удалось отделить довольно большой процент жителей с высокой квартирной платой, т. е. явно непролетарские слои населения. Правда, в число жителей с низкой квартирной платой попадают и такие категории лиц, как ремесленники и пр. Однако если сравнить процент рабочего населения в каждом из семи рассматриваемых участков и процент жителей с квартирной платой до 350 руб. в тех же участках, то оба показателя уже значительно сближаются между собой, а в 3-м участке Нарвской части почти совпадают: 57.8% и 61.6%. Но так как жилищные условия непролетарских слоев неимущего населения практически мало отличались от жилищных условий рабочих, вполне допустимо, что квартирную плату и скученность фабрично-заводского населения можно приблизительно подсчитать на основе анализа данных последних таблиц.

Попутно отметим, что в центральных районах города удельный вес квартиросъемщиков с платой до 350 руб. в год относительно невелик — около 20% всех жителей, — в то время как в Петергофском и Шлиссельбургском участках это число превышало 90%. Имущие слои населения располагались в несравненно более дорогостоящих жилищах.

Как видно из материалов переписи 1900 г. квартиры стоимостью до 50 руб. в Петербурге встречались крайне редко. Сколько-нибудь значительная доля их имелась только в Шлиссельбургском участке, но и там достигала лишь 3.4%. Квартирная плата в этом участке вообще была самой низкой в городе, что объясняется очень плохим качеством тамошних жилищ. Незначительная группа жителей проживала также в квартирах с платой от 51 до 100 руб. — 8.7%. И тут большая половина приходилась на Шлиссельбургский участок. Население, составляющее высшую из рассматриваемых категорию платы — от 301 до 350, — было еще малочисленнее и составляло 6.9%. Таким образом, подавляющая часть населения — 83.2% — с относительно низкой жилищной платой в семи пролетарских участках Петербурга расходовала в год на квартиру от 100 до 300 руб.

Какова же была в среднем плата за одну комнату и скученность населения в пролетарских кварталах города? Для вычисления этого возьмем в каждом из семи участков две такие группы по годовой плате, число жителей в которых (вместе взятых) составляет не менее половины населения, расходовавшего на квартиру до 350 руб. (см. стр. 153). В 3-м участке Александро-Невской и Нарвской частей и во 2-м участке Васильевской это будет группа жителей, плативших от 200 до 250 и от 250 до 300 руб. в год; в 3-м участке Васильевской, 2-м Выборгской и Петергофском — от 150 до 200 и от 200 до 250 руб.; в Шлиссельбургском — от 100 до 150 и от 150 до 200 руб. Ниже приведены типичные показатели жилищных условий и квартирной платы пролетарского населения Петербурга в семи промышленных участках города:

Части и участки	Плата в год за комнату (в руб.)	Число жителей	В % ко всем жителям с платой до 350 руб.	Средняя плата в месяц	Среднее число жителей в комнате
3-й участок Александро-Невской части	200—300	15066	61	8	5.1
3-й участок Нарвской части	200—300	8605	61	8.2	4.8
2-й участок Васильевской части	200—300	14460	63	8.7	3.5
3-й участок Васильевской части	150—250	12715	50	6.8	3.5
2-й участок Выборгской части	150—250	9129	50	6.5	3.7
Петергофский участок	150—250	28574	55	6.2	3.5
Шлиссельбургский участок	100—200	31915	58	5.5	3.8

Самая высокая средняя плата приходится, как и следовало ожидать, на 2-й участок Васильевской части, а минимальная — на Шлиссельбургский. Величина средней платы колебалась между 5.5 и 8.7 руб., но в целом оставалась в пределах 6—8 руб. в месяц за одну комнату. Эти цифры в общем несколько ниже средней платы по каждому соответствующему участку, ибо в последнюю величину входят и дорогостоящие квартиры. Нельзя, однако, считать, что плата 6—8 руб. за комнату была низкой. Рабочему-металлисту приходилось платить за жилье из месячного заработка в 30—50 руб., а текстильщику — 20—30. Вот почему рабочим приходилось снимать полкомнаты, угол, койку и даже койку на двоих. Отсюда и чрезвычайная скученность населения в пролетарских районах города: по 4—5 человек в среднем на одну комнату.

Приведенные на стр. 154 средние данные несомненно являются наиболее типичными для жилищ, где обитало население рабочих окраин. Об этом убедительно свидетельствует процент жителей каждого участка со средней для этого района платой по отношению к общему числу жителей с квартирной платой до 350 руб. в год. Как видно, во всех семи изучаемых участках этот процент не опускается ниже 50, а во 2-м Васильевском достигает даже 63.

Каковы же были бытовые условия в тесных и дорогостоящих квартирах рабочих Петербурга? Перепись 1900 г. позволяет сделать некоторые подсчеты на эту тему. Возьмем только один из показателей санитарного обеспечения населения — водопровод. В начале XX столетия уровень техники уже не служил препятствием для организации удовлетворительного водоснабжения в столице России. Как же снабжались водой рабочие кварталы Петербурга? Приводим подсчеты, полученные нами на основании данных переписи 1900 г.:

Части и участки	% квартир с водопроводом		
	всех	из 6—10 комнат	из 1 комнаты
3-й участок Александро-Невской части	68.3	80.0	30.5
3-й участок Нарвской части	51.9	85.7	26.0
2-й участок Васильевской части	68.1	94.6	37.1
3-й участок Васильевской части	68.5	90.9	30.1
2-й участок Выборгской части	48.0	65.6	27.0
Петергофский участок	7.4	9.4	2.0
Шлиссельбургский участок	6.8	6.9	1.4
Адмиралтейская часть	81.3	99.9	44.7
1-й участок Васильевской части	78.5	93.7	62.9

Как видно, водоснабжение двух центральных частей города было значительно лучше, чем в рабочих районах. При всей условности средних показателей общая тенденция отчетливо за-

метна по всем семи пролетарским участкам. В 3-м Нарвском и 2-м Выборгском водоснабжение имелось лишь в половине всех квартир. Практически водопровод отсутствовал в обоих пригородных участках. Однако и в городских районах с пролетарским населением снабжение водой было отнюдь не одинаково для всех жителей.

Из данных переписи 1900 г. можно заключить, что квартиры с годовой платой до 350 руб., в которых селились рабочие, были, как правило, малокомнатные. Количество комнат в таких квартирах колебалось от 1 до 3, но и три комнаты были сравнительно редки. Напротив, в квартирах с годовой платой в 501—600 руб. среднее количество комнат достигало уже четырех или пяти (в тех же семи участках). В этой связи интересно сравнить данные о наличии водопровода в квартирах из 6—10 комнат и в однокомнатных. Бросается в глаза существенная разница. Даже в рабочих участках города многокомнатные квартиры были обеспечены водопроводом на 80—90% и более (исключение составляет только 2-й Выборгский участок). И напротив, однокомнатные квартиры, имеющие водопровод, составляли только четверть или треть от их общего количества в участке.

По данным Покровской, только 36% обследованных ею рабочих квартир имели водопровод. Жители остальных пользовались привозной водой или брали ее на дворе и даже в соседней бане. За привозную воду часто приходилось платить, и тогда рабочие вынуждены были ограничивать потребление воды, что еще более ухудшало санитарное состояние их жилищ.[18]

Между тем вопрос о хорошей организации водоснабжения приобретал в Петербурге особо важное значение, так как невская вода была чрезвычайно загрязнена сточными водами промышленных предприятий, которые не подвергались никакой очистке. Полицейские врачи отмечали в уже упомянутом обследовании, что для окисления 100 л. воды из Темзы требуется от 0.5 до 0.08 г кислорода, а то же количество невской воды требует для этой же операции 0.46—0.51 г и даже больше. «Отсюда видно, — заключают врачи, — какое количество органических веществ содержится в невской воде».[19] То обстоятельство, что рабочие в большинстве случаев были вынуждены потреблять неочищенную воду, приводило к тяжелым последствиям для здоровья. Эпидемии брюшного тифа и других острозаразных заболеваний были частыми гостями в рабочих районах Петербурга.

Очень высокая квартирная плата в Петербурге сочеталась с сильной нехваткой жилищ. «Жалобы на недостаток квартир в Петербурге раздаются постоянно, — писала Покровская в 1893 г., — такой же недостаток квартир существует и для рабочего населения. На Выборгской стороне... не было ни одной свободной квартиры, а незанятые комнаты встречались только в единичных случаях. Про углы можно сказать то же самое».[20]

[18] М. И. Покровская, ук. соч., стр. 211.
[19] Город Петербург с точки зрения медицинской полиции, стр. 299.

Нельзя сказать, чтобы в Петербурге не велось жилищное строительство. Напротив, оно развивалось в очень больших масштабах. В 90-х годах наблюдался даже своеобразный строительный бум. Застраивались целые районы, причем все время возрастала доля крупных каменных домов. Однако с начала XX в. в связи с общим кризисным состоянием русской промышленности строительство затормозилось. В отчете фабричного инспектора за 1901 г. читаем: «Постройка домов в последнее время сильно уменьшилась... Это отразилось на тех заводах, которые работали для валового рынка. Цена на кирпич в 1901 г. составляла 15 руб. за тысячу»[21] (в 1899 г. — 26 руб.). Из отчетов петербургского градоначальника Клейгельса явствует, что в 1900 г. было построено 886 домов,[22] а в 1901 г. — только 548 домов.[23] Для сравнения укажем, что в 90-х годах нередко возводилось за строительный сезон много более тысячи домов.

Однако даже такой значительный масштаб строительства не поспевал за бурным ростом петербургского населения. Из сравнения данных городских переписей 1890 и 1900 гг. видно, что за это десятилетие население городских частей возросло на 31%, а пригородных — на 140%! Жилищ по-прежнему не хватало, и они были чрезвычайно дороги. Об этом говорится даже в отчетах Клейгельса за 1899—1901 гг.

Уже приводились данные о ценах за жилье, которые приходилось платить петербургскому пролетарию, говорилось и о нехватке квартир для рабочих. При анализе данных жилищного строительства в столице опять-таки отчетливо заметен его классовый характер. В то время как население рабочих участков росло значительно быстрее, чем в центре города, строительство домов на окраинах было относительно замедленным:[24]

Части	Прирост населения в 1900 г. (в % к 1890 г.)	Прирост новых домов (в %) ко всем построенным в городе
Выборгская	69.6	8.4
Александро-Невская	57.8	10.0
Васильевская	43.4	12.8
Нарвская	37.1	6.7
Адмиралтейская	2.7	3.4

[20] М. И. Покровская, ук. соч., стр. 217.
[21] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 303, л. 12.
[22] ЦГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 332, л. 94.
[23] Там же, д. 545, л. 99 об.
[24] Статистический ежегодник Петербурга за 1904 г. СПб., 1905, стр. 77—78.

Таким образом, прирост населения в рабочих частях был очень велик, а доля построенных домов была сравнительно невысокой. Совершенно обратная картина заметна в Адмиралтейской части (можно добавить, что и в центральной Казанской части положение было аналогичным). Теснота и дороговизна рабочих квартир усугублялись, следовательно, практикой капиталистической застройки Петербурга.

Вследствие нехватки и дороговизны квартир петербургские рабочие были вынуждены ютиться в совершенно антисанитарных условиях. «Отдаются целые комнаты, полкомнаты, углы, коридоры и даже кровати или пространства за печкой», — писал санитарный врач Шлиссельбургского участка Никольский в 1901 г.[25] Никакого прогресса в деле улучшения жилищных условий рабочих в изучаемое время не наблюдалось. Напротив, отмечался даже обратный процесс. Доктор В. И. Бинншток в 1903 г. сравнивал жилищные условия неимущего населения Петербурга с данными переписи 1890 г. Выводы его были самые пессимистические: «За 12 лет, протекших со времени этой переписи, дело не только не улучшилось, а стало значительно хуже. Количество населения продолжает усиленно возрастать, все предметы первой необходимости, в том числе и квартиры, дорожают, — и поэтому мы видим, что люди начинают селиться в помещениях, в которых 10 лет тому назад казалось еще невозможным жить».[26]

Используя нехватку жилищ для рабочих, домовладельцы отдавали внаем подвалы. Всего в Петербурге по переписи 1900 г. насчитывалось 6754 подвальных квартиры, т. е. 5.3% общего числа квартир в городе. В специфических условиях болотистой почвы Петербурга положение подвальных обитателей было особенно тяжелым. Их квартиры первыми страдали от наводнений. Даже при незначительном подъеме уровня воды в Неве сырость начинала выступать на стенах подвальных квартир.[27] Городские власти создавали некоторые ограничения для использования подвалов под жилье, но это не достигало цели: слишком велик был жилищный голод. Доктор В. П. Кашкадамов, описывая положение обитателей подвалов, с горечью заметил: «В лучшем случае жилые подвалы закрываются после ряда протоколов с тем, чтобы через несколько недель снова открыться».[28]

Санитарный врач 2-го Васильевского участка в 1903 г. обследовал 205 подвальных помещений в рабочем районе между 10-й и 14-й линиями. Он обнаружил там «недостаток света, затхлый воздух, сырость, часто невозможную грязь вместе с невероятной

[25] Л. П. Никольский, ук. соч., стр. 1143.
[26] В. И. Бинншток. Где и как ютится петербургская беднота. В сб.: Итоги. М., 1903, стр. 119.
[27] Там же, стр. 122.
[28] В. П. Кашкадамов. Санитарные условия жилищ в Петербурге. Журнал русск. общ. охраны нар. здравия, 1909, № 5, стр. 16.

скученностью».[29] Даже после принудительного закрытия особо антисанитарных подвалов «через весьма небольшой срок они опять наполнялись обитателями». Домовладельцы стремились сдать внаем любой клочок площади. «Практика показала, — заключает врач, — что подвалы, устроенные с какими бы то ни было целями, в конце концов обыкновенно превращаются под жилье».[30]

Относительно высокие заработки на столичных фабриках и заводах, а также интенсивное строительство новых предприятий в годы экономического подъема привлекали в Петербург большое количество рабочих рук.[31] Вновь прибывающие рабочие были, как правило, низкой квалификации и заработок их был невелик. Эти многочисленные слои пролетариата не имели возможности снимать отдельные комнаты, поэтому вынуждены были ютиться в углах. На заседании городской санитарной комиссии 30 ноября 1901 г. врачи с тревогой отмечали, что «из года в год увеличивается скученность... рабочего населения в угловых квартирах и составляет одну из острых и мучительных сторон санитарного состояния столицы».[32]

Жилищные условия угловых жильцов были настолько плохими, что вызвали беспокойство органов городского управления. В 1900 г. санитарная комиссия Петербургской городской думы провела обследование жилищ 20 тыс. угловых обитателей.[33] Однако это обследование коснулось только 22 городских участков из 38, причем даже там брались на учет далеко не все угловые квартиры. Обработка статистического материала также была сделана не лучшим образом. К итоговым цифрам обследования 1900 г. надо подходить с осторожностью. Некоторые подсчеты, сделанные нами по данным этого обследования, приводят к таким результатам:

Части и участки	Число угловых жильцов		
	всего	на комнату в угловых квартирах	на комнату в среднем по участку
2-й участок Васильевской части . .	982	3.9	2.6
2-й участок Выборгской части . .	2723	5.4	3.4
3-й участок Нарвской части . . .	1626	6.0	4.1

Приведенные данные недостаточны, чтобы сделать какие-либо общие выводы. Обращает внимание сравнительно небольшое ко-

[29] ЛГИА, ф. 210, оп. 1, д. 151, л. 54—55.
[30] Там же, л. 55.
[31] Число так называемого пришлого населения в Петербурге все время возрастало: в 1897 г. его было 868 000 чел., а в 1900 г. — 983 000 (см.: Статистический справочник по Ленинградской области. Л., 1930, стр. 21).
[32] ЛГИА, ф. 210, оп. 1, д. 94, л. 4.
[33] См.: Отчет петербургской городской исполнительной санитарной комиссии за 1900. СПб., 1901.

личество угловых жильцов. Отметим лишь, что скученность обитателей угловых картир была весьма высока даже по этим неполным данным.

Результаты обследования угловых квартир 1900 г. не удовлетворили и санитарную комиссию городской думы. Осенью 1904 г. была предпринята новая такая попытка, подготовленная весьма основательно. Обследование 1904 г., проведенное большой группой врачей, дало уже полный и обширный материал, который предоставляет возможность для детального изучения жилищных условий угловых квартир (см. табл. 10).

Перепись 1904 г. охватила 51 732 жителя угловых квартир, что составляет 4.1% всего населения Петербурга. По словам председателя санитарной комиссии А. Н. Оппенгеймера, на этот раз все угловые жильцы были зарегистрированы обследованием. К сожалению, никаких прямых данных о социальном составе угловых жильцов не имеется. Можно провести лишь косвенные подсчеты на эту тему. В пяти пролетарских участках Петербурга, охваченных переписью 1904 г., насчитывалось 215 609 жителей, т. е. 17.2% населения города. Но в то же время в этих же участках проживало 23 147 угловых жильцов — 44.7% их общего количества. Средний процент угловых обитателей во всех пяти изучаемых участках составлял 10.7 — гораздо выше, чем по городу в целом. Эта цифра не была одинакова для всех пролетарских районов. Самый небольшой процент числа угловых жильцов — во 2-м Васильевском участке: 5.5. Напомним, что здесь находилось много домов с высокой квартирной платой. Зато в 3-м участке Александро-Невской части и 3-м участке Нарвской части доля угловых жильцов составляла соответственно 15.7 и 12.1%, т. е. много больше средней.

Совсем не было угловых квартир в Адмиралтейской части, а в 1-м участке Васильевской в них проживало всего 536 чел., или 1.5% населения.

Если в каждом из пяти участков сравнить численность рабочих с количеством угловых жильцов, то можно заключить, что чем больше рабочих в участке, тем больше и количество угловых жильцов (исключение составляет только 2-й Васильевский участок, но об особенностях этого района уже говорилось):

Части и участки	Рабочих	Угловых жильцов
3-й участок Александро-Невской части	13646	8122
3-й участок Васильевской части	12357	4503
3-й участок Нарвской части	11745	4177
2-й участок Васильевской части	10676	2759
2-й участок Выборгской части	9691	3556

Угловые квартиры были неотъемлемой принадлежностью пролетарских районов столицы, и можно с большой долей уверенности заключить, что основную массу угловых жильцов составляли фабрично-заводские рабочие и их семьи.

Теперь рассмотрим жилищные условия угловых обитателей (см. табл. 10). Прежде всего бросается в глаза чрезвычайная

Таблица 10

Жилищные условия обитателей угловых квартир

Части и участки	Число угловых жильцов		В среднем жителей в комнате	Сырых квартир		Квартир с недостаточным содержанием воздуха		Число коек	Число человек на койку	Плата за угол (в руб.)	Воздух (в куб. саж. на человека)
	всего	в % ко всему населению		всего	в %	всего	в %				
3-й участок Александро-Невской части	8152	15.7	6.2	54	11.6	88	19	4347	1.8	1.5—3	1.34
3-й участок Нарвской части	4177	12.1	7.5	66	33.6	47	24	1756	2.4	2—4	1.12
2-й участок Васильевской части	2759	5.5	5.0	58	30.0	28	14	1450	1.9	2	1.10
3-й участок Васильевской части	4503	9.7	4.1	86	27.6	142	42.6	2218	2.0	2.5—3	1.01
2-й участок Выборгской части	3556	11.0	5.6	29	13.3	57	26.8	1957	1.8	2—4	0.99
Всего в 5 участках	23147	10.7	5.6	293	20.9	362	25.8	11728	Данных нет.		
Всего в городе	51782	4.1									

Примечание. Данные о количестве комнат, квартир и жильцов взяты из доклада А. Н. Оппенгеймера (стр. 35—37). Проценты и средние показатели вычислены нами.

скученность населения. Число жильцов на комнату везде получается больше, чем по данным переписи угловых квартир 1900 г., что объясняется неполнотой последней. При этом надо иметь в виду, что комиссия 1904 г. считала за комнаты также «коридоры и кухни, сдаваемые угловым жильцам», а сами комнаты в огромном большинстве «оказались очень малыми по разме-

рам».[34] В этой связи просто поразительной кажется теснота угловых квартир в 3-м участке Александро-Невской и 3-м участке Нарвской частей, где среднее число жителей в комнате составляло 6—8 чел.

Для угловых жильцов не исключением, а правилом являлся тот факт, что на одну койку приходилось по два человека и даже более. В табл. 10 указано количество жильцов на койку: оно колебалось от 1.8 до 2.4. В 101 квартире рабочих, обследованных Покровской на Выборгской стороне, на 459 кроватей приходилось 1121 чел., т. е. больше двух на одно спальное место. «Встречались квартиры, — пишет Покровская, — где на одну кровать приходится по 3—4 и даже 5 человек. За общее правило надо принять одну кровать на двоих взрослых. Для детей обыкновенно кроватей не полагается и они помещаются, где пришлось».[35] Обычно двое рабочих, снимавших одну койку в угловой квартире, поочередно работали в дневную и ночную смену.[36]

Очень многие квартиры, занимаемые угловыми жильцами, были сырыми. В 3-м Нарвском участке число сырых квартир достигало одной трети, немногим меньше было оно и во 2-м и 3-м участках Васильевской части. В докладе Оппенгеймера так комментируются эти цифры: «Нужно иметь в виду, что квартира признавалась сырой только при наличии резких признаков чрезмерной влажности, как-то: плесени на стенах и на обуви, затхлый и сырой воздух и т. д.».[37]

Теснота, сырость, плохая вентиляция — все это имело следствием крайне недостаточное содержание воздуха в угловых квартирах. «Наименьшее количество воздуха в жилищах, при котором человек может существовать сколько-нибудь сносно, — сообщал Оппенгеймер, — $1\frac{1}{2}$ кубических сажени на человека».[38] Из табл. 10, однако, явствует, что ни в одном из пяти рабочих районов города среднее содержание воздуха не достигало этой нормы «сколько-нибудь сносного существования». В анкетах санитарных врачей, производивших обследование, была даже специальная графа, в которой отмечались квартиры «с незаконным содержанием воздуха», т. е. $\frac{3}{4}$ кубических саженей на человека и менее (по закону такие квартиры следовало закрывать). Оказалось, что число квартир, подлежащих теоретически немедленному закрытию, было очень велико. Во 2-м Выборгском участке и 3-м Нарвском они составляли четвертую часть всех квартир,

[34] См. доклад: А. Н. Оппенгеймер. «Угловые квартиры» в связи с устройством и улучшением жилищ для нуждающегося и рабочего люда. СПб., 1905, стр. 12.

[35] М. И. Покровская, ук. соч., стр. 207.

[36] См. воспоминания рабочего Кошкина: ЦГАОР, ф. 7952, оп. 1, д. 40, л. 13.

[37] См. доклад А. Н. Оппенгеймера, стр. 15.

[38] Там же, стр. 18.

а в 3-м Васильевском их количество достигало невероятной цифры — 42.6%.

В табл. 10 приведены данные о величине квартирной платы угловых жильцов. Фактически это была плата за койку, как правильно отмечено санитарными врачами.[39] В целом плата за койку колебалась между $1\frac{1}{2}$ и 4 руб. в месяц. Любопытно, что эти средние цифры точно совпадают с данными обследования Покровской. Она сообщает, что одинокие рабочие Выборгской стороны платили за койку от $1\frac{1}{2}$ до 4 руб.[40] (в табл. 10 для 2-го Выборгского участка — 2—4 руб.), а «кровать или угол для двоих стоила 3 р. 20 коп.—4 рубля». Если вспомнить, что плата основной части рабочего населения за комнату составляла 6—8 руб., то может показаться странным сравнительно большая стоимость угла или койки. Тут мы подходим к одному очень своеобразному моменту относительно платы рабочего за свое жилище.

Санитарный врач А. Н. Рубель обследовал 120 угловых квартир в Спасской части. Он пришел к выводу, что человек, снимающий угол, платит хозяину за одинаковую площадь значительно большую сумму, чем тот, кто снимает комнату или квартиру целиком. Для съемщика квартиры стоимость 1 кв. аршина обходится, по подсчетам Рубеля, в среднем 22.3 коп., а угловой жилец платит хозяину в среднем 48.6 коп. Не имея в большинстве случаев возможности снять квартиру из-за ее дороговизны, рабочий был вынужден селиться в углу, переплачивая, таким образом, чуть ли не в два раза против стоимости квартиры. Многие хозяева использовали это обстоятельство с большой выгодой для себя. «Отдача углов внаем, — свидетельствует Рубель, — существует в Петербурге в виде особого промысла и притом промысла очень выгодного, приносящего 54—58% прибыли на ничтожный оборотный капитал, при ничтожной зарплате на первичное обзаведение».[41]

Санитарный врач Шлиссельбургского участка Никольский тоже отмечал, что вокруг заводов «нет ни одного дома, где не было бы квартир, отдаваемых внаймы. Некоторые из этого сделали чуть ли не специальный промысел снятия квартир, чтобы отдавать их рабочим».[42]

Существовал, следовательно, довольно широкий круг лиц, которые, пользуясь дороговизной и нехваткой жилищ, эксплуатировали таким образом рабочих уже за пределами фабрики.

Рабочие, снимавшие углы или койки, жили в чрезвычайно плохих условиях. Теснота, плохое качество жилищ при высокой их стоимости, антисанитария — таковы были постоянные спут-

[39] Там же, стр. 21.

[40] М. И. Покровская, ук. соч., стр. 213.

[41] А. Н. Рубель. Жилища бедного населения Петербурга. Вестник обществ. гигиены, суд. и практ. медицины, 1899, апрель, стр. 435.

[42] Л. П. Никольский, ук. соч., стр. 1143—1144.

ники угловых обитателей. Между тем в подобных условиях жила значительная часть петербургского пролетариата. По данным С. Н. Прокоповича за 1908 г., 35.0% обследованных им рабочих были вынуждены снимать угловые помещения.[43] Для начала XX в. эту цифру несомненно следует увеличить.

В изучаемое время в Петербурге почти не встречались дома для рабочих с нарами; во всяком случае комиссия городской думы в 1904 г. насчитала только 375 нар для всего Петербурга.[44] Нет упоминания о нарах как о распространенном явлении и в описаниях санитарных врачей. Зато в пригородах Петербурга бараки с нарами встречались довольно часто.

В Шлиссельбургском участке, вверх по течению Невы, тянулись вереницы кирпичных заводов, на которых работали сезонные рабочие. Жили они в деревянных бараках. Теснота и антисанитария этих помещений превосходит все описанное до сих пор.

Мрачную картину жилищных условий в бараках отмечал санитарный врач Шлиссельбургского уезда Н. Н. Рубель (не путать с А. Н. Рубелем). В отчете за 1902 г. он привел данные обследований жилищ по шести кирпичным заводам с числом рабочих 1878 чел. Врач писал, что нары в бараках очень узкие (менее аршина ширины), сколочены из некрашенных досок. В помещениях не было форточек, потолки низкие — около $1^1/_2$ аршин, на кухнях рабочие готовили себе еду в совершенно антисанитарных условиях.[45]

Фабричный инспектор, в ведение которого входил Шлиссельбургский участок, качество рабочих бараков также признавал «неудовлетворительным». И было отчего! По его же данным, на нарах не имелось даже подобия отдельных мест и рабочие, говорится в докладе инспектора, спали «всплошную». В помещениях на каждого рабочего приходилось по $^1/_2$ куб. сажени воздуха. «Утешением служит то, — смягчал картину инспектор, — что рабочие живут только лето... В хорошие теплые ночи некоторые из рабочих спят под открытым небом».[46]

И тем не менее за такое жилище рабочий должен был платить довольно дорого. «За пользование помещением, баней и за дрова для кухни, — сообщает фабричный инспектор, — каждый кирпичеделец отрабатывает бесплатно 5000—6000 кирпичей, что составляет 10 рублей».[47] Таким образом, место на нарах в этих совершенно антисанитарных условиях обходилось сезонному рабочему в 2—3 руб. в месяц.

[43] С. Н. Прокопович, ук. соч., стр. 10—11.
[44] См. доклад А. Н. Оппенгеймера, стр. 18.
[45] Отчет санитарного врача С.-Петербургского губернского земства Н. Н. Рубеля по Шлиссельбургскому уезду за 1902 г. Отчеты санитарных врачей Петербургского губернского земства за 1902 г. СПб., 1903, стр. 182—183.
[46] ЛГИА, ф. 1229, оп. 1, д. 231, л. 160.
[47] Там же, л. 161.

Картина жилищного положения петербургских рабочих будет неполной, если хотя бы кратко не охарактеризовать общее санитарное состояние заводских районов.

Петербургская промышленность в конце XIX столетия росла очень быстро (особенно на окраинах города), а вместе с ней увеличивалось и количество рабочих. Вокруг заводов возникали обширные жилые кварталы. Застройка их производилась без всякого плана и в нарушение всех существовавших правил градостроительства. Классическим примером такого рода является возникновение рабочего поселка вокруг Путиловского завода (Петергофский пригородный участок). Огромный жилой район с населением около 80 тыс., значительную часть которого составляли путиловцы и их семьи, возник буквально за несколько лет. Условия жизни рабочих этого района в высшей степени типичны для всего пролетарского Петербурга.

Санитарный врач участка А. В. Амстердамский писал в своем отчете за 1902 г.: «Среди огородов близ Путиловского завода за 10 лет выстроилось двенадцать новых улиц... Земельная спекуляция и строительная горячка спешила сделать свое дело, ловили момент, нисколько не заботясь о будущем. Старинные парки вырубались, искусственные пруды и протоки заваливались навозом, сточными помоями, и на всей этой дряни, слегка прикрытой землей и гарью, воздвигались дома нелепой архитектуры. В погоне за экономией места их строители совершенно пренебрегали элементарными требованиями гигиены...».[48]

Пренебрежительное отношение к санитарному состоянию домов, возводимых для рабочих, было характерно для всего Петербурга. Это должен был признать сам градоначальник генерал Клейгельс в отчете Николаю II за 1899 г. По его словам, за отчетный год к петербургским мировым судьям поступило свыше двух с половиной тысяч (!) обвинений по делам «о нарушении домовладельцами правил обязательных постановлений по санитарным и строительным частям и вообще по благоустройству...».[49] Вряд ли стоит говорить, как далеки от совершенства были эти «обязательные постановления» городских властей о санитарном надзоре, но и они не соблюдались.

Весной 1904 г. санитарными врачами было обследовано 14 домов по Забалканскому проспекту, где проживали «рабочие разных фабрик и в особенности с газового завода, как с соседнего».[50] Составленное врачами описание этого района, похороненное в архивах петербургской городской думы, производит ужасающее впечатление: дворы грязные, без признаков благоустройства; выгребные ямы не очищались, отравляя воздух; тут же располагались многочисленные конюшни, а около них стояли ящики с навозом.

[48] ЛГИА, ф. 224, оп. 1, д. 1385, л. 11.
[49] ЦГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 439, л. 29.
[50] ЛГИА, ф. 210, оп. 1, д. 167, л. 14.

Такая же картина была и в других пролетарских районах. Санитарный врач Шлиссельбургского участка Л. П. Никольский отмечал, что «75—80% всех дворов в санитарном отношении неудовлетворительны... Все дворы почти не мощены — исключения редки».[51]

В заводских районах Петербурга не принималось никаких мер по охране здоровья рабочего населения. Дымогарные трубы фабрик не имели каких-либо устройств, уменьшающих копоть, поэтому рабочие окраины буквально тонули в облаках дыма. Доктор Л. П. Никольский писал в 1901 г. о воздушном бассейне города: «В сырую погоду воздух резко насыщен парами кислот». Обычно рабочие селились в непосредственной близости от заводов, потому в их домах «нельзя открыть окна — комната наполняется копотью, пылью и испорченным воздухом».[52]

Рабочие окраины столицы не знали зеленых насаждений. В плане города Петербурга начала XX в. зеленые прямоугольники парков обозначены только в центральных районах. Зато среди обширных заводских районов не имелось ни одного сквера. Санитарный врач Нарвской части сообщал в городскую управу в 1904 г., что около Обводного канала были сделаны «редкие насаждения деревцов», однако уже вскоре они «большею частью посохли». Во всем этом обширном районе, продолжает санитарный врач, нет места, «где бы истомленные рабочие и их семьи могли подышать более чистым воздухом». А в заключение следует грустный вывод, что «этот недостаток присущ всему Петербургу».[53]

Асфальтовых покрытий в столице России того периода еще не было. Центральные магистрали города мостились деревянными торцами, прочие улицы — булыжником. Не то было в районах, заселенных рабочими. Пригородные участки (Петергофский и Шлиссельбургский) почти не имели мощеных улиц, — и, по свидетельствам санитарных врачей, в засушливую погоду там нельзя было дышать от пыли, а в ненастную рабочие, идущие пешком на фабрику (другого способа передвижения не имелось!) утопали в грязи.[54] Но и в заводских районах, расположенных непосредственно в черте города, положение было немногим лучше. Сохранилась обстоятельная докладная записка санитарного врача Выборгской части С. П. Верекундова, который сообщал, что в Петербурге существуют «обширные районы, где улицы, несмотря на значительное количество населения, не имеют тротуаров и панелей».[55]

---

[51] Л. П. Никольский, ук. соч., стр. 1156.
[52] Там же, стр. 1140.
[53] ЛГИА, ф. 210, оп. 1, д. 167, л. 21 об.
[54] См.: Отчеты санитарных врачей Петербургского губернского земства за 1902 г.
[55] ЛГИА, ф. 210, оп. 1, д. 131, л. 9.

Врач приводил примеры такого рода по различным частям города, но более всего — по Выборгской стороне. В этом фабричном районе «имеется до 13 верст немощеных улиц, где вовсе нет тротуаров... На многих мощеных улицах вместо тротуаров существуют только мостки, и то в неудовлетворительном состоянии». Санитарный врач не без иронии добавляет, что «при таких условиях требование городских властей об очистке тротуаров остается мертвою буквою, так как раз нет тротуаров, то нечего и чистить».[56] Все это имело следствием, что рабочие — обитатели Выборгской стороны «принуждены с улицы вносить в свои жилища массу грязи, а с ней зачастую и болезнетворные начала различных эпидемических болезней».

То же самое должны были признать и санитарные врачи полицейского управления Петербурга при описании рабочих кварталов за Невской заставой: «Вместо панелей — деревянные мостки, и настолько обветшалые, что по ним положительно опасно ходить даже днем, а под мостками идут загрязненные, вонючие, никогда не вычищаемые канавы». Здесь не напрасно отмечено, что по таким «тротуарам» страшно передвигаться «даже днем», ибо ночью в рабочих окраинах города «освещение очень бедное, фонарь от фонаря едва видно».[57]

Неудовлетворительное состояние улиц часто приводило к несчастным случаям. По свидетельству санитарного врача, «пешеход, при отсутствии тротуаров, вынужден идти по проезжей дороге». Даже при относительно слабом развитии тогдашнего городского транспорта это вызывало увечья и смерть. Сохранилась любопытная статистика относительно конно-железной дороги, проходившей по главной магистрали Выборгской стороны — Лесному проспекту. За шесть последних лет XIX в. на этом участке произошло 50 наездов — огромное число для того времени! А причина? Все та же: «На большей части Лесной линии вовсе нет тротуаров и полотно конки является наиболее чистым и удобным местом для пешеходов». Аналогичная картина наблюдалась по Сампсониевскому проспекту и другим улицам этой пролетарской окраины столицы.[58] Обстановка, окружавшая дома, населенные рабочими, была крайне неудовлетворительна в санитарном отношении.

Описанную картину рабочих районов Петербурга осталось дополнить последним штрихом, а именно — показать существовавшую там организацию водоснабжения. Напомним, что в пригородных участках городской водопровод не был проложен, поэтому там бытовало местное снабжение, осуществлявшееся частными предпринимателями. Сооружения эти были чрезвычайно ветхими и неудовлетворительными с точки зрения санитарии.

---

[56] Там же, л. 10.
[57] Город Петербург с точки зрения медицинской полиции, стр. 550.
[58] ЛГИА, ф. 210, оп. 1, д. 131, лл. 10 об.—11.

Врач Амстердамский писал, что в рабочий поселок Путиловского завода вода поступает по деревянным трубам (так называемый «Болдыревский водопровод») и ее загрязнение «невероятно велико». Эта вода «не фильтруется, а направляется в трубы непосредственно из реки Екатерингофки». Не лучше обстояло дело с канализацией. Нечистоты сваливались в выгребные ямы, откуда подземные воды разносили продукты разложения к источникам водоснабжения. «Если дело водоснабжения и канализации останется в настоящем своем виде, — заключает Амстердамский, — то неизбежно следует ожидать развития желудочно-кишечных заболеваний».[59]

Однако не надо было «ожидать» распространения эпидемий в пролетарских районах, так как они практически не затухали, обостряясь время от времени до весьма серьезных масштабов. Теснота и антисанитария рабочих жилищ, потребление неочищенной невской воды, неблагоустроенность пролетарских районов — все это в сочетании с изнурительным трудом на фабрике имело неизбежным следствием тот факт, что эпидемии брюшного тифа, холеры и других острозаразных заболеваний были частыми в рабочих кварталах.

Полицейские врачи прямо говорили, что «половина населения больных Петербурга доставляется подвальными и чердачными помещениями».[60] А основным контингентом этих помещений был рабочий люд. Проведя обследование больных рабочих, живших в подвалах, санитарные врачи отметили, что «все подобные заболевания происходят от тесноты, сырости и многих других неудобств этих помещений».[61]

Свидетельств, подтверждающих прямую связь между плохими санитарными условиями жилищ рабочих и их высокой заболеваемостью, чрезвычайно много. Приведем лишь одно из них. Обследуя жителей Александро-Невской части, полицейские врачи особо выделили район за Невской заставой, заселенный рабочими (3-й участок), как чрезвычайно опасный в смысле распространения эпидемий. Они писали в своем отчете: «Вследствие скученности населения, при плохих санитарных условиях жилищ, здесь чрезвычайно развиты инфекционные заболевания среди фабрично-заводских рабочих и их детей. Две трети общего количества инфекционных заболеваний в Александро-Невской части дает описываемый район».[62]

Как итог тяжелого санитарного состояния пролетарских районов Петербурга и развития в них эпидемий, приведем данные доктора В. П. Кашкадамова. В 1903 г. в городе вспыхнула довольно сильная эпидемия холеры. Она поразила различные

[59] ЛГИА, ф. 224, оп. 1, д. 1815, л. 14.
[60] Город Петербург с точки зрения медицинской полиции, стр. 555.
[61] ЛГИА, ф. 210, оп. 1, д. 193, л. 1 об.
[62] Город Петербург с точки зрения медицинской полиции, стр. 548.

районы столицы далеко не равномерно. Можно установить прямую зависимость между скученностью населения и заболеваемостью холерой в различных частях Петербурга. Сравним пролетарские районы с центральной Адмиралтейской частью:[63]

Части	Среднее число жителей в комнате	Количество больных на 100 чел.
Александро-Невская . . .	3.9	52.9
Нарвская	3.6	41.6
Выборгская	3.2	27.2
Адмиралтейская	1.2	7.8

Таким образом, чем больше была скученность населения в рабочих районах, тем выше в них процент заболеваемости. И напротив, в одном из центральных районов столицы, населенном наиболее состоятельными лицами, эпидемия холеры распространилась неизмеримо слабее, чем на рабочих окраинах.

Русские санитарные врачи прилагали поистине героические усилия, чтобы улучшить условия существования рабочего населения столицы. Кое-что им удавалось сделать, но эта была капля в море. Все усилия врачей наталкивались на глухую стену царского бюрократического механизма, откуда невозможно было ожидать содействия и помощи.

Принимались ли какие-либо меры для улучшения жилищных условий рабочих?

Отчеты, доклады и заявления санитарных врачей буквально переполнены фактами, которые говорят о полном бессилии мер официального надзора. А ведь именно через санитарные комиссии городские власти должны были следить за санитарным состоянием домов. Как итог многочисленным высказываниям на этот счет можно привести лишь одно, но весьма красноречивое заявление, которое сделал А. Н. Рубель на IX Пироговском съезде. «Иногда санитарному врачу приходится пускать в ход самое грозное имеющееся в его руках средство: полицейский протокол... Но и это крайнее средство оказывается обыкновенно бессильным: протокол, направляемый в городскую управу, нередко задерживается там годами, и известны случаи, когда на протяжении короткого периода времени санитарными врачами по поводу одного и того же нарушения... составлялось до 10 протоколов и тем не менее предъявленные требования оставались невыполненными». И тут же Рубель прямо называет причину инертности городских властей: «Работа в деле надзора за санитарным состоянием домов... не гармонирует с имущественными интересами домовладельцев», а все выборные органы состоят именно «из представителей только домовладельческого класса населения».[64]

[63] В. П. Кашкадамов, ук. соч., стр. 9.
[64] Русский врач, 1904, № 7, стр. 250.

В начале 900-х годов в печати поднимался вопрос о необходимости строительства домов для рабочих. Однако дело ограничивалось декларациями. В ноябре 1901 г. петербургская санитарная комиссия постановила, что Дума должна «оказать воздействие на фабрикантов и заводчиков, ибо на их нравственной обязанности лежит радеть о благополучии своих рабочих».[65] Еще в 1894 г. при Обществе охраны народного здравия возникла комиссия, которая должна была организовать строительство домов для рабочих.[66] Однако за все изучаемое нами время ни одного такого дома построено не было. Это дало повод А. Н. Рубелю с горькой иронией заметить: «Еще много десятков лет придется нашему рабочему прозябать в грязных углах, если ждать постройки специальных домов».[67]

Не благотворительными пожеланиями одиночек, а только активной борьбой за свои права мог русский пролетарий добиться улучшения своих поистине тяжелых жилищных условий.

---

[65] ЛГИА, ф. 210, оп. 1, д. 94, л. 5.
[66] В. И. Бинншток, ук. соч., стр. 124.
[67] А. Н. Рубель, ук. соч., стр. 445.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сергей Николаевич Семанов

ПЕТЕРБУРГСКИЕ РАБОЧИЕ НАКАНУНЕ
ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Утверждено к печати
Ленинградским отделением Института
истории Академии наук СССР

Редактор Издательства *И. Б. Марморштейн*
Художник *Д. А. Андреев*
Технический редактор *Г. А. Бессонова*
Корректоры *Г. А. Аухимович* и *Г. В. Семерикова*

Сдано в набор 20/IX 1966 г. Подписано к печати 16/XI 1966 г. РИСО АН СССР 40—96В. Формат бумаги $60 \times 90^1/_{16}$. Бум. л. $5^3/_8$. Печ. л. $10^3/_4 = 10^3/_4$ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 11,43. Изд. № 3079. Тип. зак. № 1217. М-52747. Тираж 2100. Бумага типографская № 2. *Цена 69 коп.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34,
9 линия, д. 12